

2020

Issue 3

**VESTNIK YAROSLAVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA IM. P. G. DEMIDOVA.
SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**

ACADEMIC JOURNAL

Start date of publication – January 2007

Published four times a year

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Phone.: +7-910-971-39-04 (Markova Elena Vladimirovna)

2020

№ 3

**ВЕСТНИК ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2007 года

Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Тел.: +7-910-971-39-04 (Маркова Елена Владимировна)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-69692 от «05» мая 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 78782. Подписано в печать 15.09.2020. Формат 60 x 84 1/8. Объем 136 с. Тираж 32 экз. Заказ № . Цена свободная. Дата выхода в свет 30.09.2020. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань», ул. Свободы, 91, Ярославль, 150049, Российская Федерация.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Anatoliy V. Karpov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Tatiana M. Gavristova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Maksim V. Bavsun (Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia)

Alexander I. Dontsov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Anatoly L. Zhuravlev (Institute of Psychology, Moscow, Russia)

Yuriy P. Zinchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Artem V. Ivanchin (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Olga Y. Ilyina (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir N. Kartashov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Mergalias M. Kashapov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Vladimir P. Konyakhin (Kuban State University, Krasnodar, Russia)

Natalia L. Krylova (African Institute, Moscow, Russia)

Alexander M. Kurennoj (Moscow State University, Moscow, Russia)

Andrey M. Lushnikov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Marina V. Lushnikova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)

Sergey B. Malykh (Psychological Institute of RAO, Moscow, Russia)

Viktoriya M. Marasanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Andrey A. Spiridonov (Russian Federation government, Moscow, Russia)

Nadegda N. Tarusina (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Lidia V. Tumanova (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir P. Fedyuk (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Pyotr P. Cherkasov (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia)

Vladimir D. Shadrikov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Elena V. Markova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Карпов – (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Т. М. Гавристова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- М. В. Бавсун (Омская Академия МВД России, Омск, Россия)
А. И. Донцов (МГУ, Москва, Россия)
А. Л. Журавлев (ИПРАН, Москва, Россия)
Ю. П. Зинченко (МГУ, Москва, Россия)
А. В. Иванчин (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
О. Ю. Ильина (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. Н. Карташов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. М. Кашапов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
В. П. Коняхин (КубГУ, Краснодар, Россия)
Н. Л. Крылова (Институт Африки РАН, Москва, Россия)
А. М. Куренной (МГУ, Москва, Россия)
А. М. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. В. Лушникова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
С. П. Маврин (Конституционный суд РФ, Москва, Россия)
С. Б. Малых (ПИ РАО, Москва, Россия)
В. М. Марасанова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
А. А. Спиридонов (Правительство РФ, Москва, Россия)
Н. Н. Тарусина (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
Л. В. Туманова (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. П. Федюк (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
П. П. Черкасов (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)
В. Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Е. В. Маркова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

HISTORY

Marasanova V. M.

“Diligence for the service“: bailiffs
of the yaroslavl district court (1866–1917).....6

Volkova T. I.

The Zemstvo experience in the Socio-cultural
Transformation of the Rural Population
in the Late Period of Russian Monoparty Rule
(the beginning of the XX century)..... 14

Mironova N. A., Kulikov V. V.

Military Sanitary and Epidemic Detachment
of Communists in the Fight against
the Typhos Epidemic in Samara..... 22

Borisova A. V.

Parish Schools and the Reform of Public
Education in the Reign of Alexander I:
Ideas and Implementation 30

Spiridonova E. V.

King Arthur’s Material Attributes: Weapons 34

Zagora M. G.

Gendarme control in the Grand Duchy
of Finland in the 19th century..... 40

Filimonov N. A.

Appointment of Governors to the Roman
Province of Dacia under the Antonine Dynasty:
the requirements for candidates 44

LAW

Ivanchin A. V., Smolyakov A. N.

Theft and computer fraud from a bank
account or with regard to electronic money:
problems of differentiating responsibility 50

Tarusina N. N., Sochneva O. I.

Beginnings of legal regulation
of family relations: design assumptions 56

Isaeva E. A., Sokolov A. V.

Transformation of the Institute of Charity
in Russia: a vector for transparency..... 62

Koshel A. S.

On the issue of the influence of the formation
of the upper house of parliament on its role
in the parliamentary procedures..... 70

Shkunov A. D.

The feature “use of one’s official position“
as the way of differentiating criminal liability
for economic crimes..... 76

PSYCHOLOGY

Karpov A. V.

Personality phenomenon and noumenon 82

Koneva E. V.

Meso-environment and mental development..... 92

Karpova E. V., Ekaterinina M. V.

Specificity of subject determinants
of the professionalization process of nurses..... 98

Kostina L. N., Pham Viet Khoa

Theoretical and applied issues of professional
masterliness of the dis-trict police officer
of Russian Federation and Socialist Republic
of Vietnam.....108

Melnichuk A. S.

The interrelation of worldview and the decision-
making style 114

Kutuzova A. B., Mekhtikhanova N. N.

Complex problems as a subject
of psychological research..... 122

Gritsay A. O.

Strategies and psychotechnologies
of the psychologist’s work in the framework
of a body-oriented approach..... 130

ИСТОРИЯ

Марасанова В. М.

«Усердие к службе»: судебные приставы Ярославского окружного суда (1866–1917) 6

Волкова Т. И.

Опыт земств в социокультурной трансформации сельского населения в поздний период российского монопартийного правления (начало XX века) 14

Миронова Н. А., Куликов В. В.

Боевой санэпидотряд коммунистов в борьбе с эпидемией тифа в Самаре 22

Борисова А. В.

Приходские училища и реформа Народного просвещения в царствование Александра I: идеи и реализация 30

Спиридонова Е. В.

Материальная атрибутика короля Артура: оружие 34

Загора М. Г.

Жандармский контроль в Великом княжестве Финляндском в XIX в. 40

Филимонов Н. А.

Назначение наместников в римскую провинцию Дакия при династии Антонинов: требования к кандидатам 44

ПРАВО

Иванчин А. В., Смоляков А. Н.

Кража и компьютерное мошенничество с банковского счета или в отношении электронных денежных средств: проблемы дифференциации ответственности 50

Тарусина Н. Н., Сочнева О. И.

Начала правового регулирования семейных отношений: проектные предположения 56

Исаева Е. А., Соколов А. В.

Трансформация института благотворительности в России: вектор на прозрачность 62

Кошель А. С.

К вопросу о влиянии порядка формирования верхней палаты парламента на ее роль в парламентских процедурах 70

Шкунов А. Д.

Признак «использование лицом своего служебного положения» как средство дифференциации уголовной ответственности за экономические преступления 76

ПСИХОЛОГИЯ

Карпов А. В.

Феномен и ноумен личности 82

Конева Е. В.

Мезосреда и психическое развитие 92

Карпова Е. В., Екатерина М. В.

Специфика субъектных детерминант процесса профессионализации медицинских сестёр 98

Костина Л. Н., Фам Вьет Кхоа

Теоретико-прикладные вопросы профессионального мастерства участкового уполномоченного полиции Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам 108

Мельничук А. С.

Взаимосвязь картины мира и стиля принятия решений 114

Кутузова А. Б., Мехтиханова Н. Н.

Сложные проблемы как предмет психологических исследований 122

Грицай А. О.

Стратегии и психотехнологии работы психолога в рамках телесно-ориентированного подхода 130

«Diligence for the service»: bailiffs of the yaroslavl district court (1866–1917)

V. M. Marasanova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research Article
Full text in Russian

The article analyzes the composition and official activity of the bailiffs of the Yaroslavl District Court. The author characterizes the requirements imposed on the bailiffs, their duties, status and salary. The duties of maintaining documentation, organizing court hearings and enforcing court decisions, entrusted to the bailiffs, were an important part of the coordinated work of the entire judicial system. It is noted that over half-century of the Yaroslavl District Court's history, the tasks of bailiffs remained virtually unchanged, excepted the release from the duty of delivering subpoenas. The information on the number of bailiffs is given, the stability of their composition and long service, up to 25 years or more, are noted. It's emphasized that the bailiffs were perceived as the personification of the entire state order, therefore the increase in the number of complaints against the actions of the bailiffs at the beginning of the 20th century is considered as one of the manifestations of the protest moods growing in the society.

Keywords: Yaroslavl District Court; bailiff; case; service; hearing

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Marasanova Victoria M.	E-mail: vmm@uniyar.ac.ru
	ORCID 0000-0001-8973-7831
	Doctor Cand. Sc. (History), Professor

«Усердие к службе»: судебные приставы Ярославского окружного суда (1866–1917)

В. М. Марасанова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 94(47)+908+929
Научная статья

В статье анализируется состав и служебная деятельность судебных приставов Ярославского окружного суда. Охарактеризованы требования, предъявлявшиеся к судебным приставам, их обязанности, статус, денежное содержание. Возложенные на приставов обязанности ведения делопроизводственной документации, организации судебных заседаний и исполнения судебных решений являлись важной частью слаженной работы всей судебной системы. Отмечается, что на протяжении полувековой истории Ярославского окружного суда задачи судебных приставов остались практически неизменными, за исключением освобождения от обязанностей по доставке судебных повесток. Приведены данные о численности судебных приставов, отмечена стабильность их состава и длительные сроки службы – до 25 и более лет. Подчеркнуто, что судебный пристав воспринимался как олицетворение всего государственного порядка, поэтому увеличение количества жалоб на действия судебных приставов в начале XX века рассматривается как одно из проявлений роста протестных настроений в обществе.

Ключевые слова: Ярославский окружной суд; судебный пристав; дело; служба; заседание

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марасанова Виктория Михайловна | E-mail: vmm@uniyar.ac.ru
ODCID 0000-0001-8973-7831
Доктор исторических наук, профессор

При императоре Александре II на смену сословных судов пришла двухуровневая судебная система, состоящая из окружных и мировых судов [1]. Новые судебные уставы 1864 года учредили институты судебных следователей, адвокатуры, нотариата, мировых судов, судов присяжных, приставов. Каждая группа должностей имела свои особенности формирования и профессионально-сословного состава; актуальным с теоретической и практической точки зрения является их изучение с помощью широкого инструментария гуманитарных наук.

Суд «скорый и правый» требовал быстрого и точного исполнения решений. До судебной реформы 1864 года их исполнение относилось

к обязанностям полиции и имело многочисленные недостатки, связанные прежде всего с «доставлением» свидетелей в суд и медленным исполнением судебных решений, долгим ожиданием восстановления нарушенного права. Новые судебные уставы освободили полицию от обязанностей по исполнению судебных решений и возложили их на приставов. Должности судебных приставов вводились при кассационных департаментах Сената, судебных палатах и окружных судах; при мировых судах создание института приставов не являлось обязательным.

Организационно-правовые основы института судебных приставов по России в целом рассмотрены в трудах и диссертации

ях по юридическим наукам В. В. Захарова [2] и Т. А. Зезюлиной [3]. Вслед за ними ученые-юристы продолжили изучение темы в региональном измерении: О. А. Иванова – на примере Казанской [4], Т. Б. Каримов – Уфимской [5], Д. В. Болдырев – Пензенской [6], В. М. Туйчиев – Вятской [7] губерниях. Особенностью вышеназванных работ является обязательное рассмотрение полномочий судебных приставов и единые хронологические рамки – от судебной реформы 1864 года до революций 1917 года. Губернии центрального региона, где находилась Ярославская губерния, пока еще не были предметом специального исследования.

Первичные архивные материалы о работе судебных приставов в незначительной степени вовлечены в научный оборот. В связи с этим актуально обращение исследовательского интереса к кадровому составу и деятельности судебных приставов при конкретных окружных судах; в Российской империи в начале XX века их было 84. Комплексный анализ источников позволяет реконструировать как деятельность конкретного учреждения и роль судебных приставов в его работе, так и служебные биографии самих приставов Ярославского окружного суда. Хронологические рамки исследования определены периодом работы Ярославского окружного суда – от создания суда в ноябре 1866 года до принятия Декрета «О суде» 24 ноября 1917 года.

К изучению объекта исследования – институту судебных приставов Ярославской губернии – применялись исторические методы исследования: историко-хронологический (комплексное изучение института судебных приставов в развитии с выявлением причинно-следственных связей, роли в судебной системе и результатов деятельности); историко-генетический (для перехода от анализа регламентации правового статуса судебных приставов к рассмотрению конкретных организационно-управленческих практик); историко-типологический (для выделения основных вопросов в служебной деятельности приставов на основе изучения делопроизводительной документации); биографический (метод создания индивидуальных и коллективных биографий), направленный на изучение демографических, сословно-социальных

и служебных характеристик судебных приставов как особой группы в составе отечественной бюрократии и др.

Фонд Ярославского окружного суда в Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО) включает алфавиты, настольные реестры, журналы заседаний, ведомости о движении дел, списки дел, личные дела чиновников, очередные и запасные списки присяжных заседателей и т. д. В данном фонде сохранились также журналы судебных приставов, фиксирующие исполнение их служебных обязанностей.

Объявления о допущении судебных приставов к должности и утверждению в должности печатались в газете «Ярославские губернские ведомости». Полные списки судебных приставов ежегодно публиковались в официальных справочниках по личному составу правительственных учреждений Ярославской губернии – «Памятных книгах», «Справочных книгах». Иногда в справочники включалась информация об адресах квартир, где проживали судебные приставы всех уездов.

Права и обязанности приставов определяла первая глава 9 раздела «Учреждения судебных установлений» от 20 ноября 1864 года [8]. Судебным приставом мог быть только российский подданный старше 21-го года, не имеющих судимости, не являющийся «неоплатным» должником. Должность судебного пристава не могли занимать лица, состоящие на службе от правительства или по выбору; лишенные сана священнослужители; лица, исключенные из судебного ведомства за какие-либо правонарушения; лица, исключенные из общественных организаций «за пороки». Для подтверждения моральных качеств претендента должна была представляться положительная рекомендация с прежнего места службы или от сословных органов. Судебных приставов из числа подавших прошения выбирал и утверждал в должности председатель окружного суда.

Судебные приставы должны были всемерно содействовать утверждению уважения к закону. На судебных приставов возлагались такие обязанности, как рассылка повесток и прочих бумаг, доставка в суд свидетелей, исполнение судебных решений и др. Приставы выполняли обязанности по поддер-

жанию порядка в зале заседания и ежедневно, кроме выходных, вели прием посетителей. Судебные приставы готовили следующие документы: входящий реестр для записи поступающих бумаг и возложенных на них поручений; настольный реестр для записи находящихся в производстве дел; исходящий реестр для записи исходящих бумаг; денежную книгу «для записки прихода и расхода денег, получаемых ими по должности». Все реестры и книги в назначенный срок представлялись председателю окружного суда.

При подаче заявления о назначении на должность судебный пристав должен был внести 600 руб. в качестве залога. Если судебный пристав своими неправильными действиями причинял убытки, они возмещались из суммы залога, а если средств не хватало, для возмещения использовались личные средства или имущество пристава. Пристава, причинившего убытки, отстраняли от службы до повторного внесения полного залога. За промедление в доставлении документов или за передачу их «ненадлежащим лицам», за превышение власти и другие противозаконные действия пристава могли подвергаться дисциплинарному взысканию или уголовному суду. Выезжая с места постоянного жительства, судебный пристав должен был вывесить объявление о том, куда он отлучился и когда возвратится. Если он болел, его работу выполняли другие приставы или чиновники по указанию председателя окружного суда.

В течение пореформенного периода круг обязанностей приставов при Ярославском окружном суде практически не менялся. Единственным изменением в их обязанностях стало то, что доставление повесток было поручено судебным рассыльным. Это несколько снизило нагрузку на судебных приставов в начале XX века, связанную со значительным увеличением количества рассматриваемых дел.

При создании Ярославского окружного суда в 1866 году на его «округу» было назначено четыре должности судебного пристава, затем их число увеличилось до 8 человек [9, л. 13]. Собственно в Ярославле при окружном суде служили в 1870-е годы три судебных пристава, в 1880-е – четыре [10, л. 7]. Один из всех, имеющий жительство в г. Ярославле, по установленной между ними очереди, должен на-

ходиться в заседаниях суда до окончания присутствия. Если в Ярославском окружном суде одновременно шли уголовное и гражданское заседания, то при них должны были находиться два судебных пристава. Остальные проживали в уездах. Они могли отвечать за 2 или 3 уезда. Так, в 1891 году «на округу» Ярославского окружного суда было назначено 4 должности судебных приставов [11, л. 27].

В связи с ростом количества дел, рассматриваемых в окружном суде в начале XX века, общая численность судебных приставов возросла до 11 человек [12, л. 2]. В 1890 году Ярославский окружной суд был объединен с Рыбинским и стал единым для всей губернии.

Обязательный залог в сумме 600 руб. представлял собой весьма значительную для своего времени сумму (годовой заработок высококвалифицированного рабочего). Не случайно для многих желающих занять место судебного пристава такая сумма залога становилась непреодолимым препятствием. Чаще всего на эти должности приходили лица с приличным достатком и соответствующим социальным статусом, имевшие классы среднего разряда по «Табели о рангах» – с 7-го (надворный советник) до 9-й (титулярный советник). Так, в числе первых судебных приставов Ярославского окружного суда значился князь Владимир Енгальчев.

В то же время 26 декабря 1866 года датировано одно из первых прошений об определении на службу судебным приставом при Ярославском окружном суде Александра Алексеевича Кораблева, имевшего относительно невысокий чин губернского секретаря – 12-й по «Табели о рангах». Председатель Ярославского окружного суда Карл Карлович Поппе принял его прошение 7 ноября 1866 года. Аттестат о службе А. А. Кораблева был выдан ему командиром Санкт-Петербургского жандармского дивизиона [13, л. 3], он имел необходимый служебный опыт для выполнения своих обязанностей.

В конце 1866 года исполняющими должности судебных приставов при Ярославском окружном суде были приняты пять человек: титулярный советник Иван Трапицын; коллежские регистраторы Федор Потехин и Сергей Вознесенский; коллежский секретарь Митрофан Иванов; отставной губернский секретарь Федор Голосов. Через год они были

окончательно утверждены в должностях приказом председателя Ярославского окружного суда Карла Карловича Поппе: «Принимаемая в виду усердие к службе исправляющих должности судебных приставов титулярного советника князя Владимира Енгальчева, коллежского секретаря Митрофана Иванова, губернских секретарей Александра Кораблева и Федора Голосова и коллежского регистратора Федора Потехина, и усматривая из справки, что они исправляют означенную должность более года <...> постановляю утвердить в этой должности Поппе» [13, л. 47]. Один из судебных приставов, Сергей Вознесенский, в списке утвержденных в должности не значился.

Коллежский секретарь, губернский секретарь, коллежский регистратор – чины соответственно 10, 12 и 14-го классов по «Табели о рангах». Как видим, в Ярославском окружном суде на должности судебных приставов приходили лица с самыми низкими классами, однако имевшие опыт службы в государственных учреждениях, жандармских структурах и полиции. К примеру, Иван Трапицын ранее служил секретарем Вятского городского полицейского управления, Митрофан Иванов – секретарем Московского окружного суда и т. д. По должности судебные приставы причислялись к 8-му классу по «Табели о рангах».

В фонде Ярославского окружного суда сохранилось «Дело о службе судебного пристава Федора Васильевича Голосова», начатое 9 декабря 1866 года. В деле сказано, что он «из дворян, от роду двадцать семь лет, вероисповедания православного, холост, имения за ним и за родителями его никакого не состоит. Воспитывался в Ярославском Демидовском лицее и, не окончив в оном полного курса, в службу вступил в Ярославское губернское правление в разряд писцов младшего оклада 1861 года мая 4 дня. Помещен на вакансию писца старшего разряда того же года июля 14». После этого в течение нескольких лет был командирован в Любимское и Мышкинское рекрутские присутствия, 8 июня 1865 года был назначен делопроизводителем Ярославского губернского правления; «в штрафах, под судом и следствием не был» [14, л. 2]. Всего удалось установить 26 имен судебных приставов Ярославского окружного суда за период его деятельности.

2 июня 1879 года личный дворянин Иван Николаевич Цветаев был определен судебным приставом при окружном суде по городу Ростову на открывшуюся вакансию. В постановлении было указано, что он представил необходимые свидетельства об образовании и происхождении и внес требуемый законом залог. Иван Николаевич Цветаев являлся судебным приставом в Ростове до 1883 года, затем в течение шести лет до 1889 года служил судебным приставом в Ярославле, а в 1889 году был переведен на такую же должность в Романов-Борисоглебск. Вероятно, в следующем документе идет речь о сыне И. Н. Цветаева, канцелярском служителе, продолжившем семейную династию судебных приставов.

21 января 1891 года председатель Ярославского окружного суда Николай Авксентьевич Манасеин принял прошение «и.д. судебного пристава по Пошехонскому и Любимскому уезду Малыева освободить его, по домашним обстоятельствам, от должности судебного пристава и назначить канцелярским чиновником суда, а канцелярского служителя Цветаева назначить на должность судебного пристава. Потребовать от Цветаева залога в 600 руб., предписать ему отправиться в город Пошехонье на место служения и принять установленным порядком от Малыева дела, книги, наряды, знак и должностную печать» [15, л. 6]. В том же 1891 году Цветаева-младшего перевели в Ярославль, где он прослужил судебным приставом до 1895 года.

Для судебных приставов, служивших при Ярославском окружном суде, были характерны стабильность состава и длительные сроки службы. В частности, судебными приставами при Ярославском окружном суде служили в 1870–1884 годах Павел Александрович Иванов и в 1872–1888 годах Александр Васильевич Кузнецов. Каждый из них имел продолжительный стаж службы – 14 и 16 лет соответственно. Судебный пристав Алексей Алексеевич Крылов в 1875–1890 годах служил при Рыбинском окружном суде. После закрытия суда он остался в судебной системе, в 1890–1894 годах служил судебным приставом в Мологском уезде, а в 1894–1899 годах – в Рыбинском уезде. Его стаж в должности судебного пристава составил почти четверть века.

У двух судебных приставов срок службы в должности составил более 30 лет. Судебный пристав Николай Иванович Воскресенский служил при Ярославском окружном суде с 1885 года до начала Первой мировой войны. Судебный пристав Иван Иоасафович Дмитриевский начал службу в 1888 году, и она закончилась только в 1917 году вместе с крушением Российской империи.

Подобные продолжительные сроки службы в составе Ярославского окружного суда имели председатели суда и судьи, однако они практически никогда не являлись местными уроженцами в отличие от большинства судебных приставов. Прокуроры суда, к примеру, в среднем служили на должности по два года, а затем перемещались в другие губернии.

Основным показателем работы судов и соответственно приставов было количество рассмотренных дел. Например, в течение 1868 года по Ярославскому окружному суду было окончено исполнительных листов 198, или в среднем по 40 на каждого пристава, в том числе: по производству денежных взысканий 184; по прочим предметам 14. В конце года осталось исполнительных листов для окончания возложенных на них исполнительных действий – 84. Предъявлено исполнительных листов – 427, из них доставлено приставами судебных повесток – 3036 [9, л. 152–153].

«Усердие к службе» судебных приставов выражалось в том, что они содействовали пополнению казны. Только за первый год работы, 1867-й, судебные приставы Ярославского окружного суда взыскали с должников свыше 148 тыс. руб., дополнительно собрали в казну 20650 руб. 44 коп. Количество денег, полученных судебными приставами, для внесения в общую кассу судебных приставов составило 1783 р. 19 коп. [9, л. 12]; это были так называемые «наградные» деньги для судебных приставов.

Денежное содержание судебных приставов было довольно низким, меньше получали только канцеляристы и рассыльные. Судебные приставы получали столько же, сколько помощники секретарей. Например, на 1874 год это составляло 276 руб. жалованья и 147 руб. «столовых» в год [16, л. 5 об.]. Тогда судебными приставами при Ярославском окружном суде в Ярославле являлись Н. И. Андреев, П. А. Ива-

нов и Н. И. Введенский. Для сравнения отметим, что в то же время судебные следователи Ярославского окружного суда (4 человека) получали 920 руб. жалованья и 490 руб. «столовых», секретари суда (2 человека) – 552 руб. жалования и 294 руб. «столовых» и даже архивариус суда П. П. Агриколянский получал значительно больше приставов – 460 жалованья и 245 руб. «столовых».

В конце 1870-х годов, когда при Ярославском окружном суде числилось 8 судебных приставов, их жалованье увеличилось до 300 руб. в год, «столовые» оставались практически прежними – 150 руб. в год. Если судебный пристав жил в наемной квартире или доме, ему выплачивалось 150 руб. «квартирных», около 600 руб. в год.

Помимо установленного штатом жалования, в соответствии с «Учреждением судебных установлений» судебные приставы могли получать немалые «наградные». Размер такого дополнительного вознаграждения по представлению судебной палаты утверждало Министерство юстиции. Затем «наградные» распределялись между судебными приставами в соответствии с их заслугами. Такое дополнительное вознаграждение зависело от средств, собранных судебными приставами при исполнении своих обязанностей. Это составляло весьма привлекательную сторону службы судебных приставов, потеря места службы была для них нежелательной.

«Наградные» могли достигать 200 руб. в год на одного пристава в 1870-х годах. Согласно архивным документам, «лиц, имеющих право на участие в собранных по 1 января 1868 года вознаграждениях Ярославского окружного суда – 12» [9, л. 12]. В 1867 год приставы имели право на «наградные» в размере 1190 руб., больше всех – по 150 руб. – получили князь Владимир Енгальчев, Митрофан Иванов, Александр Кораблев и пристав Томановский, меньше всех – по 30 руб. – судебные приставы Налетов и Вознесенский. В 1868 году на «наградные» в Ярославском окружном суде было собрано в полтора раза больше средств – 1783 руб. 19 коп.

Должность судебного пристава обеспечивала высокий социальный статус, что также объясняло продолжительные сроки службы. На доме каждого судебного пристава,

как и на доме судебного следователя, устанавливалась табличка с указанием должности и имени. При вступлении в должность после принесении присяги ему выдавались особое свидетельство с указанием местности, «назначенной ему для жительства», особый нагрудный знак и печать судебного пристава. Каждый должен был иметь мундир, его должности присвоенный, и обязан был являться на заседания с нагрудным знаком судебного пристава и при шпаге.

Практически с начала деятельности Ярославского окружного суда в его документах появились жалобы на действия судебных приставов. К примеру, за 1868 год было подано на судебных приставов Ярославского окружного суда 8 жалоб, и из них «оставлено без уважения» (отклонено) – 6. Количество жалоб выросло с 1905 года, что было связано с изменением ситуации в стране и ростом числа политических выступлений. Нередко судебные приставы, полицейские надзиратели, городовые и другие должностные лица низшего звена выступали в качестве объектов террористических атак и покушений со стороны анархистских и иных антиправительственных групп не в силу своей служебной деятельности, а как олицетворение системы. К примеру, в марте 1906 года в военном суде Ярославля слушалось дело Николая Шмакова, обвиняемого «за покушение на убийство помощника пристава Королькова» [17]. Подсудимого приговорили «к заключению в исправительных арестантских отделениях на 4 года» [18]. Источники не отмечают, о судебном либо становом приставе шла речь, но тенденция выбора целей террористами понятна.

Судебные приставы каждого округа имели право избирать совет судебных приставов, состоящий из старшины совета и членов. Совет мог контролировать их деятельность, разрешать споры и жалобы, рассматривать жалобы частных лиц на действия приставов, распределять суммы дополни-

тельного вознаграждения, налагать дисциплинарные взыскания, вплоть до выговора. Однако судебные приставы Ярославской губернии в 1867 году «не изъявили согласия на избрание» в совет [19]. Он не был создан и в дальнейшем.

Несомненно, можно сделать вывод о том, что четкая организация судебных заседаний и исполнение судебных решений, возложенное на судебных приставов, были важной частью работы системы. С введением их должности заметно ускорилось исполнение судебных решений. Возможность получения «наградных» и престижность занимаемой должности составляли привлекательную сторону службы. Обязательное наличие таблички на доме пристава с указанием должности и имени, ношение мундира, нагрудного знака и шпаги фиксировало значимость судебного пристава в каждом судебном заседании и во всем судопроизводстве. Проведенное исследование показало высокую стабильность состава судебных приставов Ярославского окружного суда. Увеличение количества жалоб на действия судебных приставов в начале XX века было одним из проявлений роста протестных настроений в обществе и негативного отношения ко всему государственному строю и его конкретным представителям.

Институт судебных приставов был упразднен Декретом СНК РСФСР «О суде» № 1 от 24 ноября 1917 года одновременно с ликвидацией всей судебной системы Российской империи. Однако многие институты, апробированные в судебной практике второй половины XIX – начала XX столетия, вернулись в жизнь за последние десятилетия. В 1997 году в Российской Федерации был принят ФЗ № 118 «О судебных приставах», который положил начало формированию Федеральной службы судебных приставов. И сегодня в современной России служба судебных приставов широко известна. Значит, исторический опыт был изучен и востребован в новых условиях.

Ссылки

1. Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы: В 6 т. М.: Мысль, 2003. Т. 3: От Свода законов к судебной реформе 1864 г. 829 с.
2. Захаров В. В. Институт судебных приставов в дореволюционной России, 1864–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Юрид. ин-т МВД Росии. М., 2000. 21 с.

3. Зезюлина Т. А. Организационно-правовые основы становления и функционирования института судебных приставов в России (1864–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Владимир, юрид. ин-т Федерал. службы исполнения наказаний. Владимир, 2006. 22 с.

4. Иванова О. А. Организационно-правовые основы становления и развития службы судебных приставов в Казанской губернии (1864 – ноябрь 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Акад. Упр. МВД РФ. М., 2004. 24 с.

5. Каримов Т. Б. Кадровое обеспечение службы судебных приставов в Уфимской губернии (1864–1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7-3 (13). С. 79–81.

6. Болдырев Д. В. Организационные особенности функционирования института судебных приставов в России, 1864–1917 гг. (по материалам Пензенской губернии) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 507–509.

7. Туйчиев В. М. Становление и развитие института судебных приставов в мировых судах Вятской губернии (1864–1917 гг.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 1-1. С. 90–94.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе : [С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года] : [В 55 т. с указ.]. СПб. : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830–1885. Т. 39 : 1864 : [В 3 отд-ниях]. 1867. Отделение 2-е. № 41475. С. 180–215.

9. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 3. Д. 20 «Сведения о деятельности судебных приставов Ярославского окружного суда 9 января 1867–31 декабря 1868 года».

10. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 3. Д. 547 «О взыскании денежных средств по исполнительным листам».

11. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 3. Д. 363 «Книга приказов председателя Ярославского окружного суда за 1890–1896 годы».

12. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 3. Д. 527 «Дело о представлении чиновников Ярославского окружного суда к наградам 6 июля 1898 15 июня 1908 года».

13. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 1. Д. 6 «Книга определения и увольнения чиновников и судебных приставов Ярославского окружного суда».

14. ГАЯО. Фонд 346. Оп. 7. Д. 113 «О службе судебного пристава Федора Васильевича Голосова».

15. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 1. Д. 194 «Книга постановлений председателя Ярославского окружного суда на 1879–1880 годы».

16. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 1. Д. 70 «Требовательные ведомости на выдачу жалованья чиновникам Ярославского окружного суда за 1874 год».

17. Призыв. 1906. 24 марта, № 37.

18. Волна. 1906. 18 мая, № 20.

19. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 3. Д. 21 «Дело о совете судебных приставов 26 мая – 24 июня 1867 года».

The Zemstvo experience in the Socio-cultural Transformation of the Rural Population in the Late Period of Russian Monoparty Rule (the beginning of the XX century)

T. I. Volkova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article reconstructs the view of Zemstvo social practice on the process of creating a cultural environment in modern Russia. The article analyzes the activity of Zemstvos in forming motivational behavior and modernizing transformations of the rural population in the Russian province. Zemstvo institutions have created modernizing models of public health and primary public education, as well as an effective algorithm of actions in these areas.

Keywords: cultural environment; Zemstvo; modernization; education; health; rural population; Russian province

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Volkova Tatyana I. | E-mail: volkova.tatiana1954@yandex.ru
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Опыт земств в социокультурной трансформации сельского населения в поздний период российского монопартийного правления (начало XX века)

Т. И. Волкова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 94(47)

Научная статья

В статье реконструировано воззрение земской социальной практики на процесс создания культурной среды в России новейшего времени. Дан анализ деятельности земств по формированию мотивационного поведения и модернизационных преобразований сельского населения в российской провинции. Земскими учреждениями были созданы модернизационные модели общественного здравоохранения и начального народного образования, а также эффективный алгоритм действий в этих сферах.

Ключевые слова: культурная среда; земство; модернизация; образование; здравоохранение; сельское население; российская провинция

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волкова Татьяна Игоревна | E-mail: volkova.tatiana1954@yandex.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Осмысление исторического опыта – условие развития любых государственных и общественных институтов, что позволяет избежать ошибок, порой судьбоносных, и более адекватно оценить пути развития современного управления. «Только недостатки предшествующих учреждений делают понятным значение новых мер и преобразований», – писал П. И. Гронский [1, с. 85].

Один из актуальных вопросов нашего времени – становление и развитие в стране реального местного управления. Деятельность земств являлась одной из составляющих второго этапа модернизационного процесса в Российской империи. Данные преобразования на первом этапе, конца XVII – первой половины XIX в., осуществлялись монархией. Ее спецификой в то время было исключение участия общества в создании новой России.

Однако новое появление просвещенной бюрократии с конца 50-х гг. XIX в., осознавшей

отставание России, стало политическим условием возникновения земств как выборных органов самоуправления, не входящих в систему государственных на местах, в компетенцию которых по закону 1 января 1864 г. относилась хозяйственно-культурная деятельность «в каждой губернии и уезде». Либеральные чиновники Александровского времени, преодолев недоверие к обществу, приняли решение включить в процесс преобразований социальные силы, заинтересованные в разложении традиционных форм жизни в стране, что позволяло в более короткие сроки углубить модернизацию России.

Важнейшим социокультурным основанием создания и деятельности земств было формирование в российской действительности в конце XIX и особенно в начале XX в. слоя образованных людей, разделявших идеи оказания многообразной помощи народу, превращения его в обеспеченное культурное сообщество.

Работа земств и их социокультурных учреждений была важным фактором модернизации сельской России. Вариативность российской модернизации во второй половине XIX – начале XX в. в значительной степени была связана с деятельностью земств и решением социальных, культурных, хозяйственных проблем в сельской местности. Идеино-ценностная мотивация видных земских гласных стала другим важнейшим условием их работы по модернизации крестьянского мира. Она соответствовала представлениям о цивилизационном развитии общества в нововременной период – об обеспечении граждан страны доступа к образованию и медицинским учреждениям, о развитии культурной среды как части программы трансформации социума. Земство было создано и организовывало деятельность в позднеимперский период. Оно ориентировалось на интересы не только государства и высших сословий, но и всех слоев общества.

Особенностью Российской империи был цивилизационный раскол: до «Великих реформ» крестьянская традиционалистская цивилизация практически не воспринимала достижения формировавшейся в стране нововременной цивилизации, в которую были втянуты преимущественно высшие и средние слои городского населения. Крестьянская традиционалистская цивилизация имела крепкие хозяйственные, социальные, ментальные основы. Она была замкнутой, воспроизводила ранее созданные стандарты жизни, систему ценностей. В число жизненных ориентиров крестьян, в частности, не входило получение основательного светского образования. Длительная изоляция от культуры образованных слоев российского общества, ориентированных на ценности личности и правопорядка, привела к социокультурному расколу, формированию образов «своего» и «чужого», препятствовавших преодолению стереотипов крестьянского мышления.

Замкнутый крестьянский мир не располагал собственным потенциалом включения в общество современного типа. Российская глубинка, жившая в соответствии с многовековым привычным укладом жизни и слабо воспринимавшая инновации, не имела в себе достаточных сил, чтобы самостоя-

тельно пройти сложный процесс перехода от традиционной цивилизации к обществу современного типа и стать ее органичной частью. Необходимо было внешнее культурное влияние, которое могли оказать образованные представители общества, получившие полномочия создавать школы, библиотеки, музеи, медицинские учреждения. Надо было создать на селе новую культурную среду. На практике деятельность земств была ориентирована на оказание помощи крестьянам в преодолении замкнутости их мира, в восприятии ими новых ориентиров жизни.

Важность преобразования крестьянской традиционалистской цивилизации после реформы 1861 г. стала очевидна образованному меньшинству общества и части политической элиты. Необходимо было изменить патриархальный облик российской провинции, сделать ее открытой для восприятия новых идей, ценностей и стандартов жизни. Одной из приоритетных задач стало преодоление социокультурного раскола в стране.

Направления и программа деятельности земств позволяет ее характеризовать как цивилизационную. Основаниями для этой интерпретации являются такие факторы трансформации крестьянского мира, как разрушение замкнутости традиционной цивилизации, изменение ментальности и социального поведения крестьян с целью повысить их интерес к другой культуре, носителем которой был средний класс. Земские деятели хотели развить у крестьян способность воспринимать достижения: технические новинки, книжную культуру, новые коммуникативные практики, представления о правах, чести и достоинстве личности, правопорядке. Им важно было сформировать у крестьян представления о личности, способной к самореализации в новых условиях, дать крестьянам научные знания о мире. С точки зрения земских деятелей, необходимо было повлиять на мировоззрение крестьян, сформировать у них другие представления о медицине, образовании, книгах, музеях, театрах, кинематографе. Фактически земские органы самоуправления решали цивилизационную задачу преодоления социокультурного раскола в стране, обусловленного стратегией первого этапа модернизации, не затронувшей крестьянский мир, опреде-

лив алгоритм действий – создание сферы социального обеспечения в сельской местности. В компетенцию выборных органов самоуправления была отнесена хозяйственно-культурная деятельность на местах. Земские гласные и служащие сознавали сложность задачи объяснения крестьянам необходимости образования, чтения книг, ориентации не только на опыт предков, но и на научные знания. Одновременно земство разъясняло крестьянам возможности инноваций и в их хозяйственной жизни.

Земский проект модернизации сельской России отчасти совпадал с правительственной программой преобразований, но в большей степени отличался от нее. Он может характеризоваться как специфическая национальная форма модернизационного процесса в позднеимперской России или одно из его альтернативных направлений. Она была важна, поскольку государство в пореформенный период не предусматривало своего участия в создании системы социального обеспечения в сельской местности. Со времени «Великих реформ» государство трансформацию крестьянского мира в основном ограничивало мерами, преобразовывавшими экономические отношения и предоставлявшими права крестьянам. Земство придало самостоятельное значение преобразованиям в социокультурной сфере, определив принципиально новое направление трансформации крестьянского мира. Изначально в политике самодержавия преобразованию социокультурной сферы отводилась второстепенная роль. Принципиальным отличием «земского проекта» от правительственной реформаторской политики, до 1908 г. (начало введения всеобщего начального образования в стране) не предусматривавшей государственного участия в открытии сельских школ, была ориентация на создание новой образовательной среды и медицинских учреждений, доступных крестьянам. Этот вектор модернизации – трансформация крестьянского мира с целью преодоления социокультурного раскола в стране – позволяет высоко оценивать «земский проект».

В условиях революционного кризиса 1905–1907 гг. политическая власть осознала необходимость взаимодействия с земством, важность модернизации российской деревни. Но традиционалисты во власти, включая им-

ператора Николая II, не смогли понять необходимость реализации всей земской программы преобразований, в том числе введения всеобщего начального образования (1908 г.), на чем настаивали земские лидеры. Традиционалисты не сомневались в необходимости местного самоуправления, но видели в них поле деятельности политически неблагонадежных людей и ограничивали контакты с оппонентами, препятствуя таким образом реализации многих проектов.

Земский проект реформирования России был относительно успешным. Инновационными составляющими земского проекта модернизации сельской России конца XIX – начала XX в. стали учебные заведения, готовившие учителей, библиотеки, музеи, организация проката фильмов, земские съезды, включение гласных в политическую коммуникативную систему с целью обеспечения государственной поддержки начинаниям представителей местного самоуправления. Общественные деятели, самостоятельно развивавшие социокультурную среду в сельской местности, со временем поняли необходимость расширения масштабов работы путем организации взаимодействия государства и земства, объединения их усилий с целью получения качественных изменений в системе социальных услуг на селе. Инициатива создания коммуникативных каналов, позволявших общественным деятелям транслировать власти свои запросы, исходила от земства. Важнейшими составляющими коммуникативной практики стала деятельность земцев в Государственной думе, а также переговоры с министрами. Однако тенденция взаимодействия государства и земства, набиравшая силу при П. А. Столыпине, ослабла после смены состава правительства в начале 1910-х гг., усиления позиций традиционалистов во власти, что стало одной из причин незавершенности процесса модернизации сельской России.

В сравнении с государственной политикой роль земства в социокультурном развитии сельской России была высока. Общественная деятельность земских гласных позволяет характеризовать ее как гражданскую. Она содействовала формированию гражданского общества, поскольку была направлена на создание системы социального обеспечения на селе.

Культурно-просветительная работа органов местного самоуправления и земских служащих способствовала приобщению сельского населения к новой для него культуре, формированию иных ценностных мотиваций, включая заинтересованность в грамотности как условии адаптации в современных отношениях. В городах процесс модернизации шел быстрее, поскольку там цивилизационную роль играли университеты, либеральная печать, литература, адвокатура, различные общественные организации, создававшие широкую культурную среду. В сельской местности задачу создания образовательной и медицинской среды решали земства, ограниченные в средствах, поэтому предложенные им критерии социального обеспечения крестьян были значительно ниже, чем в городах.

Земские деятели понимали, что основными объектами приложения их усилий станут крестьяне и что необходимо преодолеть социальную несправедливость: народ был лишен возможности приобщения к достижениям современной цивилизации. Они рассматривали себя как защитников интересов народа, стремились отстаивать его интересы перед властью, объясняя ей нужды крестьян. Земцы хотели понять реальные потребности местного населения. Их деятельность отличалась прагматизмом.

Земская программа преобразования крестьянской цивилизации эволюционировала в зависимости от возможности финансового обеспечения их проектов, изменения политического и социокультурного контекста в стране. Важная новация в земской жизни с конца 1890-х гг. – организация съездов: агрономических, кустарных, пожарных, по народному образованию, медицине. Их участники обменивались мнениями по многим вопросам своей деятельности, продумывали стратегию дальнейшей деятельности. Правительство вынуждено было мириться с проведением съездов, хотя изначально на законодательном уровне земства не получили права на их организацию. Земские деятели настойчиво стремились легализовать свои съезды, убеждая власть, что они руководствуются практическими целями развития крестьянского хозяйства. Съезды и печать стали основными каналами коммуникации земских гласных

и служащих, они способствовали трансляции лучшего опыта, привлечению внимания общественности к решению задач по реформированию сельской России. Земства в начале XX в. более успешно популяризировали свою деятельность. Публикации в журналах сведений о работе земских социокультурных учреждений одновременно являлись и средством самоконтроля и отчетности перед избирателями и налогоплательщиками. Понимая остроту проблемы коррупции в стране, земцы работали предельно прозрачно, убеждая население в том, что его деньги используются по назначению.

Земцы развивали инфраструктуру на селе. Они создали сеть медицинских и образовательных учреждений, стремясь поднять уровень образованности крестьян. Расширение средств коммуникации, организация библиотек, музеев, народных домов, развитие кинематографа на селе способствовали приобщению глубинки к отечественному культурному наследию. К 1914 г. в изучаемом регионе земскими органами самоуправления было создано 2 289 народных библиотек, 3 006 профильных музеев и 82 народных дома как культурно-просветительных центров в крупных сельских поселениях [2, с. 144]. Приобщение крестьян к чтению способствовало формированию основы книжной культуры, а доступность для чтения русской классики и учебной литературы можно оценивать как важнейшее направление цивилизационной деятельности земства.

Земская программа создания социокультурных учреждений в сельской России хотя и была масштабной по сравнению с дореформенным периодом, но все же имела свои пределы. Главными из них были ограниченные финансовые ресурсы, нежелание традиционалистов принципиально менять взаимоотношения между высшими и низшими сословиями, преобразовывать крестьянский мир. Поэтому земство своей деятельностью лишь отчасти смогло преобразовывать традиционалистскую крестьянскую цивилизацию. Без масштабных государственных аграрных реформ оно было не в состоянии серьезно повлиять на экономические отношения на селе, следовательно, земская деятельность не могла радикально обновить и социокультурную жизнь крестьян, поскольку традици-

онный хозяйственный уклад ориентировал их на прежние социокультурные установки. Недостаточная втянутость крестьян в рыночные отношения, предпринимательскую деятельность, сила традиций хозяйственной деятельности сдерживали формирование мотивации к восприятию инноваций. Земский вариант модернизации оказался важным, но недостаточным для преобразования деревни.

Земство создало свою финансовую базу, продумав принципы, подходы к организации и направления денежных потоков, источники финансирования. Вся практическая работа органов местного самоуправления строилась на следующих источниках денежных средств: окладные сборы с недвижимой собственности граждан и прямые неокладные поступления, например, доход от собственной предпринимательской деятельности. Разработанная органами самоуправления методика налогообложения недвижимости строилась на применении шкалы прогрессивного налога с учетом рыночной цены собственности и ее прибыльности. При этом ставка обложения могла меняться в зависимости от доходности и стоимости имущества. Земская окладная система «снизу» больше соответствовала состоятельности конкретного плательщика, чем государственная раскладочная «сверху», при которой Министерство финансов опиралось на общую сумму сборов с учетом сведений о состоянии налоговой базы в различных частях страны, а губернское начальство производило раскладку суммы между уездами и их жителями. Подоходный налог был введен лишь с апреля 1916 года.

Бюджеты органов самоуправления были ликвидными. На их финансовую устойчивость, с одной стороны, влияли целевые казенные пособия и кредиты, которые в значительных размерах начали поступать с 1908 г. Это позволяло земствам снижать затраты по соответствующим статьям и перераспределять собственные денежные средства на другие свои расходные полномочия. С другой стороны, сказывалось наличие дополнительных специальных фондов и капиталов, которые обеспечивали выполнение намеченных стратегических задач, а при чрезвычайных обстоятельствах можно было за счет заимствований у них уменьшить дефицитность бюджета.

Основной объем инвестиций (около 67 %) [3, с. 165] направлялся земствами на выполнение их необязательных функций, т. е. в первую очередь на развитие социокультурной сферы, включавшей образование, просвещение, здравоохранение. Эта тенденция сохранялась даже в годы Первой мировой войны. Социальная направленность земских расходных бюджетов носила устойчивый характер, позитивно влияла на показатели социальных эффектов и обуславливала общественно-значимые результаты их работы в целом.

Органы местного самоуправления создали свою модель медицинского обслуживания, имевшую важную инновационную составляющую. В области здравоохранения усилиями органов местного самоуправления была создана организационная модель земской медицины с новыми направлениями и структурами в практической деятельности – явление уникальное на тот период времени в мировой практике, – главными принципами которой являлись доступность и бесплатность (или минимальная оплачиваемость) врачебных услуг для всех слоев населения, в первую очередь малообеспеченных; уменьшение социального неравенства в получении медицинской помощи. В лечебно-практической работе органами местного самоуправления, наряду с больницами и аптеками, впервые в мире были созданы территориальные участки, центрами которых являлись сельские больницы и амбулатории, возглавляемые врачами – специалистами с высшим профильным образованием. Все перечисленные медицинские заведения входили в блок лечебного направления организационной модели земского здравоохранения. К 1914 г. в рассматриваемом регионе насчитывалось 690 врачебных участков [4, с. 121].

Деятельность впервые организованных в практике гражданского здравоохранения санитарных структур: советов, бюро, попечительств, врачей-гигиенистов – была направлена на развитие культуры здоровья людей, организации медицинского просвещения и формирование навыков самосохранительного поведения как нормы в повседневной жизни человека. Это была сознательная политика санитарно-медицинских учреждений и их работников по охране здоровья нации, когда сами граждане осознают его значимость

как самостоятельной жизненной ценности, начинают заботиться как о собственном, так и общественном здоровье. Данные структуры составляли второй блок земской модели здравоохранения и осуществляли постоянное взаимодействие с лечебными заведениями.

Особое внимание органы самоуправления уделяли вопросу подготовки профессионально-грамотных кадров для учреждений здравоохранения, т. к. от их работы и знаний зависел уровень медицинских услуг населению. Поэтому земства на свои средства открывали фельдшерские, фельдшерско-акушерские и повивальные школы, готовившие вспомогательный медицинский персонал, проводили съезды врачей, организовывали для них научные стажировки в столичных университетах. Образовательные учреждения органично входили в единую организационную модель земского здравоохранения и осуществляли возложенные на них функции и задачи. В целом земскому врачебно-медицинскому персоналу, помимо выполнения своих основных обязанностей, пришлось формировать позитивное отношение людей к научной медицине, учреждениям здравоохранения и работе специалистов.

В сфере народного образования органами самоуправления в начале XX в. была организационно завершена и апробирована модель начального школьного образования. Земская школа, зародившаяся еще в 60-е гг. XIX в., продемонстрировала свой приоритет с точки зрения добротности получаемых в ней знаний по сравнению с существовавшими ещё до нее в городской и сельской местности приходскими школами и министерскими училищами. Новая учебная структура, доминировавшая по числу своих образовательных учреждений среди всех типов начальных учебных заведений в стране, была сориентирована на полидисциплинарное обучение школьников, на увеличение числа мировоззренческих предметов: истории, естествознания, географии, расширявших представления детей об обществе, окружающем мире. Она была направлена на формирование у учеников интереса к обучению, получению научных знаний. Земские школы с трех, четырех, шестилетним сроком обучения (по выбору родителей) составляли первый системный блок данной модели. Четырехлетние и шестилетние школы давали

после их окончания шанс сельским ученикам на продолжение обучения в средней ступени образования, тем самым способствовали приобретению в будущем более высокого социального статуса в соответствии с их способностями и навыками.

Добротность образования в земских училищах достигалась за счет целенаправленного воздействия на детский коллектив профессионально-подготовленного учителя, приобретавшего необходимые знания, методические умения и навыки преимущественно в земских учительских семинариях, а также на педагогических курсах и съездах как форм повышения квалификации. Они вооружали педагога современными дидактическими подходами и приемами обучения, новыми социокультурными механизмами передачи знаний. Курсы и съезды способствовали и профессиональному объединению земских педагогов (так же, как и съезды врачей), формированию общих представлений о службе, во многом содействовали образованию сельской учительской интеллигенции как самостоятельно профессионального сообщества.

В своей совокупности начальные училища и образовательные структуры по подготовке педагогических кадров составляли два блока единой организационной модели земского начального образования. Ее отличали новые цели и методы обучения, принципиально иное социально-педагогическое целеполагание и формирование нового типа педагога. В 1916 г. число земских народных школ составляло 10 477, а количество практикующих в них учителей – 17 549 человек [1, с. 120].

Деятельность земств способствовала формированию земской интеллигенции. Во всех перечисленных направлениях деятельности органов самоуправления требовались знания и высокий профессионализм. Пришедшие на работу земские служащие, которые получили название «третьего элемента» и значительную часть которых составляли врачи и учителя в качестве базовых групп сельской интеллигенции (их численность в исследуемых губерниях на 1916 г. составляла около 25 тыс. человек) [6, с. 102], обладали особой корпоративной этикой. Для большинства из них решающее значение имела не «воля пославшего», а интересы дела, осознание потребности быть нуж-

ным и востребованным в окружающем сообществе. Принцип «служить верно» обладал статусом этической ценности, нравственного закона. Несоответствие идеалу воспринималось как поведение недостойное, заслуживающее общественного порицания.

Необходимо учитывать исторические условия, в которых формировалась ценностная ориентация российской интеллигенции. Одной из ведущих общественных доктрин стала идея хождения в народ с цивилизаторской миссией. «Народническая» по своей ценностной мотивации культура, выработанная интеллигенцией в пореформенный период, ориентировала на бескорыстное служение народу. Стремление своей деятельностью приносить ему пользу, повышать уровень его потребностей не ставилось под сомнение земскими служащими.

Высокий социальный статус в глазах сельского населения врачебного персонала и земского учительства определялся не только формальными признаками: образованием, профессией, квалификацией, – но и достигаемыми личными усилиями, подвижничеством, творчеством и инициативой. Общественное уважение к служащим земских учреждений складывалось и за счет экономических слагаемых: приличествующего дохода и материального уровня жизни. Органы самоуправления стимулировали практическую работу специалистов, стремились сохранить и улучшить капитализацию их труда и знаний. Земствами, исходя из их финансовых возможностей, была разработана обширная система поощрительных мер: доплата к окладу за стаж работы, гарантированная пенсия, различные вознаграждения, социально-бытовые пособия, препятствующие текучести кадрового состава.

граждения, социально-бытовые пособия, препятствующие текучести кадрового состава.

Комплекс социально-культурных мероприятий земств фактически был направлен на формирование гражданского общества в стране. Их практическая работа основывалась на базовых принципах либерализма: самоуважении и признании достоинства других, доступности культурных благ всем представителям нации, праве каждого человека на получение образования и медицинской помощи. Вклад земцев в формирование новой модели общества был не менее весомым, чем результаты деятельности оппозиционных партий в стране. Реальные качественные изменения условий жизни являлись убедительным аргументом для населения.

Реализации земского проекта реформирования сельской России препятствовали многие обстоятельства. К ним относились такие, как запоздалый и противоречивый характер модернизации страны; медленное утверждение идеи представлений о достоинствах человека, имевшее своим следствием неуважительное отношение к народу со стороны многих представителей господствующего сословия; низкий уровень жизни большинства населения; сильные позиции традиционалистов во власти; стереотипы социальных представлений. Они препятствовали динамичному формированию национального сообщества на основе общих базовых ценностей и идей и укоренению новаций, привносимых земством в народную жизнь. Под влиянием аграрных и социокультурных преобразований крестьянская традиционалистская цивилизация была трансформирована лишь отчасти.

Ссылки

1. Гронский П. И. Теория самоуправления в русской науке // Юбилейный земский сборник (1864–1914) / под ред. Б. Б. Веселовского и З. Г. Френкеля. СПб.: Изд-во т-ва О. Н. Поповой, 1914. С. 76–85.
2. Абрамов В. Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. М.: Ника, 1996. 165 с.
3. Караваев В. Ф. Земские сметы и раскладки // Юбилейный земский сборник (1864–1914) / под ред. Б. Б. Веселовского и З. Г. Френкеля. СПб.: Изд-во т-ва О. Н. Поповой, 1914. С. 155–179.
4. Френкель З. Г. Очерки земского врачебно-санитарного дела: (по данным работ, произведенных для Дрезден. и Всерос. гигиен. выставок). СПб.: Слово, 1913. X, [2], 228 с.
5. Шингарев А. И. Вопрос об улучшении земских финансов // Юбилейный земский сборник (1864–1914) / под ред. Б. Б. Веселовского и З. Г. Френкеля. СПб.: Изд-во т-ва О. Н. Поповой, 1914. С. 97–154.

Military Sanitary and Epidemic Detachment of Communists in the Fight against the Typhos Epidemic in Samara

N. A. Mironova¹, V. V. Kulikov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

In the situation of the epidemics of typhus and cholera in the first years of the Soviet power in Samara, a military sanitary epidemic detachment of communists was created that patrolled the streets, helped cleaning the city of sewage and dead bodies, and monitored the condition of hospitals and children's hospitals. In Samara, the typhoid epidemic has reached enormous proportions and was complicated by famine. The railway station in Samara was in the focus of the epidemic. Crowded hospitals could not cope with the flow of patients. In children's collectors, there was a high mortality rate due to typhoid and related diseases. The combat sanitary and epidemic detachment tried to take control of the situation, the sanitary "troikas" (two comrades and a first-aid man) identified and transported patients, the soldiers of the detachment buried the dead. The history of the military epidemic detachment in Samara is an example of everyday heroism.

Keywords: typhus; epidemic; Samara; sanitary-epidemic detachment; everyday life; devastation; famine

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Mironova Natalia A. | E-mail: legion6@mail.ru
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Kulikov Viktor V. | E-mail: victorvictorovichkulikov@gmail.com
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Боевой санэпидотряд коммунистов в борьбе с эпидемией тифа в Самаре

Н. А. Миронова¹, В. В. Куликов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 908

Научная статья

В связи с эпидемией сыпного тифа и холеры в первые годы советской власти в Самаре был создан боевой санэпидотряд коммунистов, который патрулировал улицы, содействовал очистке города от нечистот и мертвых тел, контролировал состояние больниц и детских приемников. В Самаре эпидемия тифа достигла огромного размаха и осложнялась голодом в губернии. Железнодорожная станция в Самаре стала очагом эпидемии. Переполненные больницы не справлялись с потоком больных. В детских коллекторах наблюдался высокий уровень смертности из-за тифа и сопутствующих заболеваний. Боевой санэпидотряд пытался взять ситуацию под контроль, санитарные «тройки» (два бойца и фельдшер) выявляли и перевозили больных, бойцы отряда хоронили умерших. История боевого санэпидотряда в Самаре является примером повседневного героизма людей.

Ключевые слова: тиф; эпидемия; Самара; санэпидотряд; повседневность; разруха; голод

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Миронова Наталья Анатольевна | E-mail: legion6@mail.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Куликов Виктор Викторович | E-mail: victorvictorovichkulikov@gmail.com
Кандидат исторических наук, доцент

В первые годы советской власти начинается эпидемия сыпного тифа, которым по разным подсчетам переболело от 7 до 25 млн человек [1, с. 63–68]. «Сыпняк» в той или иной степени затронул почти все города; в Поволжье он был сопряжен с голодом, потому ситуация в Самаре, Казани и Саратове была тяжелее, чем в других городах. Эпидемия и голод стали причиной смерти большей части городского населения. В данной статье мы рассмотрим, каким образом советская власть пыталась остановить эпидемию в Самаре.

Сыпной тиф до эпидемии первых советских лет считался болезнью солдат и маргиналов: вошь можно было «поймать», как правило, лишь в ночлежных домах и притонах. Однако массовая демобилизация солдат с фронта Первой мировой войны привела к тому, что тиф постепенно, часто продвигаясь по железнодорожной дороге, проник в центр страны. В Самаре эпи-

демия тифа началась в 1919 г. и достигла пика в 1922–1923 гг., продолжаясь до 1925 г. Самара оказалась в эпицентре печально известного «голода Поволжья». Однако, кроме голода, усугубила санитарно-гигиеническое состояние города и чрезвычайная загрязненность улиц. Нечистоты скапливались на улицах и во дворах, выгребные ямы домов были переполнены, система ассенизационных обозов после революции не существовала. Связь между гигиеной и эпидемиями была очевидна. Вспышки холеры наблюдались довольно часто. Подобное состояние города способствовало распространению сыпного тифа.

Для борьбы с эпидемиями 24 ноября 1919 г. в Самаре создается боевой санитарно-эпидемический отряд коммунистов, первой целью которого было в кратчайший срок очистить город от нечистот. Санэпидотряду выделялись денежные средства, силы санитарного персона-

ла, к нему было приписано несколько санитарных врачей. Зарплата сотрудника в месяц – 1 пуд муки «среднего качества», 7,5 фунтов крупы, 1 фунт сахара. Позднее, с 1922 г., сотрудников поддерживает Красный крест и Американская организация помощи голодающим (American Relief Association), выдавая бойцам усиленный паек. 28 человек-коммунистов были разбиты по кварталам для борьбы за чистоту.

Численность отряда менялась. В январе 1920 г. в отряде – 87 человек [2, Д. 9. Л. 197–198]. В марте – 236 сотрудников [2, Д. 5. Л. 19]. Отряд был разделен на санитарные «тройки», которые получали жалование Губздрава и эпидемический паек и выполняли задания Губздрава [2, Д. 9. Л. 5]. У каждой тройки были свои городские кварталы. В городе был госпиталь, но врачей не хватало. Известный в дальнейшем советский хирург Б. С. Вейсброт, в эпоху эпидемии бывший фактически глазами В. И. Ленина в Самаре, сообщил о проблемах города вождю, по инициативе которого и вскоре была «проведена мобилизация зубных врачей в качестве среднего медицинского персонала» [3]. В боевой отряд коммунистов входил и Георгий Митерев, студент только что созданного медицинского факультета Самарского государственного медицинского университета, впоследствии нарком здравоохранения СССР (1939–1946 гг.).

Помимо контроля над состоянием улиц, боевой санэпидотряд должен был следить, чтобы уплотнение в городе не было чрезмерным, а эпидемические больные направлялись в больницу [2, Д. 9. Л. 319]. Товарищи бойцы так говорили о своей работе: «Мы (сотрудники эпидотряда) должны уяснить, что мы живем в часы ужасных бедствий, созданных мировой бойней, и сейчас вокруг нас витает смерть и разрушения, ужасные последствия голода, и кто остался от мировой бойни живым, тот должен перенести неизбежные ее последствия – голод и эпидемии. Нужны все силы» [2, Д. 7. Л. 17.].

В 1920–1921 гг. санэпидотряд обследовал на предмет чистоты военные учреждения, военкоматы, суды, кинематограф, хлебопекарни, аптеки. В документах отмечен очень «средний», а часто недопустимый уровень гигиены. Ситуация особенно тяжелая во дворах частных домов. Вот фрагмент письма одного из жителей: «Двор представляет из себя сплошную помойную яму, так как дворовый клозет, их помойная яма переполнена, в верхних этажах клозеты не действуют и нечистоты ведрами выносятся и разлива-

ются по асфальтовому двору и текут на улицу, во дворе и на улице страшное зловоние. Этот двор может служить рассадником эпидемии, тем более что он переполнен жильцами, среди которых есть уже больные дизентерией» [2, Д. 6. Л. 123]. При обследовании хлебопекарни товарищи бойцы отмечают: «Во дворе мною замечена недопустимая грязь, помойная яма наполнена и течет, нечистоты по всему двору, размывая навозные кучи во дворе...» [2, Д. 6. Л. 127].

Множество документов свидетельствует о переполнении отхожих мест. С наступлением оттепели – весной 1920 г. – мусор стал расти. Лошадей не хватало (только в марте 1921 г. отряду выделили три десятка лошадей и машину.) 6–7 апреля в городе был массовый воскресник, к уборке было привлечено около 100 лошадей. Позднее для отряда выделили автомобили для патрулирования улиц.

С 1920 г. ситуация ухудшается. Гражданская война была причиной грандиозной миграции населения, что, в свою очередь, стало ключевым фактором распространения эпидемии. Боевой санэпидотряд контролировал «приемники» инфекционных больных, дежурил при железнодорожной станции Самара. В Самаре работали 12 районных наблюдателей для своевременного «вылавливания больных, скрываемых родственниками»: многие отказывались отдавать своих родственников на лечение. Эта особенность города становится одной из причин того, почему сыпной тиф в Самаре обрел благодатную почву [2, Д. 2. Л. 7]. Между тем бойцам отряда были даны исключительные полномочия по части работы с населением: они имели право пустить в ход оружие, если считали, что дело угрожало эпидемической ситуации.

В июле 1921 г. началась эпидемия холеры и отряд расширился до 85 человек. Помимо этого, увеличилось количество заболевших сыпным тифом. На вокзале станции Самара были выставлены посты, которые должны были следить за приезжающими. Отряд должен был проверять состояние берега Волги, куда часто выливались нечистоты. Бойцы отряда следили за состоянием детских домов, стараясь хоть как-то улучшить положение находившихся в них детей.

В отряде была железная дисциплина. Никаких выходных, праздничных дней, явка на свои посты строго обязательна. За мародёрство могла быть применена высшая мера

наказания [2, Д. 1. Л. 3]. Бойцы часто становились жертвами болезней, особенно тифа; после смерти товарища из отряда зарплату отдавали его родственникам [2, Д. 2. Л. 257].

Пик эпидемии в Самаре пришелся на конец 1921–1923 гг. Полномочия отряда расширились. В отчете за январь 1922 г. боевого санэпидотряда говорится о том, что «отряд вступил в новую фазу своей деятельности»: теперь он охватывал станцию Самара, госпитали, контролировал «праздношатающуюся публику», не имевшую права проезда по железной дороге, «свившей себе в ней ночлежное гнездо, распространяющее эпидемии, гнездо мелких спекулянтов и воров». Отряд осматривал проходящие и уходящие поезда, уносил трупы с вокзала, направлял больных через изоляционные пункты в госпитали, а трупы – на кладбище для захоронения [2, Д. 23. Л. 169]. За январь 1922 г. было подобрано и отправлено на погребение, согласно рапорту, 3989 человек. Отряд по поручению Губздрава расследовал злоупотребления в подведомственных Губздраву учреждениях, а именно в 224 госпиталях, в детских колониях, в подведомственных учреждениях, наблюдал за санитарией города. Он помогал в эвакуации больниц. Рапорт отчаяния одного из бойцов (едва освоившего грамоту) свидетельствует о том, что работа санэпидотряда была недостаточна в условиях надвигающейся эпидемии тифа: «Нужно создать транспорт, создать приемники, и кадры самоотверженных работников. Кое-кто скажет, а где взять? Из-под земли вырастить. Да, у нас есть сейчас санитарная часть, скорая помощь, но все это только копия, или вернее самообман. Дальше так быть не должно. Нужно оживить этот дремлющий фронт, окропить его святой водичкой, из законов применяющей советской власти, выступить на борьбу с тифом и другими болезнями, подрывающих корни нашего благосостояния [2, Д. 7. Л. 15].

О материальном снабжении сотрудников за 1921 г. можно сказать только одно: это была жизнь в страшной нужде и нищете: сохранились акты о том, что между товарищами неправильно поделили катушки ниток и кожаные лоскуты [2, Д. 7. Л. 11].

В марте 1922 г. работа отряда была сосредоточена на станции Самара. Сотрудники дежурили на улице, снаружи вокзала, стояли на холоде, пытались контролировать передвижение людей. Вторая группа бойцов патрули-

ровала город. Третья группа (эвакуаторы) вела уборку трупов и эвакуацию больных по городу – назначались суточные дежурства. Четвертая группа (лекпомы) помогала в пропагандистской деятельности [2, Д. 23. Л. 114].

Голодом была охвачена вся губерния. Согласно сводкам губстатистики, в декабре 1921 г. голодающими числились 1 071 239 детей, вместе со взрослыми – 2 430 070 [4, Д. 24. Л. 169.]. На X Самарской губернской конференции РКП(б) в июне 1922 г. секретарь Губкома партии И. Т. Морозов заявлял, что голодало 95 % населения; трупоедство не регистрировалось, став обычным явлением; люди дошли до людоедства [5].

Голод, болезни толкали людей на отчаянные преступления. Охранять приходилось не только больницы, склады, но и дрова (дрова Губздрава на берегу Волги, Самарки). Украсть могли еду, дрова, уголь [2, Д. 24. Л. 426]. Могильщики не успевали хоронить. Еще весной 1920 г. они жаловались: «С наступлением тепла из лазаретов на холерное кладбище стали привозить трупы тухлые и разложившиеся, у которых при стаскивании в яму даже отрываются руки. Наименование лазаретов, которые доставляют трупы: военный лазарет, лазарет военнопленных <...> Советская больница № 8. Служащие могильщики, которые работают на холерном кладбище бросят работу, если будут продолжать возить в том же виде» [2, Д. 7. Л. 218]. Однако весной 1921 г. количество умерших еще более увеличилось. На холерных кладбищах мертвых валили прямо на снег, так как не хватало рабочих рук для рытья ям. Один из бойцов писал в отчете: «Проходя вчера мимо кладбища, я заметил, что могилы роют только двое, а мертвых навалено было 3 кучи, и все почти изъедены, а у некоторых нет руг и ног, так как собак там целая стая <...>» [2, Д. 15. Л. 3]. В 1922 г. в санэпидотряде – 125 человек, был еще прививочный отряд – 46 человек. Необходимо было спасти ситуацию.

Умерших приходилось собирать на вокзале и в городе. В отряд приходили заявки с просьбой ликвидировать *залези* трупов. В домах находили целые семьи мертвецов. На совещаниях было приказано вести строгое наблюдение за тем, чтобы трупы перевозились, выгружались и погребались на кладбище с соблюдением должных правил благопристойности [2, Д. 20. Л. 15]. Справляться с этим был должен боевой

санэпидотряд коммунистов. Других ресурсов не было.

Мероприятия, предпринятые советской властью для борьбы с эпидемией сыпного тифа, запоздали. В 1921 г. была попытка усилить контроль над железнодорожными станциями. В мае 1921 г. на вокзале в Самаре застрял Сергей Александрович Есенин; его поезд был

остановлен. «Вот так сутки, другие, третьи, четвертые, пятые, шестые едем, едем, а оглянешься в окно, как заколдованное место – проклятая Самара», – писал С. Есенин в Москву, описывая удручающее зрелище на самарском вокзале, где разыгрывались настоящие трагедии [6] (табл. 1).

Таблица 1

Эпидемия тифа в Самарской губернии (1920–1922)¹

Уезды Самарской губернии	Количество больных тифом по годам 1920-1921											
	Сыпной тиф			Брюшной тиф			Возвратный тиф			Всего заболевших		
	1920	1921	1922	1920	1921	1922	1920	1921	1922	1920	1921	1922
Г. Самара		7312	10711		10750	2317		10091	7973		28153	21001
Самарский	18159	949	3447	1924	11419	569	2073	1784	2934	22156	141152	6950
Бугурусланский	22529	1097	2042	5656	3739	1756	10641	3697	6360	38826	8591	13158
Бузулукский	21042	1267	2346	2959	2646	1039	4944	4272	4309	28945	8185	7694
Пугачевский	31171	1474	1283	7743	3345	776	11730	3783	2561	50644	8602	4620
Ставропольский	8859	242	672	428	546	332	2133	1170	1491	11420	1958	2495
Балаковский	16836	863	1829	2516	2081	1352	1483	1041	2583	20835	3985	5764
Мелекесский	10836	681	2516	871	1156	655	2348	1840	3485	14055	3677	6656
Сам-Злат. ж. д.		164	-		142				133			439
Итого	129432	14049	27846	22097	35882	8796	35352	23311	31696	186881	77742	68338
Всего												332961

¹ [7, Д. 843. Л. 16].

20 декабря 1921 г. был издан приказ, согласно которому в целях сохранения здоровья едущих по Самарско-Златоустовской железной дороге и в целях поддержания Самарского вокзала в должном санитарном состоянии, Самгубэпидчека постановил запретить доступ и пребывание в пассажирских помещениях и на перроне лицам, не имеющим проездных документов на ближайший по времени уходящий поезд; служащие железнодорожного вокзала и лица, связанные по службе с необходимостью пребывания на вокзале, пропускались по особым пропускам. Беженцев, не имеющих в Самаре пристанища, нужно было направлять в Дом ожидания возле Дунаевского завода для санитарного надзора, всех военнослужащих следовало подвергать санитарной обработке. Железнодорожная милиция должна была следить за выполнением приказа, а начальник боевого эпидотряда снаряжал ежедневно по 3 смены суточного дежурства на вокзале [2, Д. 20. Л. 10].

Эпидчека в 1921 г. приказал выселить из вокзальных помещений посторонних лиц, что невозможно было осуществить в услови-

ях разрухи, феноменального голода, недоступности жилья как такового. Подобные приказы не могли остановить эпидемию: они вообще никак не влияли на заболеваемость, которая постоянно росла. Весной–летом 1921 г. санитары не успевали убирать умерших, а заболевших так много, что перевезти их с вокзала не было возможности: все лазареты и эвакуационные пункты оказались переполненными [2, Д. 15. Л. 2].

«В вокзале и втором здании образовалась огромная пробка из больных, разгружаемая единицами и увеличивающаяся в геометрической прогрессии», – сообщали товарищи. «Вокзал превращается в могильную яму», ежедневно выносятся по 10–12 трупов. Рапорт 13 декабря 1921 г.: «Настоящим довожу до сведения, что во время моего дежурства было собрано 22 трупа, и еще доношу, что на кладбище нет могильщиков, и трупы не убираются, потому что на кладбище нет ям и трупы растаскивают собаки, так что трупов полная мертвецкая» [2, Д. 15. Л. 5].

Архивные источники дают возможность представить, каким был Самарский вокзал в пик

эпидемии. Больные – около 60 человек – валяются на полу «по целым неделям безо всякого надзора». «2 Пассажирское Здание представляет потрясающую картину. Первые две комнаты при входе заняты исключительно больными. Замечено 2 трупа и при часовне указанного здания находятся до двадцати трупов, которые не убираются по два-три дня» [2, Д. 23. Л. 1–5.].

Сохранился акт обследования помещения вокзала через некоторое время, в 1922 г. Санинспектор, фельдшер и другие уполномоченные увидели следующее: «Сего числа произвели обследование второго пассажирского здания, специально предназначенного для ожидания пассажиров, причем нашли: в одной из комнат нами найдены два человеческих трупа, очевидно умерших от голода, больных нами найдено в этой же комнате около пятидесяти человек, из коих часть голодающих, что выразилось употреблением в пищу подозрительного мяса (не то собачье, не то кошачье), ели при нас, и часть пассажиров больны разными инфекционными болезнями» [2, Д. 23. Л. 61].

Бойцы должны были следить за захоронением умерших, количество которых постоянно росло. Например, с 1 по 8 января 1922 г. собрано по городу умерших 966 человек. Принято больных с поездов и подобрано на вокзале 226 человек, сыпной тиф – у 99 [2, Д. 23. Л. 1]. О суточном дежурстве бойцов – отчет. 3 января 1922 г. на вокзале 3 тифозных, убрано 9 трупов [2, Д. 23. Л. 4]. 12 января за время дежурства отправлено на кладбище с вокзала 20 трупов [2, Д. 23. Л. 24]. В отчете санэпидотряда за неделю с 9 по 14 января 1922 г. с улиц Самары, вокзалов и проч. собрали и похоронили 1213 человек. С различным диагнозом отправили в больницы 193 человека. 25 января 1922 г. проверены, сняты с поездов, найдены на вокзале 72 больных, тифозных – 28. В начале февраля на вокзале собрано 82 человека, среди них – сыпнотифозные. В рапорте 8 февраля: во время обследования вокзала больных обнаружено «значительно меньше», но само здание вокзала – в антисанитарном состоянии. Уборка производилась плохо, двери были отломаны, везде царил страшный холод. То же самое наблюдалось в амбулатории изопропункта, где из-за выбитых стекол больные замерзали. Детские вагоны были везде переполнены – по 150 человек. Каждый день на вокзале находили десятки мертвецов [2, Д. 23. Л. 114]. Там же периодически обнаруживали подкидышей – груд-

ных детей и совсем малышей 2-3 лет [2, Д. 23. Л. 157]. Сведения о работе отряда с 15–21 января 1922 г.: похоронено 1732 человека. Подобрано и перевезено в больницу 230. В следующую неделю подобрано 205, из них – 122 тифозных [2, Д. 23. Л. 33]. С 21 по 28 января похоронено 1078 трупов. 22 января на вокзале собрано около 100 тифозных.

Подобная картина наблюдалась на вокзале в феврале и марте 1922 г. Дезинфекция проводилась ежедневно, как и уборка помещений, но привести здание в надлежащий вид не представлялось возможным ввиду того, что «публики находилась масса, которая ни с чем не считается...» [2, Д. 20. Л. 51]. С 5 по 12 февраля было похоронено 1018 человек, подобрано и отправлено в госпитали 548. 17 февраля 228 больных выявлено и перевезено, за эту неделю убрано 255 трупов [2, Д. 23. Л. 119]. С 28 февраля по 5 марта похоронено 1522, свезено в госпиталь 468. Бойцы санитарного эпидотряда, безусловно, демонстрируют феноменальную работоспособность: ведь в начале 1922 г. их количество постоянно сокращалось: бойцов косил сыпняк.

В городе существовал эвакуогоспиталь, но по мере усиления сыпнотифозной эпидемии он быстро переполнился людьми. Один из бойцов отряда, привозивший в госпиталь больных, в отчете передает устрашающую картину больницы: «Больных привозят в приемник и кладут их прямо на пол в грязь, тут же их стригут и кругом кишит насекомыми. Больных тут раздевают и посылают в ванную голых через коридор. Больных не кормят, а ставят около них обед, с тем, чтобы они сами ели. Разумеется, что весьма многие остаются не евшими. Льду не прикладывают, так как по объяснению сестры «льду нельзя достать» [2, Д. 1. Л. 42]. С окон текла ледяная вода, разливаясь по всему полу несколько дней, окна в палатах были разбиты, в комнатах дул ветер, под окном лежали больные. Врачи, замученные проверками сверху, отказывались пускать контролеров.

Катастрофическая разруха была в амбулатории Красного Креста, где для больных не было ни медикаментов, ни еды и где «ежедневно из 50-40 человек бывало до 10 трупов» [2, Д. 23. Л. 247]. Советская власть пыталась решить проблему нехватки коек следующим образом: вводилась «система мандатов». Право на госпитализацию было только у «полезных» для власти. У огромного количества заболевших горожан, не имевших прямого отношения

к партии большевиков, практически не было шанса на лечение. Проиллюстрировал это писатель П. Т. Завьяловский, будущий репортер самарской «Коммуны», в рассказе «Отмаялся» 1922 г., в котором заболевшего студента отказываются принять в больнице: у него нет мандата. Друзья молодого человека безрезультатно скитаются по городу от одной больницы к другой, и только когда один из ребят обманул дежурного в железнодорожной больнице, сказав о том, что больной – комиссар тяги, студенту выделили койку [8].

Сыпной тиф – один из факторов роста числа беспризорников. В поисках еды десятки детей, потерявших родителей в результате сыпного тифа, устремлялись на вокзал, откуда бойцы эпидотряда пытались их забрать в приемники-коллекторы. Жизнь детей в коллекторах можно разделить на два этапа – до весны 1922 г. и после. Помощь, пришедшая с Запада, существенно облегчала жизнь в приемниках. Однако до февраля – марта 1922 г. дети в приемниках были фактически обречены. Проиллюстрируем это источниками: 4 января 1922 г. бойцы санэпидотряда пришли к приемнику № 3 и увидели стоящий автомобиль, на который были погружены трупы детей – около 40 человек. Вместе с руководителями коллектора они отправились в мертвецкую, где тоже была *груда* детских трупов, которую обещали вывезти после того, как отвезут первую машину. Когда комиссия пошла в канцелярию для разъяснения, почему скопилось столько тел, то внятного объяснения никто дать не смог [2, Д. 3. Л. 185]. Часто списки детей не совпадали, документы свидетельствовали о том, что детей в коллекторах не всегда могли посчитать.

Обратимся к отчету медицинского фельдшера о приемнике № 6 (мусульманском): «В приемнике № 6 развивается страшная эпидемия. Если не принять меры, то дети и служащие будут погибать, как в других приемниках». В приемнике давно свирепствовал брюшной тиф, дизентерия, холера, чесотка. Фельдшер опасался эпидемии, от которой может погибнуть весь приемник, так как санитарное состояние было ужасным. Фельдшер просил диктаторские полномочия, чтобы усилить дисциплину в коллекторе и навести порядок. Дети некоторое время, до отправки в коллектор, содержались в эпидемических вагонах, где была страшная грязь. «Ночью дети спят на друг дружке, сидя и стоя,

так как вагоны не могут вместить в себя такое скопление детей» [2, Д. 20. Л. 46].

Рапорт о приемнике № 3 той же зимой 1922 г.: «Количество детей говорят 800 человек. Но это только цифра с воздуха, никто не знает, какое количество. Нет никаких записей, кто дети, и их фамилии, а прямо забирают с улицы и сажают за стол. Дети до моего прихода не мылись, валялись на полу без коек, лежали в изоляторе, больные – в испражнениях. Трупов было 14». Трупы были увезены. «Положение кошмарное. Вшей не оберешься, они совершенно заедают истощенных детей [2, Д. 3. Л. 114]. В другом приемнике всего детей – 581 человек. Отправили в коллектор – 95 человек. Сегодня было 7 трупов. «Одни умирают, а другие снова заболевают» [2, Д. 3. Л. 181].

Для полноты картины работы боевого санэпидотряда обратимся к сведениям похоронного бюро (в самую страшную зиму 1922 г. они все написаны детским почерком бойцов Духониной и Соколова). Могильщиков на городском кладбище всего пять, работали только трое. В коротеньких отчетах каждый день товарищ Духонина указывала, сколько похоронено, сколько «могил в запасе», и иногда – на сколько человек их хватит. Речь, безусловно, всегда шла о массовых захоронениях. Обычно умерших было около сотни. В иные дни – больше тысячи трупов, снятых с поезда, собранных по городу, вывезенных из больниц.

Сами бойцы отряда постоянно заболевали и умирали. Самой распространённой причиной являлся сыпной тиф; на фоне утомления и недоедания он приводил к смертности в более 50 % случаев. Весной 1922 г. бойцы обращались в Губернский исполнительный комитет с просьбой выделить одежду для работы, «так как совершенно не имеющие ни одежды, ни кожаной обуви сотрудники, работающие большей частью вне стен учреждений, то и дело подвергаются простудам, которые при условии недостаточного питания и чрезвычайной утомленности сотрудников способствует еще большему выбыванию сотрудников из рядов эпидотряда...» [2, Д. 24. Л. 36]. Весной 1922 г. бойцов осталось ровно столько – 75 человек.

Спасение пришло с Запада. С 8 февраля 1922 г. все детские больницы в Самаре были переведены на довольствие Шведского Красного Креста. Остаток довольствия должен передаваться в Губернский отдел здравоохранения [2, Д. 20. Л. 102]. С марта 1922 г. довольствие Крас-

ного Креста получали почти все больницы Самары, а именно: Губернская больница им. Пирогова на 325 коек, Городская больница им. Филатова на 105 коек, Больница им. Линдова на 100 коек, Эпидемический госпиталь № 1 на 500 коек, Городская больница № 1 на 250 коек, Эпидемический госпиталь № 2 на 200 коек, Губернская психиатрическая больница на 400 коек и др. Санэпидотряд, как уже было сказано, тоже получал пайки от Красного Креста.

Значительный вклад в спасение жителей Самары во время голода внес Шведский Красный Крест, приехавший с миссией в декабре 1921 г. и раздавший 108 315 пудов муки, американско-квакеры, англо-квакеры, Голландский Красный Крест, Европейская помощь студентам, группа Фритьофа Нансена, Харбинский комитет помощи детям и, конечно же, больше всего АРА – American relief association. Американцы спасли от голода сотни тысяч русских людей, раздав 4 853 500 пудов муки [7, Д. 167. Л. 325–329].

Если проанализировать меры, предпринятые властями для борьбы с эпидемиями, то можно сказать следующее. Постановлений и распоряжений, безусловно, было предостаточно. С началом эпидемий 18 декабря 1921 г. Самарская Губернская Санитарная комиссия по Самаре постановила: 1. Обязательную регистрацию в домах и прочих зданиях заразных больных. 2. Сделать специальные регистрационные карточки, которые врачи заполняют и передают в случае обнаружения заразного больного. Коменданты домов тоже обязаны были извещать о случаях болезни, регистрировать заболевания как надо, подробно и обстоятельно [2, Д. 20. Д. 68]. В Приказе Президиума Самарского губэпидчека 30 декабря 1921 г. вся работа по эваку-

ации в г. Самара возлагалась на Самэвакопункт, ему подчинялись все гражданские и лечебные учреждения Самары, а также центральный детский коллектор и детские дома. Больные должны были увозиться на автомобилях или лошадях. Каждый рейс с больным из войсковой части и лечебного заведения производится в сопровождении мед- или санперсонала части, отправляющей больного. Задержка транспорта для эвакуации должна вести к аресту виновного [2, Д. 20. Л. 73]. На бумаге мероприятия властей выглядят логичными и последовательными, но вот реальность была настолько ужасной, что фактически власть была бесполезной: мы видели, что размах эпидемии, катастрофа в городе, нехватка ресурсов и страшный голод делали распоряжения властей невозможными. Не хватало не только врачей и транспорта, но и просто рабочих рук и лопат, чтобы зарывать умерших. Боевой санэпидотряд оказался фактически единственным шансом Самары на спасение. Согласно архивам, в Самаре в июне 1922 г. случаев тифов (разных видов) насчитывалось 947, а всего по губернии – 5824 человек [7, Д. 843. Л. 16]. Эпидемия пошла на спад только в 1923 г.

История работы боевого санэпидотряда Самары является исключительным примером повседневного героизма русских людей: в попытке спасти город от эпидемии они выполняют работу, несопоставимую с собственными ресурсами: ни физическими, ни финансовыми, ни кадровыми, поэтому эффективность их деятельности была не так велика. Однако сама идея организации боевых отрядов с расширенными полномочиями для предотвращения эпидемии может быть использована в современном мире.

Ссылки

1. Миронова Н. А. Ярославль в кольце эпидемий: революционная повседневность в провинции. Ярославль: Индиго, 2012. 163 с.
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф-2871. Оп. 1.
3. Вейсброд Б. С. Живой Ильич. URL: <https://biography.wikireading.ru/>
4. ЦГАСО. Ф. Р.-130. Оп. 1.
5. Поляков В. А. Российская деревня в 1922 году: апогей голода – первый итог продналога // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12. С. 69–78.
6. Сайт Музея С. А. Есенина. URL: <http://www.museum-esenin.ru/tvorchestvo/890>
7. Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1.
8. Завьяловский П. Отмаялся // Голос студента 1922. Янв. С. 3–4. [газета г. Самары].

Parish Schools and the Reform of Public Education in the Reign of Alexander I: Ideas and Implementation

A. V. Borisova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research Article
Full text in Russian

The article is devoted to the formation and implementation of the concept of public education of Emperor Alexander I. The author considers the problems of the reform plan, its prerequisites and results. The Central attention is paid to the place and role of parish and district school in the system of educational institutions.

Keywords: national education; Emperor Alexander I; parish school

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Borisova Alina V. | E-mail: avb_hist@mail.ru
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Приходские училища и реформа Народного просвещения в царствование Александра I: идеи и реализация

А. В. Борисова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 94(47)

Научная статья

Статья посвящена формированию и реализации концепции народного просвещения императора Александра I. Автор рассматривает проблемы замысла реформы, ее предпосылок и итогов. Центральное внимание уделено месту и роли приходских училищ в системе учебных заведений.

Ключевые слова: народное просвещение; император Александр I; приходские училища

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисова Алина Владимировна | E-mail: avb_hist@mail.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Одной из центральных и наиболее успешных реформ «либерального периода» царствования императора Александра I явилась деятельность правительства по созданию стройной системы учебных заведений. Традиционно считается, что основной причиной ее проведения явилось осознание правительством острой нехватки грамотных кадров для административной службы и экономической сферы. Общество не ощущало серьезной потребности в развитии системы образования. Движения «снизу» в направлении создания и поощрения деятельности учебных заведений не наблюдалось.

Главным инициатором и «двигателем» преобразований выступил молодой император Александр I. Воспитанник Ф. Лагарпа, он с детских лет впитал идею о необходимости просвещения нации. В письме Ф. Лагарпа от 17 апреля 1801 г. звучит мысль о том, что после воцарения мира вторая потребность России – развитие образования. Швейцарец апеллировал к опыту Екатерины II. Именно она утвердила «План к установлению народных училищ в Российской империи» в 1782 г. Согласно данной программе, разработанной по образцу австрийской школьной реформы,

в губернских городах были открыты главные народные училища, в уездных городах – малые народные училища. Их массовое открытие пришлось на 1782–1789 гг.

По мнению Ф. Лагарпа, Россия нуждалась в первую очередь не в лицеях и университетах, где могла бы обучаться элита дворянства, а в начальных сельских школах для крестьян. К началу века в России числилось 34 млн крестьян, большей частью неграмотных, это 85,25 % населения [1, с. 101].

До начала XVIII в. в России начальное образование можно было получить при церковных школах. Их задачей было в первую очередь религиозно-нравственное воспитание. Благодаря реформам Петра I часть общества, прежде всего правительство, осознало необходимость развития и светского образования в стране. При этом главной целью была подготовка специалистов-практиков. Как известно, в первой четверти XVIII в. создавались именно профессиональные школы.

Подобное отношение к системе образования сохранялось до второй половины XVIII в. Только Екатерина II обратилась к реформе школы. По данным конца века грамотное население деревни составляло только 9,2 %,

причем таковыми считались лица, способные поставить подпись на документе. Об умении читать, считать и более речь не шла. Преобразования императрицы прошли долгий и сложный период подготовки, в течение которого она жаловалась на отсутствие грамотных и опытных советников. Для разработки Проекта реформы был приглашен Ф. И. Янкович де Мириево, который осуществил подобные мероприятия в Австрийской империи. Именно опыт Австрии и был перенесен на российскую почву. За одним важнейшим исключением: в Австрии крестьяне получили личную свободу.

Уже во второй половине XVIII в. в ходе реализации реформы народного образования было заложено противоречие, которое свело на нет усилия как правительства Екатерины II, так впоследствии и советников ее внука. Надежда верховной власти на инициативность приходских священников, крестьянского общества, помещиков не могла быть реализована в России по причине функционирования феодальной-крепостнической системы.

Что именно предпринял Александр I с целью осуществить давнюю мечту – привести российский народ к просвещению и благоденствию? Взойдя на престол, он с помощью своих «Молодых друзей», как называли членов Негласного комитета и близких к нему деятелей, разработал программу преобразований. В августе 1801 г. Ф. Лагарп получил от императора тетрадь с сочинением о ближайших реформах в России. На третьем месте после реформы министерств и Сената было признано необходимым преобразовать народное образование. К началу 1801 г. в России насчитывалось 801 315 народных училищ, созданных в рамках школьной реформы Екатерины II. В них трудились 790 учителей, получали основы образования 18 128 учащихся м. п. и 1787 ж. п. [2, с. 34].

По мнению Ф. Лагарпа, реформа избавила бы Россию от необходимости приглашать иностранных специалистов. Наставник молодого царя держался в тени, сохраняя свободу действий как неофициальное лицо. Он старался донести до императора ключевой принцип успешной деятельности – постепенность реформ, внимание к традициям и характеру народа.

В разработке новой системы народного просвещения в составе комиссии участвовали М. М. Сперанский, академик Н. И. Фус, Ф. И. Янкович де Мириево, А. Чарторыйский. На основании их проектов был составлен общий план реформы «Предварительные правила народного просвещения».

В 1803 г. было издано новое положение об устройстве учебных заведений, внесшее новые принципы в систему образования: бессловность учебных заведений, бесплатность обучения на низших его ступенях, преемственность учебных программ. Уровни системы образования: в крупнейших городах – университет, в каждом губернском городе – гимназия, в уездах – училища, в церковных приходах – одноклассные училища. Всей системой образования ведало Главное управление училищ.

На основании записок, составленных в 1802 г. А. Чарторыйским и Ф. Лагарпом, в 1804 г. правительство издало Положение об устройстве училищ. Россия была разделена на 6 учебных округов с университетами в центре. На более низком уровне были гимназии, уездные и приходские училища.

Приходские училища могли открываться в городах и селах. В них принимали детей разного пола и возраста. Задачей таких заведений было готовить учеников для уездных училищ. Здесь обучали письму, чтению, арифметике, Закону Божьему, основам гигиены и сельского хозяйства. Учебный год в сельских приходских училищах был короче, чем в других школах, – от конца осенних до начала весенних полевых работ (приблизительно с сентября по март).

Для руководства всей системой образования было принято решение об учреждении отдельного Министерства народного просвещения в сентябре 1802 г. Во главе структуры встал видный сановник екатерининского времени П. В. Завадовский. Связывать успехи и неудачи реформы образования с его именем было бы не вполне правильно. Как писал вел. кн. Николай Михайлович, «конечно, не граф Завадовский, бездарный и ленивый, как министр, мог совершить такой подвиг...» [3, с. 37]. Такая оценка опирается на мнение самого императора Александра I. Он писал Лагарпу: «Ваши сожаления по поводу назначения Завадовского <...> были бы не столь значительны, если бы Вы знали министерство.

Всем заправляет совет из Муравьева, Клингера, Чарторыжского, Новосильцева и <...> Частота моих контактов <...> не дает министру чинить препятствия добру, которое мы стараемся творить. Завадовский – ничто, он нужен в своем министерстве лишь для того, чтобы не возмущался, когда его оттуда прогонят». [3, с. 37–38]. Тем не менее П. В. Завадовский находился на посту министра до 1810 г., когда его сменил граф Разумовский.

В целях осуществления методической и практической работы по реализации реформы 25 января 1803 г. было открыто Главное Правление Училищ. Оно работало над составлением уставов и учебных планов, ведало кадровыми вопросами, материальной базой. Согласно смете, составленной 17 марта 1803 г., годовой расход на обеспечение всех четырех ступеней системы образования составлял 1 319 450 руб.: на четыре университета – 520 000 руб., на 42 гимназии – 236 000 руб., на 405 уездных училища – 563 450 [3, с. 67]. Общая сумма складывалась из средств казны, Приказов общественного призрения и городских обществ.

Приходские училища содержались на средства прихожан, то есть крестьян, и находились в ведении приходских священников и помещиков. Они были в плачевном состоянии, постоянно отсутствовали средства на их организацию и функционирование. Большой проблемой стала нехватка учителей, учебной литературы, помещений.

В отчетах местных чиновников о состоянии учебных заведений зачастую содержались ложные сведения об их количестве. На практике «из-за нехватки денежных средств, квалифицированных преподавателей и учителей на русском языке множество училищ в сельской местности так и не были открыты» [1, с. 144].

Исследователи истории народных училищ отмечали: «В действительности церковные школы или существовали только на бумаге,

вырастая как грибы по требованиям епархиального начальства, или же в лучшем случае ученье в них происходило лишь изредка – когда священник или дьячок бывали свободны от своих духовных и хозяйственных занятий. Смотрителями училищ оказывались невежественные купцы и мещане» [2, с. 82].

В то же время нельзя говорить о полном провале замыслов молодого императора. По мнению М.-П. Рэй, в системе образования в изучаемый период прогресс был очевидным. В 1801 г. насчитывалось 334 училища, из которых 241 давало начальное образование, 93 – среднее, учеников в них – 21 533 (5 % населения). В 1825 г. – 370 училищ, средних – 600, учеников – 69 629 (0,13 %), т. к. население выросло с 40 до 53 млн чел. [1, с. 145].

Сосредоточившись на высших и средних школах, Главное правление не довело до конца реформу начального народного образования. Казенные крестьяне не хотели содержать приходские училища, помещики тоже, часто заведения существовали на средства духовенства или частных лиц.

К середине 1810-х гг. стали происходить изменения в составе близкого круга императора. Уход из жизни или смена направления деятельности привели к полной замене действующих лиц на ниве образования. Новая смена оказалась далека от идей «осчастливить» нацию, помочь императору в его либеральных исканиях и деятельности. После войны с Наполеоном реакция охватила общество, пропала симпатия к «университетам протестантской Германии», министру доказывали, что «любовь к наукам – опасная ошибка. В училищах стали видеть скопище полужнаек, самоуверенных, заносчивых...» [3, с. 58].

Реформа народного образования и просвещения не была реализована именно в низовом звене. Как мы отмечали, осуществить задуманное и воплощенное в других европейских странах оказалось невозможно без отмены крепостного права.

Ссылки

1. Рэй М.- П. Александр I. М.: РОССПЭН, 2013. 495 с.
2. Рождественский С. В., Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802–1902). СПб.: Издание Министерства народного просвещения, 1902. 785 с.
3. Романов Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. М.: Захаров, 2010. 320 с.

King Arthur's Material Attributes: Weapons

E. V. Spiridonova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

This article is devoted to the material attributes of King Arthur, that have supernatural features. The main object of study is weapons: the swords (Sword in stone, Excalibur and others), the spear, the dagger, the shield, as well as the magical robes of the king. The author examines the origin and evolution of these artifacts, from Celtic legends to chivalric novels. Particular attention is paid to their sacred properties, temporary or permanent owners and their fate.

Keywords: King Arthur; Britain; legend; chivalric romance; Celtic mythology; Excalibur; Sword in stone

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Spiridonova Elena V. | E-mail: selenavlad@gmail.com
Cand. Sc. (History), Docent

Материальная атрибутика короля Артура: оружие

Е. В. Спиридонова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 94(410)

Научная статья

Данная статья посвящена материальной атрибутике короля Артура, имеющей якобы сверхъестественные черты. Основным объектом исследования являются предметы вооружения: мечи (Меч в камне, меч Экскалибур и другие), копьё, кинжал, щит, а также волшебные мантии короля. Автор статьи рассматривает происхождение и эволюцию артефактов. В основе исследования лежат разные источники – от кельтских легенд до рыцарских романов. Особое внимание уделяется сакральным свойствам предметов.

Ключевые слова: король Артур; Британия; легенда; рыцарский роман; кельтская мифология; Экскалибур; Меч в камне

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Спиридонова Елена Владиславовна | E-mail: selenavlad@gmail.com
Кандидат исторических наук, доцент

Король Артур является одной из знаковых фигур европейской мифологии. Ему посвящено огромное количество художественных произведений и научных исследований. Материальная атрибутика артурианы обширна, в первую очередь это такие объекты, как Круглый стол и святой Грааль, хотя в большей степени они связаны с рыцарями Артура. Главными атрибутами самого короля являются предметы вооружения, обладающие волшебными свойствами.

Первым чудесным мечом, с которым приходится столкнуться будущему королю, был Меч в камне, который, согласно легенде, указал на его будущий статус. Впервые этот мотив появляется в стихотворном романе «Мерлин», написанном на старофранцузском языке Робером де Бороном в конце XII – начале XIII в. [1, с. 23]. В «Валлийской версии» рождения Артура (манускрипт XIV века) говорится, что после смерти Утера Пендрагона архиепископ Дивриг попросил совета у Мерлина в отношении приемника Утера. Тот посоветовал всем молиться о ниспослании будущего короля. Знать последовала совету и в Рож-

дественский сочельник собралась в церкви, чтобы помолиться о даровании им короля. По выходу из храма они обнаружили огромный четырехгранный камень, в который был вонзен меч. Надпись на камне гласила «Меч сей есть знак, который укажет на достойного короля пред лицом Господним. Никто не сумеет вынуть этот камень, кроме того, кому поможет Бог» [2, с. 256].

Далее события развиваются, согласно многим источникам, следующим образом. Архиепископ Дивриг выбрал людей, которые по очереди пытались вытащить меч из камня, но никому не удалось это сделать. В романе Томаса Мэлори «Смерть Артура», изданном в 1485 г., процесс описан так: «И когда узрели они письмена, попытались иные, кто хотел стать королем, но ни одни не сдвинул, не шелохнул меча. “Нет среди вас того, кто добудет этот меч, но отриньте сомнения – Бог укажет его. Однако вот мой совет, – молвил архиепископ, – поставим здесь десять рыцарей, мужей доброй славы и поручим им охранять сей меч» [3, с. 18].

© Спиридонова Е. В., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY-NC-ND (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>)

На Рождество в город прибыл сэр Эктор (или в «Валлийской истории» – Кинир Варвог [2, с. 256]), в чьем доме воспитывался Артур, не знавший о своем происхождении. Кай, его сын и молочный брат будущего короля, который уже был посвящен в рыцари, должен был принять участие в праздничном турнире, но забыл дома меч и послал за ним Артура. «Когда же прискакал он домой, оказалось, что госпожа со всей челядью отправилась смотреть турнир. Разгневался тогда Артур и сказал себе: «Поскачу на церковный двор и возьму меч, что застрял между камнем и наковальней, не допущу, чтобы брат мой сэр Кэй был без меча в такой день» [3, с. 18–19]. Он без особых усилий вытащил меч и отнес его Каю.

В другом варианте (в «Валлийской истории») Кай свой меч сломал в поединке, и Артур отправился на его поиски, не зная о мече в камне. «Наконец, проходя перед церковью, увидел он меч, воткнутый в камень. Думая, что меч этот ничей, он вынул его без затруднения и отдал Каю вместо пропавшего, рассказав, где он его нашел» [2, с. 259].

Кай попытался выдать себя за короля, но после расспросов все же признался, что получил меч из рук Артура. Сэр Эктор повелел вернуть меч в камень и вновь достать, что Артур и проделал, и только тогда он рассказал ему о его истинном происхождении. Вокруг меча вновь собралась валлийская знать. Они желали подтверждения, говорили, что не позволят править человеку низкого происхождения, но, после того как Артур вновь на их глазах сумел достать меч из камня, было принято решение о коронации.

Есть версия, что добывание меча из камня связано с процессом выплавки бронзового оружия в каменной форме. В пользу версии свидетельствует тот факт, что в некоторых вариантах легенды Артур достает меч из наковальни [4, с. 63].

В ирландской мифологии упоминается некий «Камень судьбы», или *Lia Fail*, – один из талисманов племен богини Дану, которому приписывали способность кричать, указывая таким образом, что на него присел будущий король.

Любопытно, что сюжет Меча в камне в артуриане связан не только с королем Артуром.

В созданном в 1215–1236 гг. цикле «Вульгата» сын Ланселота Галахад, явившийся ко двору короля Артура, проходит похожее испытание. Он извлек меч, вонзенный в камень, надпись на котором гласила, что оружие предназначен лучшему из рыцарей. В данном случае Меч в камне указывал не на короля, а на рыцаря, которому суждено будет отыскать святой Грааль. Именно в «Вульгате» Меч в камне отождествляется с Экскалибуром, хотя во всех прочих произведениях артурианы это разные мечи [5].

Самый известный и знаменитый меч короля Артура – Экскалибур (валл. *Caledfwlch*; корнуэл. *Calesvol*; брет. *Kaledvoulc'h*, лат. *Caliburnus*). В одной из ранних частей «Мабиногиона», повести «Килух и Олвен» [6, с. 115], записанной около 1100 г., он называется *Каледвулх «Caledfwlch» (от called (битва) и bwlch (разрубать))*. В ранней валлийской литературе похожее имя носил меч *Каладболг* («Твердая зазубрина» – молния), принадлежащий ирландскому герою Фергусу Макройгу. Ряд исследователей предполагают, что подобное название характерно для определенного типа оружия, а не для конкретного меча [1, с. 82].

Логично предположить, что Гальфрид Монмутский, автор «Истории бриттов», написанной в 1136–1138 гг., будучи знаком с легендами Мабиногиона, сохранил имя легендарного меча, однако несколько его латинизировал, ассоциировав со словом «*chalybs*» – *меч/сталь* и назвав Калибурн [7, с. 99]. В старофранцузских источниках, в частности в произведениях Роберта Васа, Кретьена де Труа и других, мы находим такие имена меча, как Калибурк, Калибор, Эскалиборк, Эскалибор, Экскалибур и другие.

В «Сне Хронабви» из «Красной книги Хергеста», составленной в конце XIV – начале XV в., есть описание меча: «На мече были два золотых змея, и, когда он [Артур – Е. С.] вытащил меч из ножен, изо рта змей словно вырвались два столба пламени, и воины отвели глаза, чтобы не ослепнуть» [8, с. 162]. Очевидна аналогия с упомянутым в валлийских «Тринадцати сокровищах Британии» мечом Риддериха Щедрого Дирнвином («белый эфес»), который воспламенялся, если его вынимал кто-то, кроме хозяина [9]. Кретьен де Труа подчеркивал прочность Экскалибура: «На свете самый луч-

ший меч, металл, как дерево, мог расцезь» [10, с. 215]. В валлийском и корнуоллском фольклоре XVI–XIX вв. неоднократно утверждается, что Артур при помощи своего меча избавил землю от злобных великанов [11, р. 144].

Происхождение меча связано с иным миром. Согласно Гальфриду Монмутскому, меч был изготовлен на острове Авалон [7, с. 99], а к Артуру попал из рук Владычицы озера (Озерной девы, Леди озера). Данный персонаж, как, впрочем, и многие другие герои артурианы, перекочевали сюда из кельтской мифологии. Девы, обитающие на дне озер, достаточно часто встречаются в валлийском фольклоре. Они описываются как красавицы, высокие, стройные, с роскошными золотистыми волосами и чудесной белой кожей.

Согласно Томасу Мэлори, меч короля Артура был сломан во время поединка с рыцарем Пелинором и Мерлин пообещал ему раздобыть новое оружие. Они подъехали к озеру и увидели, как из воды высунулась рука, держащая чудесный меч. Потом показалась вся дева, парящая над водной гладью. Артур сел в лодку и добрался до середины озера. Дева отдала королю меч, взяв обещание выполнить любую ее просьбу [3, с. 45]. Впоследствии она называет имя меча: «Зовется он Экскалибур, а это означает «руби сталь». Примечательно, что в дальнейшем Владычица озера не всегда выступает в качестве положительного персонажа. Прибыв ко двору Артура, она напоминает о данном обещании и требует головы одного из рыцарей, уверяя, что он убил ее брата, и некой девицы, которая, по ее словам, погубила ее отца. Артур отказал ей в просьбе, а рыцарь, которого звали Балин, отрубил Озерной деве голову, говоря, что из-за нее его мать погибла на костре и вообще она «коварнейшая из женщин на свете», которая «своими чарами и колдовством погубила многих добрых рыцарей». Расстроенный Артур прогнал рыцаря, а Деву приказал похоронить со всей пышностью [3, с. 53].

У Мэлори в романе действуют несколько подобных персонажей, например, Владычицей озера была возлюбленная короля Пелиаса, мачеха Ланселота Озерного. Хотя вполне возможно, что все это один и тот же персонаж, наделенный бессмертием.

Волшебными свойствами обладал не только сам меч, но и его ножны, благодаря кото-

рым, какие бы раны ни были нанесены королю, он не потерял бы ни капли крови. Артур отдал ножны на хранение своей сестре Моргане, которой в те времена вполне доверял. Она была влюблена в рыцаря Акколлона, которому отдала ножны, а Артуру прислала поддельные [3, с. 61]. Позднее Артуру пришлось сразиться на поединке с Акколлоном. Моргану послала своему рыцарю настоящий Экскалибур, а брату (через свою приближенную) передала поддельный меч. Несмотря на подмену, королю удалось одержать верх. Он узнал свой меч и понял, что Моргану его обманула. Через несколько дней Акколлон умер от ран, а Артур отправил его тело Моргане с посланием, что Экскалибур опять у него. Она хотела украсть меч Артура, но смогла забрать только ножны. Спасаясь от погони, она забросила их в самое глубокое место озера, мимо которого проезжала [3, с. 100–109].

Последний раз Экскалибур упоминается в сцене смерти короля. Мэлори писал, что битва, в которой они с Мордредом нанесли друг другу смертельные раны, происходила рядом с озером. Умиравший король поручил Бедиверу (в другом варианте – Гриффлету) бросить меч туда, откуда он пришел. Рыцарь, не желая терять прекрасный меч, два раза пытался обмануть короля, но тот каждый раз об этом догадывался. В третий раз он все же бросил меч: «И тогда высунулась из воды рука и поймала меч, взмахнула им трижды и исчезла» [3, с. 753].

Можно предположить, что этот эпизод напрямую связан с традицией кельтов бросать оружие и прочие дорогие предметы в воду. Археологи не раз находили на дне рек и озер мечи, как побывавшие в боях, так и только что выкованные. Чаще, кстати, жертвовали именно сломанное или поврежденное оружие. Много подобных находок было сделано на Темзе и Уитеме, причем со дна поднимали не только мечи, но и кинжалы, щиты и шлемы раннего железного века [12, с. 165]. Кельты верили, что подношения покидали земное реальное пространство, попадали в иной мир, мир бессмертных духов воды.

Вода в таких обрядах воспринималась как место, дающее жизнь и жизнь забирающее. Дж. Маккилоп отмечал, что покровителями водных стихий чаще всего были именно богини:

Боан, по имени которой называется река Бойн; Синанн, дочь Маннана Мак Лира – бога моря, в честь которой названа река Шэнонн; Сулисс, давшая имя источникам в Бате [13, р. 38]. Кельты воспринимали водоемы как источник жизненных сил и всячески оберегали их, принося жертвы.

Хотя Экскалибур – неперенный атрибут именно Артура, в ряде произведений его владельцами оказываются другие персонажи. Например, Кретъен де Труа называл его временным хозяином рыцаря Гавейна, правда, из текста неясно, каким образом он его получил [10, с. 215]. В «Килухе и Олвен» в битве с королем Диурнахом, хозяином волшебного котла, мечом Каледвулхом пользуется ирландец Хленхлеауг [6, с. 148].

Экскалибур был не единственным мечом короля Артура. В аллитеративной «Смерти Артура» 1400 г. упоминается меч Кларент, который использовался для церемоний. Именно его украл Мордред и сражался им в последней битве [14]. В некоторых рукописях Вульгаты упоминается принадлежащий королю меч Сёр или Секас (Seure, Secase), которым, правда, в одном из сражений пользовался Ланселот [15, р. 212].

Американские историки С. Литтлтон и Л. Малкор находят аналогии легенд о мечах короля Артуре в сарматской (точнее, алаано-осетинской) мифологии. В частности, герой нартского эпоса Батрадз чудесным образом связан со своим мечом, который вручает ему мать – полубогиня Шатана, живущая на дне озера. Раненый в последней битве, Батрадз просит последнего выжившего товарища вернуть меч Шатане, тот дважды отказывается и только на третий раз выполняет поручение. Обычай сарматов поклоняться богу войны в образе меча, воткнутого в землю, напоминает легенду о Мече в камне. Авторы видят корни подобного сходства в сарматах, служивших в римских войсках и принеших свои легенды в Британию [16].

Меч – далеко не единственный предмет вооружения знаменитого короля. В «Килухе и Олвен» перечисляется имущество Артура, среди которого упоминаются: корабль, мантия, меч Каледволх, копье Хронгомиант («режущее острие»), щит Ванебгуртихир («лик вечера»), кинжал Карнвеннан («маленький белый

эфес»), супруга Гвенхвивар [6, с. 115]. Интересно, что супруга Артура упомянута наряду с личными вещами.

Гальфрид Монмутский описывал вооружение короля так: «Сам Артур, облаченный в достойную столь могущественного короля кольчугу, надевает на голову золотой шлем с изваянным на нем драконом, на плечи вешает щит, именуемый Придвенном, с изображенным на нем ликом богоматери Девы Марии, который постоянно его призывал ни на мгновение не забывать о ней. Еще он <...> берет в десницу свою копье, которое называлось Рон – копье это было длинным и широким, удобным в схватках» [7, с. 96].

Т. Мэлори писал, что Артур хорошо владел копьем: «Вы сражаетесь на копьях со столь великим искусством, что лучшего мне встречать не случалось...» [3, с. 43]. Именно копьем, а не мечом, по мнению автора, поражает Артур Мордреда в своей последней битве [3, р. 752].

Изображение Святой Девы на щите является данью распространившегося на британских островах христианству. Кстати, тот же сюжет мы видим и у Ненния, который писал, что в восьмой битве «Артур носил на своих плечах изображение святой непорочной девы Марии; в этот день язычники были обращены в бегство» [17, с. 187].

В ранневаллийских «Добычах Аннунна» Артур вместе с рыцарями направляется в путешествие в потусторонний мир на корабле, название которого Придвен [18, с. 83]. Такое же имя носил корабль Артура в «Килухе и Олвен» [6, с. 147]. Трудно сказать, что первоначально носило это название – щит или корабль, но, судя по датировке источников, корабль первичен.

В какой-то степени к предметам вооружения можно отнести и чудесный плащ Артура, который обладал способностью делать своего обладателя невидимым. Такой плащ или мантия встречается в кельтской мифологии, в частности им владел бог Маннана. В источниках мантия носит имя Ллен или Гвенн, правда, порой плащ трансформируется в покрывало или даже ковер. Так, например, происходит в «Сне Хронабви»: «Тот ковер звался Гвенном, и у него было чудесное свойство: стоило ступить на него, и человек

сразу становился невидимым, зато сам видел всех и всякого. И еще было у ковра чудесное свойство: какого цвета он был с самого начала, таким оставался всегда, чтобы с ним ни делали» [8, с. 163]. По углам ковра были вышиты золотыми нитками яблоки, что явно указывает на его авалонское происхождение.

При помощи другого плаща погубить Артура пыталась его сестра Моргана. Она прислала в подарок брату «богато изукрашенный плащ, каких при дворе и не видывали, – он так густо был расшит драгоценными камнями, как только умещались они один подле другого, и среди них были драгоценнейшие изо всех, какие только случалось видеть королю». Плащ был богато украшен, но Артур не решился его примерять, так как заподозрили неладное. Артура спасла приближенная Леди Озера, которая посоветовала прежде надеть плащ на привезшую его девицу:

«набросил он плащ на девицу. В тот же миг она упала мертвая, и слова более не вымолвив, сгорела и рассыпалась угольями» [3, с. 110]. Понятно, что данный плащ собственностью короля не являлся, но история о нем подтверждает, что и одежда могла выступать в качестве оружия.

Подводя итоги, следует отметить, что наиболее известными предметами вооружения являются мечи (Меч в камне, указавший на королевское происхождение героя; Экскалибур, боевой меч, обладающий сверхъестественными свойствами, чье возвращение в озеро знаменует конец жизни и могущества короля). Оба имеют чудесное происхождение и связаны со стихиями земли (камня) и воды. Аналогии мечам и другим видам вооружения короля находят в мифах, причем не только кельтских и скандинавских, но и даже индоиранских.

Ссылки

1. Блейк С., Ллойд С. Пендрагон. Король Артур: рождение легенды М.: Вече, 2006. 352 с.
2. Валлийская версия рождения Артура // Блейк С., Ллойд С. Пендрагон. Король Артур: рождение легенды М.: Вече, 2006. С. 252–262.
3. Мэлори Т. Смерть Артура. М.: Наука, 1974. 900 с.
4. Эрлихман В. Король Артур. М., 2009. 319 с.
5. Lancelot-Grail: The Old French Arthurian Vulgate and Post-Vulgate in Translation / Ed. by Norris Lacy. 10 v. Cambridge: D.S. Brewer, 2010.
6. Килух и Олвен // Кельтские мифы. М.: Эксмо, 2014. С. 109–155.
7. Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М.: Наука, 1984. 286 с.
8. Сон Хронабви // Кельтские мифы. М.: Эксмо, 2014. С. 155–170.
9. Tri Thlws ar Ddeg Ynys Prydain / Celtic Literature Collective. URL: <https://www.ancienttexts.org/library/celtic/ctexts/thirteentreasures.html>
10. Кретъен де Труа. Персеваль, или повесть о Граале. М.: Common Place, 2014. 408 с.
11. Green T. Arthuriana: Early Arthurian Tradition and the Origins of the Legend. Louth: Lindes Press, 2009. 279 p.
12. Коллис Д. Кельты: истоки, история, миф. М.: Вече, 2007. 288 с.
13. MacKillop J. Myths and Legends of the Celts. Penguin books, 2005. 432 p.
14. Alliterative Morte Arthure. URL: <https://d.lib.rochester.edu/teams/text/alliterative-morte-arthur-part-iv>
15. Warren M. History on the Edge: Excalibur and the Borders of Britain, 1100–1300. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000. 280 p.
16. Скотт Литлтон К., Малкор Л. От Скифии до Камелота. Владикавказ: Проект-Пресс, 2007. 304 с.
17. Ненний. История бриттов // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М.: Наука, 1984. С.171–193.
18. Добычи Аннувна // Из ранней валлийской поэзии. СПб.: Наука, 2012. 368 с. С. 81–87.

Gendarme control in the Grand Duchy of Finland in the 19th century

M. G. Zagora¹

¹Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the Gendarme control in the Grand Duchy of Finland. The author examines development of the Finlyandish Gendarme system up to the early 1880-s. The foundation of the Finlyandish Gendarme Administration is shown. The mechanism of Finlyandish Gendarmerie's work and its interaction with the Third Branch of His Imperial Majesty's Chancellery in Saint-Petersburg, i. e. Political police' Supreme body, are analyzed. Finlyandish gendarmes functions and specific of their occupation in Finland are studied.

Keywords: Russian Empire; Grand Duchy of Finland; Finland; August Tobiesen; Gendarmes

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Zagora Marina | E-mail: Umna.marinka@yandex.ru
| Postgraduate student

Жандармский контроль в Великом княжестве Финляндском в XIX в.

М. Г. Загора¹

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, РФ

УДК 930+94 (47)

Научная статья

Статья посвящена жандармскому контролю в Великом княжестве Финляндском. Автор исследует основные этапы развития финляндской жандармской системы до начала 80-х гг. XIX в. Рассмотрено создание Финляндского жандармского управления. Показан механизм работы жандармерии в Финляндии и её взаимодействие с III Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии в Санкт-Петербурге, представлявшим высший орган политической полиции. Изучены полномочия финляндских жандармов и особенности их деятельности на территории Финляндии.

Ключевые слова: Российская империя; Великое княжество Финляндское; Финляндия; Август Тобизен; жандармы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Загора Марина Григорьевна | E-mail: Umna.marinka@yandex.ru
Аспирант

В настоящее время тема жандармерии внутри Российской империи востребована историками. Исследуются принципы работы политической полиции по отдельным регионам [1] и губерниям [2]. Издаются работы о «воспитательной» деятельности жандармов [3]. Однако «финляндскому случаю» среди жандармерии Российской империи уделено мало внимания [4, 5].

Каким образом был организован жандармский контроль в Великом княжестве Финляндском (ВКФ), которое в имперском управлении регионами занимало особое привилегированное положение? Какой была жандармская система по масштабу территории? Что входило в полномочия жандармов в крае? Эти и другие вопросы рассматриваются в данной статье.

После присоединения Финляндии к России в 1809 г. ее территория постепенно стала вовлекаться в жандармскую систему империи. На основании «Высочайше утвержденного положения для жандармов Внутренней стражи» в ноябре 1817 г. в городах Куопио и Выборге при внутренних гарнизонных батальонах были сформированы жандармские команды. Их нельзя было использовать в качестве помощи полиции, кроме как по просьбе гражданского «начальства», т. е. губернатора. Команды мож-

но было «употреблять» «только для конвоирования арестантов» [6]. В каждой команде насчитывалось около 30 человек. В 1822 г. команда из Куопио была переведена в Гельсингфорс, который с 1812 г. был столицей ВКФ. В 1826 г. жандармская команда была учреждена в Або [5, р. 16], главном городе Финляндии при шведском правлении.

Во времена Николая I при образовании жандармских округов Российской империи в 1827 г. ВКФ вошло в первый округ вместе с Санкт-Петербургской, Архангельской и другими губерниями [7]. Центр второго из пяти отделений округа располагался в Гельсингфорсе. В издании «Россия под надзором» 2006 г. ошибочно указано, что Финляндия не была включена в жандармские округа. Авторы исследования отмечают, что Российская империя была поделена на 5 (а с 1843 г. – на 8) жандармских округов (по 7-8 губерний в каждом) «за исключением Финляндии (курсив мой. – М. З.), Области Войска Донского и Закавказья» [8, с. 7].

Должность финляндского жандармского штаб-офицера существовала с 1829 г. [9, с. 263]. Будучи офицером Корпуса жандармов, он подчинялся шефу жандармов, который также был начальником III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (СЕИВК).

Как и на многие должности на государственной службе после присоединения Финляндии к России, на пост финляндского штаб-офицера был назначен местный уроженец – подполковник Йохан Вульфферт (Johan Wulffert). Местом его пребывания стал Гельсингфорс. Штабные подразделения были основаны в трёх городах: Або, Выборге и Куопио [5, р. 5]. В сентябре 1836 г. шеф жандармов А. Х. Бенкендорф инструктировал финляндского генерал-губернатора о том, что жандармские команды могут быть использованы при наведении порядка в государственных или частных театрах, на различных представлениях, балах, маскарадах и похоронах [5, р. 6]. Таким образом, основная задача жандармов состояла в контроле за соблюдением общественного порядка.

При Александре II организация жандармского контроля в Российской империи претерпела изменения. В сентябре 1867 г. было образовано Финляндское жандармское управление (ФЖУ) [10] в числе других жандармских управлений в регионах империи¹. Задачи ФЖУ в целом не отличались от задач прочих жандармских управлений. В них входили надзор за политической благонадежностью населения, иностранцами и деятельностью местных властей, слежка за подозрительными лицами, преступниками и разбойниками, а также неофициальный цензурный контроль театральных представлений и печати. В 1880 г. III Отделение СЕИВК было упразднено. Отдельный корпус жандармов был переподчинён Департаменту полиции при Министерстве внутренних дел.

С 1854 г. [11, л. 5 об.] должность финляндского жандармского штаб-офицера занимал А. Р. Тобизен. Он стал первым начальником ФЖУ, а до своего назначения служил жандармским штаб-офицером в Витебской губернии. Тобизен был во главе финляндского жандармского управления при всём правлении императора Александра II и даже в первые годы царствования Александра III, до своей смерти в 1885 г.

ФЖУ располагалось в Гельсингфорсе. Оно имело собственную канцелярию. В столице княжества находились надзорный жандармский орган – наблюдательный состав корпуса жандармов, куда входили унтер-офицеры, и конная команда, где служили рядовые. У А. Р. Тобизена были помощники в Або и Выборге, в котором проживало значительное русскоязычное население. В этих городах также находились наблюдательные составы. В 1868 г. Тобизен сообщил генерал-губернатору ВКФ, что собирав-

ся разместить жандармских унтер-офицеров в Уусикаупунки, Наантали (позднее заменён на Сало), Порвоо, Лаппеенранте и Кююрёля (на Карельском перешейке) для наблюдения за настроениями в обществе [5, р. 6]. На рубеже 1874–1875 г. специальный жандармский контроль был учреждён в городе Тавастгус.

Взаимодействие финляндских жандармов с местной полицией, губернскими властями, проезд по железной дороге и другие «рабочие» вопросы определялись циркулярами и инструкциями из министерства внутренних дел и от шефа жандармов [8, с. 6–7]. Зачастую это были общие циркуляры и инструкции, которые рассылались в регионы империи. Так, например, в донесении от 28 декабря 1868 г. / 9 января 1869 г. Тобизен препроводил «краткий обзор» вверенного ему наблюдению ВКФ на основании § 20 секретной временной инструкции чинам наблюдательного состава Корпуса жандармов [12, л. 83].

Отдельную структуру составляло находившееся в Гельсингфорсе Жандармское полицейское управление (ЖПУ) Финляндских железных дорог. Оно было образовано в 1870 г. после открытия железнодорожного сообщения между Санкт-Петербургом и Гельсингфорсом. ЖПУ отвечало за таможенный досмотр грузов и паспортный контроль граждан. При необходимости начальники ФЖУ и Финляндского ЖПУ вступали в переписку и совместно принимали участие в каких-либо вопросах. Однако это были разные структуры.

Общение региональных жандармских подразделений, в том числе и Финляндии, с Петербургом происходило посредством донесений, рапортов и отчётов, которые выходили из-под пера штаб-офицера / начальника ФЖУ, его помощников и канцелярии жандармского управления. Информация из них обрабатывалась в III отделении СЕИВК и оттуда поступала в другие учреждения. Если решалось, что какие-либо факты заслуживают особого внимания, они передавались в соответствующие министерства или представлялись императору.

На основании полученных сведений со всей империи до конца 60-х гг. составлялись общеимперские нравственно-политические отчёты III Отделения, где упоминалось и ВКФ. Уже в кратком всеподданнейшем обзоре общественного мнения за 1827 г. в разделе «Настроение умов в провинции» Финляндия получила небольшую характеристику. После 1869 г. III Отделение «перестало подносить Александру II всеподданнейшие отчеты, ограничиваясь лишь докладами по наиболее значимым вопросам» [8, с. 15].

¹ Из жандармских округов осталось три: Варшавский, Сибирский и Кавказский.

Донесение штаб-офицера / начальника ФЖУ могло быть направлено на имя шефа жандармов, а также в целом в III Отделение. Каждый отчет был посвящен определенному событию или происшествию. Сведения могли быть получены при непосредственном участии штаб-офицера и его помощников и с помощью агентурных донесений. Объем отчета зависел от содержания, подзаголовков обычно в нем не было. При донесениях прилагались документы, отражающие суть изложенного дела: свидетельства очевидцев, статьи из местных и зарубежных газет и их переводы, фрагменты театральных пьес, письма, телеграммы и т. д. На донесениях можно увидеть пометки, сделанные в III Отделении: даты поступления и такие подписи, как «Чит.» – «читал», «ДЕВ – «доложено Его Величеству», «к делу», «к сведению» и др.

О чём упоминалось в донесениях из ВКФ в Петербург? Например, ко времени учреждения ФЖУ в 60–70 е гг. XIX в. А. Р. Тобизен докладывал о «предосудительных» театральных постановках в шведском театре Гельсингфорса и подобных статьях в местных газетах, которые пропускала финляндская цензура. Тобизен и его помощники сообщали о столкновениях и драках между российскими военными и местными жителями, а также происшествиях, разбоях и убийствах в городах и сельской местности.

С 1863 г. возобновили свою работу собрания финляндских сословий – Сеймы. Сюжеты

о них занимали важное место в жандармских донесениях [13, л. 38]. Около 1875 г. появляются отчеты под заглавием «О влиятельных лицах». Они давали характеристики наиболее значимым, по мнению жандармов, финляндцам: членам Финляндского сената, издателям местных газет и т. д. В качестве начальника Финляндского жандармского управления А. Р. Тобизен регулярно совершал инспекционные поездки по Финляндии, о чём также докладывал в своих донесениях в Петербург. Кроме того, он информировал III Отделение о своих разговорах с генерал-губернатором ВКФ и о распоряжениях, которые тот давал в отношении управления краем.

Система жандармского контроля в Великом княжестве Финляндском была организована на общих основаниях, которые существовали для всех регионов Российской империи. В рассмотренное в статье время функции жандармов были типичными функциями политической полиции империи. Нельзя сказать, что жандармским контролем была «опутана» вся территория ВКФ. В этом не было необходимости, поскольку большая часть населения края проживала в южной части Финляндии. В первую очередь за настроениями и происшествиями в обществе следили в Гельсингфорсе, Або и Выборге. Донесения из Финляндии учитывали местные особенности территории с преимущественно нерусским населением.

Ссылки

1. Бибииков Г. Н. Создание жандармских учреждений на Кавказе в конце 1820-х – начале 1840-х гг. // Российская история. 2018. № 3. С. 134–158.
2. Пулькин М. В. Жандармы олонекской губернии: специфика профессиональной деятельности (XIX – начало XX вв.) // Studia Humanitatis. 2018. №3. URL: <http://st-hum.ru/content/pulkin-mv-zhandarmy-oloneckoy-gubernii-specifika-professionalnoy-deyatelnosti-xix-nachalo-hh> (дата обращения: 22.03.2020).
3. Абакумов О. Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком, 1826–1866 гг. М., 2017. 317 с.
4. Jussila O. Keisarikunnan moraalityö: poliittinen santarmivalvonta Suomessa 1800-luvulla // Ajankohta: poliittisen historian vuosikirja 1994. Helsinki, 1993. P 8–36.
5. Santarmisto Suomessa. Suomenmaalainen santarmikunta, 1817–1917. Helsinki, 2013. 131 p.
6. ПСЗРИ (Полное Собрание Законов Российской Империи) : Собр. 1. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. XXXIV. № 27.126.
7. ПСЗРИ. Собр. 2. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. II. № 1062; Приложения. К №1062. А. Роспись Корпуса Жандармов по Округам и Отделениям.
8. Россия под надзором: отчеты III отделения, 1827–1869: сборник документов / сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М., 2006. 703 с.
9. Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809–1917 / Перевод с финского. Хельсинки, 2009. 844 с.
10. ПСЗРИ. Собр. 2. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1871. Т. XLII. Отд-е 2. № 44956.
11. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 110. Оп. 2. Д. 6322.
12. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 43 (1-я экспедиция. 1868 г.). Д. 5. Ч. 16.
13. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 41 (1-я экспедиция 1866 г.). Д. 5. Ч. 1.

Appointment of Governors to the Roman Province of Dacia under the Antonine Dynasty: the requirements for candidates

N. A. Filimonov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to conditions for appointing governors to the Roman province of Dacia under the Antonine dynasty, exactly, the requirements that a candidate for this position had to meet. The analysis of the narrative sources and epigraphic material allows us to draw conclusions about the high level of loyalty of Dacian governors to the rulers of the Roman Empire of the second century AD and their sufficient generalship and managerial merits before being appointed to this province. The loyal to the Emperor statesmen were appointed to this province by reason the military-strategic importance of Dacia and its territorial remoteness from Rome. Previously, they had acquired military and administrative experience in other “non-peaceful” provinces. Besides, often the governors were related with the princeps by kinship or friendship.

Keywords: Roman Empire; Roman Dacia; provincial administration; governors; Antonine dynasty

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Filimonov Nikita A. | E-mail: filimonovnikita95@yandex.ru
Postgraduate student

Назначение наместников в римскую провинцию Дакия при династии Антонинов: требования к кандидатам

Н. А. Филимонов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 94(3)

Научная статья

В статье рассматриваются условия назначения наместников в римскую провинцию Дакия при династии Антонинов, а именно требования, которым должен был удовлетворять кандидат на данную должность. Проведенный анализ нарративных источников и эпиграфических материалов позволяет сделать выводы о высокой степени лояльности дакийских наместников по отношению к правителям Римской империи II в. н. э. и их немалых полководческих и управленческих заслугах до назначения в эту провинцию. По причине военно-стратегического значения Дакии и ее территориальной отдаленности от Рима туда посылались верные императору государственные деятели, которые ранее приобрели военный и административный опыт в других «незамирных» провинциях. Кроме того, зачастую наместники были связаны с принцепсом родственными или дружескими отношениями.

Ключевые слова: Римская империя; римская Дакия; провинциальная администрация; наместники; династия Антонинов

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Филимонов Никита Александрович | E-mail: filimonovnikita95@yandex.ru
Аспирант

Согласно законам Октавиана Августа, все провинции Римской державы разделялись на императорские (формально считалось, что они требовали особого контроля как «незамирные» под предлогом продолжения в них военных действий) и сенаторские (Cass. Dio. LIII. 12). Ранее, по закону Помпея от 52 г. до н. э., было установлено, что провинции распределялись сенатом между теми из промагистратов, которые до этого ими не управляли [1, с. 26]. Впоследствии обязанности наместников были подробно прокомментированы в трактатах юристов [2]. Про-

винциальный наместник, как и магистраты в самом Риме, при исполнении своих обязанностей опирался на родственников, друзей и клиентов [3, с. 67]. В период принципата Антонинов наместники уже напрямую назначались императором в определенные субъекты государства, что должно было обеспечить стабильность и процветание далеких «неспокойных» провинций.

В историографии можно выделить несколько работ, которые освещают вопросы деятельности наместников в римской провинции Дакия. Так, Ю. К. Колосовская [4] на основе данных эпиграфики, археологии и нарративных источников охарактеризовала функции дакийских наместников и определя-

¹ В статье использованы следующие сокращения:

CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum;

IDR – Inscriptiones Daciae Romanae;

SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum

© Филимонов Н. А., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY-NC-ND (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>)

ла специфику исполнения должности именно в этом регионе. По мнению исследовательницы, наместник должен был обладать гражданскими и военными доблестями, олицетворять стабильность и прочность императорской власти, однако сам он как частное лицо, зависимое от императора, в известной степени был бесправен, а после периода «пяти хороших императоров» и вовсе находился в «подвешенном» состоянии. Румынский исследователь К. Петолеску, используя эпиграфические и нарративные данные, составил список высших должностных лиц римской Дакии с уточненными датировками сроков их службы [5, р. 170–177]. Названные исследования заложили базу изучения высшего звена руководства провинцией Дакия, однако ряд вопросов нуждается в дополнительном освещении, в том числе необходимо выяснить, каким требованиям должен был удовлетворять кандидат на должность наместника, для того чтобы получить такое назначение.

В эпиграфическом материале имеется множество упоминаний наместников римской Дакии. Хотя до сих пор не совсем ясно, кто был первым наместником провинции и основателем колонии Ульпии Траяны Сармизегеты – Юлий Сабин (Iulius Sabinus) или Децим Теренций Скавриан (Decimus Terentius Scaurianus) [6, р. 31–35, 40–41], – мы точно знаем, что они оба являлись приближенными к императору персонами и имели опыт управления в Дакии в военный и послевоенный периоды. Наместник Дакии 117 г. Гай Юлий Квадрат Басс (Caius Iulius Quadratus Bassus) был связан семейными и личными связями с Траяном. Его назначение в провинцию было обусловлено также участием во Второй Дакийской войне, после завершения которой он был награжден *ornamenta triumphalia* [7, р. 93]. В целом среди пятерых первых наместников Дакии трое вышеупомянутых государственных деятеля были наиболее лояльными к Траяну; отношение же двух других наместников к императору мы можем охарактеризовать – ввиду отсутствия дополнительных сведений – как нейтральное или не имеющее негативных проявлений.

После смерти Траяна императором становится его официальный преемник Адриан, который изначально не являлся компромиссной фигурой для римской элиты. Это стало причиной противостояния двух политических группировок: семьи принцепса, с одной стороны, и его приближенных, друзей и членов государственного совета – с другой. В итоге вражда вылилась в заговор с целью убийства императора, однако попытка оказалась неудачной, результатом чего стала казнь четырех заговорщиков: Луция Публиция Цельса, Авла Аврелия Пальмы, Луция Квиета и Гая Авидия Нигрина [8, с. 321–322]. Последний, Gaius Avidius Nigrinus, являлся наместником римской Дакии в 112–113 гг. (CIL III. 7904). Кроме того, когда Адриан стал императором, бывший опекун принцепса Публий Ациллий Аттиан (Publius Acillius Attianus) «посоветовал ему в письме казнить префекта Рима Бебия Макра, если тот будет отказываться признать его власть» (SHA. Hadr. V. 5; пер. здесь и далее С. П. Кондратьева). Интересно, что в 114 г. Квинт Бебий Макр (Quintus Baebius Maser) также являлся наместником римской Дакии, что позволяет предположить значительный масштаб недовольства новым правителем среди лояльных к Траяну государственных деятелей.

Адриан провел административно-территориальную реформу в провинции, разделив Дакию на два округа – Верхнюю и Нижнюю. Такая реорганизация была вызвана оборонительной политикой императора, поскольку *Dacia Superior* являлась лимесом между римским государством и варварским миром и имела исключительное военно-стратегическое значение. Эта часть провинции оставалась за легатами в преторском и пропреторском рангах [4, с. 24]. На столь важную должность первым был назначен Квинт Марций Турбон (Quintus Marcius Turbo Publicius Severus), управлявший провинцией в 117–119 гг. Он был человеком, на которого императоры (первоначально Траян, а затем и Адриан) полагались не только как на друга, но и как на одного из самых умелых полководцев Империи [9, р. 345]. С помощью Тур-

бона императором были подавлены восстания в Иудее и Мавретании (SHA. Nadr. V. 8), и за заслуги перед римским государством новому наместнику «было доверено управление Дакией, и — для придания ему большего авторитета — он был удостоен звания префекта Египта» (SHA. Nadr. VII. 3). После окончания срока своего наместничества в Дакии Турбон был назначен на должность префекта претория (CIL III. 1462; cf. CIL III 1551). Однако в последние годы своего правления Адриан, подверженный влиянию недругов и слухов, «почти всех, даже самых близких друзей, даже тех, кого он превознес, удостоив высших почестей, впоследствии считал своими врагами», в том числе вышеупомянутого полководца (SHA. Nadr. XV. 2, 7).

Вторым наместником Верхней Дакии являлся Секст Юлий Север (*Gnaeus Minicius Faustinus Sextus Julius Severus*). Необычным был срок его полномочий (119–127 гг.). Военный диплом (CIL XVI. 68) регистрирует его как легата в 120 г., а надпись из Далмации (ILS 1056) свидетельствует о том, что Юлий Север был наместником Дакии еще и в 126 г. [10, p. 343]. Вполне возможно, что столь длительное пребывание в Дакии было связано с доверием к наместнику со стороны императора, а также с неблагоприятной обстановкой в самой провинции. Помимо этого, Юлий Север управлял провинциями Мёзия, Британия, Иудея и Сирия.

Важно отметить, что в дальнейшем прослеживается тенденция использования дакийских наместников на аналогичных должностях, но в других «неспокойных» провинциях. В первую очередь это было обусловлено двумя факторами: полученным наместниками военно-административным опытом в Дакии, где происходили регулярные восстания местного населения и вторжения варварских племен, и доверием со стороны правителя Империи. Так, дакийский наместник Элиан Эмилий Тускилл (*Gnaeus Papirius Aelianus Aemilius Tuscillus*; CIL II. 2075) управлял Британией [11, p. 250], Луций Анний Фабиан (*Lucius Annius Fabianus*; CIL III. 1455, 7972) — одной из Германий и Мёзией [12, S. 207–208], Гай

Курций Юст (*Caius Curtius Cai f. Pollia Iustus*; CIL III. 1458) — Галлией. Экс-наместник Дакии Марк Седатий Севериан (*Marcus Sedatius Cai f. Quirina Severianus*; IDR III. 2. 97, 98), занимая аналогичную должность в провинции Каппадокия, покончил с собой, когда после вторжения в Армению его войска попали в засаду и были разбиты парфянской армией под Элегией [13, p. 281].

В эпиграфическом материале римской Дакии также фиксируются посвящения императорской семье, адресантами которых выступают сами наместники. Культ императора был весьма абстрактным и играл роль идеи, сплачивающей разнообразное в этническом, социальном и культурном планах общество [14, с. 123] (каким, собственно, и являлось население задунайской провинции); это было вполне естественное продолжение традиционных представлений римлян на основе давних традиций почитания «великих людей» [15, с. 189–195] и придавало дополнительную легитимность институту императорской власти [16, с. 184]. Так, в честь императора делали посвящения богам наместники Марк Стаций Приск (*Marcus Stadius Priscus*; CIL III. 940, 1299, 1416) и Публий Фурий Сатурнин (*Publius Furius Saturninus*; IDR III. 2. 94; CIL III. 1412). Возможно, оба государственных деятеля получили повышение за счет успешных военных мероприятий, поскольку во время своего правления Антоний Пий, «действуя через своих наместников и легатов, разбил германцев, даков и много других племен, а также поднявших восстание иудеев» (SHA. Pii. V. 4). Помимо этого, наместник Тиберий Юлий Флаккин (*Tiberius Iulius Flaccinus*) фигурирует в качестве адресанта в посвящении Серапису (CIL III. 7768), который являлся божеством, прочно вошедшим в синкретический культ императора [17, p. 174].

После проведения Марком Аврелием административно-территориальной реформы в провинции первым «наместником трех Дакий» являлся Марк Клавдий Фронтон (*Marcus Claudius Fronto*), один из самых доверенных легатов императора, впоследствии погибший в сражении с языгами [18, p. 10].

Он же являлся и патроном колонии Сармизегетуза (CIL III. 1457), именовался гражданами как «храбрейший из мужей, самый уважаемый из наместников» (*patrono fortissimo viro amplissimo praeside*). Отметим, что должность Фронтонна была экстраординарной: он возглавлял и Дакию, и Нижнюю Мёзию.

В дальнейшем наместниками римской Дакии являлись Секст Корнелий Клемент (*Sextus Cornelius Clemens*; CIL III. 7505; VIII. 20994) и Луций Эмилий Кар (*Lucius Aemilius Carus*). Особый интерес вызывают следующие наместники римской Дакии при Антонинах: Гай Аррий Антонин (*Caius Arrius Antoninus*; IDR III. 2. 85, 86, 87) и Публий Гельвий Пертинакс (*Publius Helvius Pertinax*).

Будущий император Римской империи, заслужив полное доверие Марка Антония, «из Сирии отправился для охраны Дуная, а затем получил в управление обе Мёзии, а вскоре Дакию» (SHA. Pert. II. 10), где в 176–177 гг. наместником являлся Аррий Антонин. Надпись из Ромулы-Альвы (SEG 30.864), возможно, могла быть демонстрацией солидарности римской политической элиты. Однако, после своего наместничества в Дакии, «Пертинакс подвергся порицанию за недоброжелательство: говорили, что он ложно обвинил перед Коммодом Антистия Бурра и Аррия Антонина в посягательстве на императорскую власть» (SHA. Pert. III. 7). Следовательно, хотя мы и не можем полноценно охарактеризовать отношения между Пертинаксом

и Аррием Антонином, но вполне вероятно, что таким образом первый решил устранить влиятельного конкурента.

Наместники, назначавшиеся в Дакию, должны были удовлетворять определенным условиям. Основными требованиями, выдвигаемыми к кандидатам на назначение в римскую Дакию, были опыт управления воинскими соединениями и «незамирными» провинциями, а также лояльность к императорской семье или лично императору. Это объясняется, прежде всего, удаленностью провинции от Рима и нестабильностью социально-политической сферы. Большинство наместников римской Дакии были непосредственно связаны с императором родственными или дружескими отношениями. Ими же исполнялся культ императорской семьи. Однако зачастую лояльность наместников выказывалась исключительно по отношению к одному правителю Империи, при котором они получили назначение на наместничество в провинции Дакия, поскольку в высших кругах римской знати не прекращались распри за власть. В исключительных случаях наместник управлял сразу несколькими придунайскими провинциями (что было обусловлено сложной военной ситуацией на севере Империи). При назначении наместнику предъявлялись повышенные требования как в плане проявленных ими ранее административных и военных способностей, так и в отношении преданности принцепсу.

Ссылки

1. Власова О. А. Цицерон: деятельность в качестве наместника провинции // Личность в политике, науке, культуре (всемирная история): Доклады Всероссийской конференции молодых исследователей / ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 15–17 сентября 2005 г. ; отв. ред. В. В. Дементьева. Ярославль, 2005. С. 25–29.
2. Смышляев А. Л. Трактаты римских юристов об обязанностях наместника провинции // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1997. № 1 (2). С. 65–73.
3. Смышляев А. Л. Римский наместник в провинциальном городе: *otium post negotium* // Вестник древней истории. 1999. № 4 (231). С. 59–70.
4. Колосовская Ю. К. Римский наместник и его роль во внешнеполитической истории Дакии // Вестник древней истории. 1988. № 4 (187). С. 20–37.
5. Petolescu C. C. Dacia: Un Mileniu De Istorie. Bucuresti: Editura Academiei Romane, 2010. 384 p.

6. Băeştean G., Boicea A. V. About the Second Dacian-Roman War (105-...) // *Sargetia. Acta Musei Devensis*. 2017. № 8. P. 29–55.
7. Balty J. Ch. Apamea in Syria in the Second and Third Centuries A. D. // *The Journal of Roman Studies*. 1988. Vol. 78. P. 91–104.
8. Сердюкова С. Г. Правление императора Адриана в отражении Диона Кассия (к вопросу о наследовании власти) // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* / под ред. Э. Д. Фролова. 2006. № 5. С. 319–326.
9. Topalilov I. S. A Note on the Name of Nicopolis ad Istrum // *Open Archaeology*. 2018. № 4. P. 340–349.
10. Syme R. Governors of Pannonia Inferior // *Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1965. № 3 (14). P. 342–361.
11. Syme R. Spaniards at Tivoli // *Ancient Society*. 1982/1983. № 13/14. P. 241–263.
12. Eck W., Pangerl A. Neue Militärdiplome für Auxiliartruppen verschiedener Provinzen // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2015. Bd. 196. S.199–210.
13. Flinterman J.-J. The Date of Lucian's Visit to Abonuteichos // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1977. Vol. 119. P. 280–282.
14. Фрибус Т. Ю. Юлии-Клавдии глазами римлян и варваров // *Античный мир и археология*. 2002. № 11. С. 117–123.
15. Гуськов Е. А. Императоры и преторианцы: отражение культа правителя в посвящениях римских воинов // *Вестник СГТУ*. 2012. № 1. С. 189–195.
16. Наурханова А. А. Развитие императорского культа в эпоху династии Юлиев-Клавдиев как катализатор выступлений сенатской оппозиции // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2009. Т. 11, № 2. С. 182–185.
17. Christodoulou P. Sarapis, Isis and the Emperor // *Romanising Oriental Gods? Religious transformations in the Balkan provinces in the Roman period. New finds and novel perspectives. Proceedings of the International Symposium, Skopje, 18–21 September 2013 (Skopje, 2015)*. P. 167–211.
18. Popescu M. Les soldats de Marc Aurèle, entre le Danube et l'Asie Mineure // *Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika*. 2014. № 4 (31). P. 3–18.

Theft and computer fraud from a bank account or with regard to electronic money: problems of differentiating responsibility

A. V. Ivanchin¹, A. N. Smolyakov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the qualifying feature that were introduced in Part 3 of Art. 158 and part 3 of Art. 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation by federal law of 23.04.2018 № 111-FZ - commission of theft and computer fraud from a bank account or with regard to electronic money. The essential role that these qualifying features play in differentiating of criminal responsibility for theft and computer fraud is shown. At the same time, the authors are critical for these novels. It is noted that they contradict the principle of justice and other fundamental principles of criminal law, as well as the theory of differentiation of responsibility. This position is confirmed by the analysis of the judicial practice of the application of the criticized novels. At the end of the article the conclusion that the qualifying features must be exclude from Part 3 of Art. 158 and part 3 of Art. 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation is made.

Keywords: the Criminal Code of the Russian Federation; the qualifying feature; theft; computer fraud; bank account; electronic money; the differentiating of criminal responsibility

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ivanchin Artem V. | E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru
Doctor Sc. (Jurisprudence), Professor

Smolyakov Alexander N. | E-mail: mr.smolyakov93@mail.ru
Master's graduate

Кража и компьютерное мошенничество, совершенные с банковского счета или в отношении электронных денежных средств: проблемы дифференциации ответственности

А. В. Иванчин¹, А. Н. Смоляков¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 343.232

Научная статья

В статье анализируются квалифицирующие признаки, которые были введены в ч. 3 ст. 158 и ч. 3 ст. 159.6 УК РФ федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ – совершение кражи и компьютерного мошенничества с банковского счета или в отношении электронных денежных средств. Показана существенная роль, которую играют указанные квалифицирующие признаки в дифференциации уголовной ответственности за кражу и компьютерное мошенничество. Вместе с тем авторы критически оценивают данные новеллы. Отмечается, что они противоречат принципу справедливости и иным фундаментальным началам уголовного права, а также теории дифференциации ответственности. Данная позиция подтверждается и анализом судебной практики применения критикуемых новелл. В итоге в статье делается вывод, что рассматриваемые квалифицирующие признаки подлежат исключению из ч. 3 ст. 158 и ч. 3 ст. 159.6 УК РФ.

Ключевые слова: УК РФ; квалифицирующий признак; кража; компьютерное мошенничество; банковский счет; электронные денежные средства; дифференциация ответственности.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванчин Артем Владимирович | E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru
Доктор юридических наук, профессор

Смоляков Александр Николаевич | E-mail: mr.smolyakov93@mail.ru
Магистр

Федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ в главу 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ, УК) были внесены изменения, направленные на усиление уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств. В частности, в ч. 3 ст. 158 УК РФ был введен п. «г», предусматривающий повышенную ответственность за кражу, совершенную «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ)». Новый особо квалифицирующий признак появился и в п. «в» ч. 3 ст. 159.6: мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное «с банков-

ского счета, а равно в отношении электронных денежных средств».

Данные признаки выступили средством дифференциации ответственности за кражу и компьютерное мошенничество, так как действительно усилили ее ответственность. Без них названные преступления максимально наказывались лишением свободы на срок до двух лет (ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 159.6 УК) и пяти лет (ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159.6 УК). С ними же максимум наказания возрос до шести лет лишения свободы и, соответственно, категория преступлений изменилась с небольшой тяжести (ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 159.6 УК) и средней тяжести (ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159.6 УК) до тяжкой. Учитывая весомую роль категорий преступлений в определении уголов-

но-правовых последствий содеянного, нужно признать, что указанные нововведения имеют принципиальное значение для дифференциации ответственности за кражу и компьютерное мошенничество.

Многие специалисты появление этих нововведений в УК РФ восприняли весьма одобрительно. «Посредством установления более строгих санкций по сравнению с ранее существовавшими, – отмечается в одной из научных статей, – повышена эффективность противодействия рассматриваемым хищениям, поскольку в настоящее время уголовное наказание будет влечь не только покушение на совершение или совершение таких противоправных деяний, но и приготовление к ним. ... Состоявшимися изменениями приняты во внимание современные вызовы и угрозы экономической безопасности, а также необходимость дополнительной защиты финансовых интересов граждан, кредитных организаций и государства в целом» [1, с. 46].

Рассматриваемые нововведения в Пояснительной записке к проекту указанного закона были мотивированы, среди прочего, ссылками на значительное расширение применения информационных технологий в финансовом секторе [2]. Количество транзакций, совершаемых клиентами дистанционно через удаленные каналы обслуживания, в банковском секторе нашей страны ежегодно увеличивается и в настоящее время составляет львиную долю от числа всех операций. Хорошо известно и то, что при применении новых форм банковского обслуживания неизбежно возникают криминальные угрозы, представляющие собой как высокотехнологические формы хакерских атак, так и методы социальной инженерии, в результате применения которых владелец счета либо сам переводит свои средства на счет преступников, либо передает конфиденциальную информацию, необходимую для получения доступа к счету. Очевидно, что уголовный закон должен быть адекватен новым криминальным вызовам и с этой позиции попытка повысить эффективность противодействия хищениям в безналичной форме сама по себе заслуживает одобрения.

Вместе с тем любые новации уголовного закона, как известно, должны соответствовать принципам и фундаментальным началам теории уголовного права (в данном случае – учению

о дифференциации уголовной ответственности), быть взвешенными и системными. И сегодня, спустя два с лишним года после введения в УК РФ упомянутых новелл, с учетом практики их применения представляется необходимым и полезным дать им надлежащую оценку. К сожалению, с момента разработки рассматриваемых нововведений и по сей день, когда сформирована определенная практика их применения, мы склонны оценивать их негативно. Поясним подробнее свою позицию.

С точки зрения теории дифференциации уголовной ответственности введение в уголовный закон квалифицирующего (усиливающего наказание) признака должно иметь надлежащее обоснование. В частности, одним из корифеев данной теории, научным руководителем Ярославской уголовно-правовой школы Л. Л. Крутликвым, были разработаны правила конструирования квалифицированных составов преступлений, в соответствии с которыми усиливающие наказание признаки, среди прочего: а) должны отражать существенный перепад в степени общественной опасности квалифицированного вида преступления по сравнению с основным составом; б) быть типичными для данной разновидности криминального деяния; в) быть нехарактерными для большинства деяний этого вида (т. е. не должны быть «криминальной нормой») [3, с. 17–19; 4, с. 112–124].

С позиции названных правил, фактически общепризнанных в доктрине уголовного права, уже на этапе обсуждения идеи введения анализируемых квалифицирующих признаков в ч. 3 ст. 158 и ч. 3 ст. 159.6 УК РФ была очевидна вся небесспорность этой законодательной инициативы. В Пояснительной записке к законопроекту обоснованно отмечалось увеличение в структуре преступности хищений с банковского счета и электронных денежных средств, ибо эти изменения адекватно отражают изменения в финансовом секторе экономики. Это и понятно: меняется жизнь и вместе с ней меняется и преступность. Однако это не означает, что между хищениями наличных денежных средств и хищениями в безналичной форме образовался существенный перепад в степени общественной опасности, требующий дифференциации уголовной ответственности. Степень общественной опасности данных видов хищений, как и прежде, определяется, по общему правилу, размером незаконно изъятых денег. Просто с течением

времени растет количество безналичных форм хищения, что, еще раз подчеркнем, не свидетельствует о возрастании степени их опасности, а является закономерным итогом увеличения электронных банковских операций, результатом эволюции.

Более того, безналичные хищения становятся «криминальной нормой», т. е. их удельный вес в структуре хищений только возрастает, а квалифицирующий признак не может быть атрибутом большинства преступлений определенного вида.

Не случайно даже в Пояснительной записке к проекту закона, которым были введены анализируемые особо квалифицирующие признаки, допущено фактическое противоречие. Так, на листе 1 Пояснительной записки утверждалось буквально следующее: «Значительный рост хищений со счетов клиентов банков определяется относительной простотой их осуществления посредством методов социальной инженерии, для использования которых, как правило, не требуется специальных знаний и технических средств» [2]. Но уже на листе 2 можно было обнаружить иное: «Высокая степень общественной опасности указанных противоправных деяний подтверждается спецификой преступлений, совершить которые могут лишь лица, обладающие специальными знаниями и использующие технические средства» [2].

Как раз первый тезис и соответствовал действительности, так как практика показывала и показывает, что безналичные хищения зачастую совершаются лицами, не имеющими специальных познаний и даже не имеющими особых технических средств (с мобильного телефона и т. д.). Нижеприведенные примеры из реальных уголовных дел – наглядное тому подтверждение (сплошная «бытовуха»). Но, желая подчеркнуть высокую степень общественной опасности рассматриваемых признаков, разработчики идеи их введения в УК РФ слюкавили (мягко выражаясь), акцентировав внимание на профессионализме, якобы присутщем субъектам хищений с банковских карт. Тем самым волей-неволей они допустили существенные противоречия в мотивировке своего законопроекта, что само по себе свидетельствует, как минимум, о его ненадлежащем обосновании.

Примечательно, что изложенные соображения подтверждают и специальные исследования в рассматриваемой области. Например,

А. В. Архипов, судья Томского областного суда, изучив 350 приговоров и иных судебных решений, пришел к следующему выводу: «Случаев осуждения по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ лиц, совершивших хищения денежных средств с банковского счета и электронных денежных средств с использованием методов социальной инженерии, вредоносных компьютерных программ и иными высокотехнологичными способами, установлено не было. Таким образом, даже если допустить, что такие дела существуют, то со всей очевидностью они не носят массовый характер» [5, с. 19].

Еще раз отметим, что любой вводимый в закон квалифицирующий признак должен отражать существенный перепад в степени общественной опасности преступления по сравнению с основным составом. Мерилом же опасности хищений наличных денег и хищений средств в безналичной форме, по общему правилу, является размер похищенного. Чем больше размер изъятого, тем опаснее хищение, с чем вряд ли кто-то осмелится спорить. Поэтому в нормах о хищениях в главе 21 УК РФ и произведена их градация на виды в зависимости от стоимости изъятого: простое хищение, с причинением значительного ущерба, в крупном размере и, наконец, особо крупном размере. По общему правилу, крупный и особо крупный размер составляют соответственно суммы свыше 250 тыс. руб. и 1 млн руб. В нашем же случае хищение с банковской карты или в отношении электронных денег на любую сумму фактически уравнивается с хищением в крупном размере, поскольку эти признаки соседствуют в частях третьих ст. 158 и 159.6 УК РФ.

Следствием введения анализируемых признаков в ч. 3 ст. 158 и ч. 3 ст. 159.6 УК РФ является нарушение принципов уголовного права, в частности принципа справедливости. Так, тайное хищение у одного лица из автомобиля 20 тыс. руб. влечет ответственность по ч. 1 или ч. 2 ст. 158 УК РФ (в зависимости от имущественного положения потерпевшего), а у другого лица хищение этой же суммы с его банковского счета – по ч. 3 ст. 158 УК РФ. Но тогда защита собственности этих двух лиц будет снабжена разной правовой защитой, что явно несправедливо. Или еще пример: если виновный похищает 200 тыс. руб. из автомобиля, ему вменяется ч. 2 ст. 158 УК РФ, а если 20 тыс. с банковского счета – ч. 3 ст. 158 УК РФ. Но разве обществен-

ная опасность второго хищения выше? Ясно, что это не так и, напротив, первое преступление должно влечь более строгую ответственность.

Все эти «перекося» и диспропорции в наказуемости хищений по прошествии двух с лишним лет после дополнения ч. 3 ст. 158 и ч. 3 ст. 159.6 УК РФ новым квалифицирующим признаком в полной мере подтвердила и судебная практика.

Так, апелляционным определением Курского областного суда от 11.08.2020 № 22-876/2020 оставлен в силе приговор суда, которым Ш. осужден за совершение кражи с банковского счета. Установлено, что Ш., находясь в состоянии опьянения, воспользовавшись тем, что за его действиями никто не наблюдает, тайно похитил с полки шкафа принадлежащую потерпевшему банковскую карту ПАО «Сбербанк России». После чего, узнав путем обмана у сестры потерпевшего пин-код от карты, через банкомат ПАО «Курскпромбанк» Ш. тайно похитил с банковского счета принадлежащие потерпевшему денежные средства в сумме 3000 руб. [6].

По другому делу приговором Центрального районного суда г. Новокузнецка от 31.01.2020 № 1-117/2020 (1-945/2019) был осужден по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ гражданин М. Он признан виновным в том, что совершил кражу с банковского счета, с причинением значительного ущерба гражданину, в несколько этапов (продолжаемая кража). Так, М., находясь в палате больницы, где он находился на лечении, увидел на тумбочке мобильный телефон, принадлежащий потерпевшему. М., воспользовавшись тем, что потерпевший отсутствует, используя мобильный телефон с установленной в нем сим-картой, посредством услуги «мобильный банк» осуществил перевод денежных средств с банковского счета, открытого на имя потерпевшего в отделении ПАО «Сбербанк», тремя операциями: в размере 10 руб.; в размере 1400 руб.; в размере 6500 руб. – на банковскую карту, открытую на имя М. в отделении ПАО «Сбербанк». В общей сложности М. похитил с банковского счета потерпевшего денежные средства в размере 7910 руб. [7].

В данных ситуациях изъятие относительно небольших сумм, которое до введения в закон критикуемого признака подлежало квалификации по ч. 1 или ч. 2 ст. 158 УК, сегодня оценивается как тяжкое преступление по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Такое безналичное хищение уравнивается

по степени общественной опасности с хищением в наличной форме на сумму свыше 250 тыс. руб., т. е. в крупном размере (п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Нелогичность и явная несправедливость этого очевидна.

Более того, в судебной практике встречается немало примеров, когда с банковского счета похищаются суммы не более 2,5 тыс. руб. Как известно, в силу ст. 7.27 КоАП РФ кража на такую сумму сама по себе (без квалифицирующих признаков) признается мелким хищением и влечет административную ответственность. Однако без достаточных оснований введя в ст. 158 и ст. 159.6 УК РФ указанный квалифицирующий признак, законодатель тем самым необоснованно расширил и сферу криминализации хищений. Ныне мелкие хищения, совершаемые с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (на сумму до 2,5 тыс. руб.), влекут уголовную ответственность, что лишь подчеркивает спорность рассматриваемого законодательного решения.

Так, приговором Красноярского районного суда г. Волгограда от 30.10.2019 по делу № 1-344/2019 Г. была признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158, п. «г» ч. 3 ст. 158, ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Вот как описаны эти три преступления (подчеркиваем: не единое продолжаемое хищение) в приговоре: «Действуя умышленно, из корыстных побуждений, в целях незаконного обогащения, Г. при помощи мобильного приложения «Альфабанк», установленного на телефоне потерпевшей, совершила операцию, переведя денежные средства потерпевшей в размере 1000 рублей на счет своей банковской карты ПАО «Сбербанк России», причинив последней материальный ущерб в размере 1000 рублей. ... Она же, в другой день при помощи мобильного приложения «Альфабанк» совершила операцию, переведя денежные средства потерпевшей в размере 2000 рублей на счет своей банковской карты ПАО «Сбербанк России». ... Она же (спустя несколько месяцев – прим. авторов), при помощи мобильного приложения «Сбербанк», совершила попытку произвести перевод денежных средств потерпевшей в размере 750 рублей на счет банковской карты, открытой на имя своего знакомого Г. Однако денежных средств на карте потерпевшей не оказалось, в связи с чем распорядиться

ее денежными средствами Г. не смогла по не зависящим от нее обстоятельствам» [8].

Итак, в приведенном деле мы имеем три эпизода краж на суммы соответственно 1 тыс., 2 тыс. и 750 руб. (покушение). Каждый из них до появления в ст. 158 УК квалифицирующего признака «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» влек лишь административную ответственность. Ныне же – это три тяжких преступления. Вот такие парадоксы (даже более того – курьезы) уголовной политики...

Необходимо добавить, что уровень общественной опасности хищений определяется размером похищенного лишь «по общему правилу». Понятно, что есть и иные обстоятельства дела, которые обоснованно возведены или могут возводиться законодателем в «ранг» квалифицирующих признаков, – это обстоятельства, оказывающие весомое влияние на уровень опасности содеянного. Таковы, например, признаки «группа лиц по предварительному сговору» (ч. 2 ст. 158 УК) или «с незаконным проникновением в жилище» (ч. 3 ст. 158 УК). О том, почему они несут повышенный «заряд общественной опасности», написано немало и смысла повторяться нет [9, с. 59–60].

В случае же с изъятием денег с банковской карты или электронных денег такого (су-

щественного) возрастания степени опасности не наблюдается. Более того, в результате эволюционного расширения форм и механизмов безналичной оплаты в структуре платежей населения именно безналичные хищения денег станут «криминальной нормой», придя на смену хищениям наличности. А как уже подчеркивалось, квалифицированные составы преступлений не должны отражать «норму» криминального поведения.

Подводя итог, отметим важность и своевременность усилий законодателя по поиску эффективных средств противодействия современным формам криминальных посягательств на собственность. В то же время эти усилия следует соотносить с принципами уголовного права и общепризнанными положениями уголовно-правовой доктрины. К сожалению, квалифицирующие признаки кражи и компьютерного мошенничества «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств», которые были введены в ч. 3 ст. 158 и ч. 3 ст. 159.6 УК РФ, указанным требованиям не отвечают. Напротив, наличие данных признаков в уголовном законе приводит к серьезным диспропорциям и несправедливости в наказуемости краж и компьютерных мошенничеств, в связи с чем их целесообразно исключить из закона.

Ссылки

1. Иванов И. С., Рязанцева С. В. Современный подход к определению мер уголовной ответственности за хищение денежных средств, находящихся на банковском счете, и электронных денежных средств // Российский следователь. 2018. № 8. С. 46 – 50.
2. Пояснительная записка «К проекту федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств)”» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
3. Кругликов Л. Л. О конструировании квалифицированных составов преступлений // Правоведение. 1989. № 2. С. 17–22.
4. Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 300 с.
5. Архипов А. В. Проблемы применения норм УК РФ, устанавливающих ответственность за хищение денежных средств с банковского счета // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 18–20.
6. Апелляционное определение Курского областного суда от 11.08.2020 № 22-876/2020 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
7. Приговор Центрального районного суда города Новокузнецка от 31.01.2020 № 1-117/2020 (1-945/2019) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
8. Приговор Краснооктябрьского районного суда города Волгограда от 30.10.2019 по делу № 1-344/2019 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
9. Иванчин А. В. Факторы, учитываемые в процессе конструирования состава преступления // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 56–61.

Beginnings of legal regulation of family relations: design assumptions

N. N. Tarusina¹, O. I. Sochneva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article examines the current norms on the principles of family legislation, the considerations of a group of Russian senators in the framework of the draft of the relevant amendments to the Family Code of the Russian Federation - in conjunction with the norms of the Constitution of the Russian Federation on the protection of the family, including the 2020 amendments to it. Criticism of a number of proposed normative-legal definitions of the basic concepts of the family sphere, as well as some value orientations of the legal regulation of family relations is given.

Keywords: family values; definitions; legal regulation

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina Nadezhda N. | E-mail: nant@uniyar.ac.ru
ORCID 0000-0001-8827-5532
Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor

Sochneva Olga I. | E-mail: o.sochneva@uniyar.ac.ru
Senior lecturer

Начала правового регулирования семейных отношений: проектные предположения

Н. Н. Тарусина¹, О. И. Сочнева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 342.723
Научная статья

В статье рассматриваются действующие нормы о началах семейного законодательства, сообщения группы российских сенаторов в рамках проекта соответствующих изменений Семейного кодекса Российской Федерации во взаимодействии с нормами Конституции Российской Федерации о защите семьи, включая поправки к ней 2020 года. Дается критика ряда предлагаемых нормативно-правовых дефиниций основных понятий семейной сферы, а также некоторых ценностных ориентиров правового регулирования семейных отношений.

Ключевые слова: семейные ценности; дефиниции; правовое регулирование

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина Надежда Николаевна | E-mail: nant@uniyar.ac.ru
ORCID 0000-0001-8827-5532
Кандидат юридических наук, профессор

Сочнева Ольга Игоревна | E-mail: o.sochneva@uniyar.ac.ru
Старший преподаватель

Как известно, проектные изыскания наиболее эффективного правового регулирования семейных отношений, включая общие начала такого регулирования и его частные, но весьма актуальные аспекты, длились более десяти лет. И это не считая систематических размышлений по означенной проблематике российских ученых-семейноведов.

Ожидания последних лет были обусловлены необходимостью решить несколько задач: 1) в соответствии с требованиями современных законодательных технологий сформулировать дефиниции основных понятий семейно-правовой сферы, имеющих значение не только для семейного, но и для дру-

гих отраслей российского законодательства; отсутствие таких дефиниций было тем более странным на фоне вполне удачных попыток законодателей государств ближнего зарубежья; 2) в связи с усиливавшимися атаками на российскую семейно-правовую идеологию, ориентированную на сохранение традиционных семейных ценностей, в противовес либерально-западным тенденциям на отказ от последних, уточнить, конкретизировать начала, на которых строится и должно продолжаться строиться российское конституционное, административное, семейное, гражданское (и в определенной своей части – уголовное) законодательство; 3) с уче-

том насущных потребностей в оптимизации содержания родительства, опеки, усыновления/удочерения, статуса родителей и детей в защите интересов семьи, в том числе от необоснованного публично-государственного вмешательства в ее жизнедеятельность, переориентировать те институты семейного права, которые предназначены обеспечивать позитивные и охранительные составляющие указанных статусов.

В июле 2020 г. в Государственную Думу РФ был группой сенаторов (Е. Б. Мизулиной, Е. В. Афанасьевой, А. Д. Башкиным и др.) представлен законопроект о внесении изменений в Семейный кодекс РФ [1]. В отличие от прежних проектов в последнем принята попытка системно решить проблемы, накопившиеся за последние годы в правоприменительной практике, а также учесть современную идеологию российского семейного права и соответствующие конституционно-правовые новеллы.

Что удалось и не удалось проектантам в деле реализации данной триады задач? Так, при общем благоприятном отношении к попыткам дефинирования семейно-правовых понятий следует с сожалением констатировать ряд неточностей, недоговоренностей или же, напротив, избыточность охвата данным дефинированием ряда очевидных конструкций.

С одной стороны, многолетняя дискуссия в цивилистике о целесообразности/возможности закрепить в семейном законе дефиницию брака разрешилась в предлагаемом проекте в пользу сторонников формально-разумной определенности. Тем более что такая позиция актуализировала себя в свете новейших конституционных поправок о гетеросексуальной сущности супружества как одной из традиционных ценностей российского общества. В действующей версии Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) норма ст. 12 обозначала данную сущность лишь косвенным образом, что вызывало соответствующую активность представителей сексуальных меньшинств на уровне массовых

информационных ресурсов, политологической, социологической и юридической доктрины, практики обращения к конституционно-судебной защите. Означенная нами констатация – безусловный шаг в верном направлении. В то же время при определении брака нет необходимости подчеркивать добровольность союза (что как раз и осуществлено в версии проектантов): поскольку союз является филологическим и юридическим аналогом соглашения [2], требование свободы волеизъявления его участников относится к очевидным и классическим постулатам цивилистики и юриспруденции в целом; если же настаивать на данном признаке применительно к браку-соглашению, то следует заявлять означенное требование и ко всем иным соглашениям как семейно-правовой сферы, так и цивилистики в целом (а также и международного права), чего не делается и не планируется делать.

В определении также дается ссылка на конкретные федеральные законы, регулирующие государственную регистрацию брачного союза (вплоть до обозначения их реквизитов). Это также не соответствует сложившейся законотворческой традиции и, кроме того, излишне формализует текст и усложняет его восприятие. Обычно законодатель удовлетворяется принципиальной ссылкой на федеральное (или региональное) законодательство как таковое. При этом в дефиниции отсутствует указание на права и обязанности супругов, что не соответствует абсолютному большинству доктринальных определений брака [3], а равным образом и вполне разумным, адекватным нормативно-правовым дефинициям, предложенным в зарубежном законодательстве (белорусском, казахстанском, украинском и др.).

Не отличается точностью и определение понятие «дети» («лица, не достигшие восемнадцати лет»). В таком контексте данная дефиниция не согласуется с нормами СК РФ, определяющими срок существования родительских прав и обязанностей, а также с нормами Гражданского кодекса РФ (да-

лее – ГК РФ) о дееспособности физических лиц [4]. В частности, по смыслу нормы п. 2 ст. 61 СК РФ родительские права прекращаются не только с достижением детьми 18-летнего возраста, но и в других установленных законом случаях приобретения последними полной дееспособности до достижения совершеннолетия. Согласно положениям ст. 21 и ст. 27 ГК РФ к таким случаям относятся вступление в брак (в порядке, предусмотренном нормой п. 2 ст. 13 СК РФ, а также ФЗ «Об актах гражданского состояния» и региональным законодательством) и эмансипация. Соответственно, в этих случаях у несовершеннолетнего прекращается и статус ребенка, определяемый нормами СК РФ, что в предлагаемом определении не учтено (как, впрочем, не учтено и в действующей норме ст. 54 СК РФ, давно и справедливо критикуемой в доктрине [5, с. 149–152]).

Не вполне ясным является определение родителей «кровные мать и отец ребенка», особенно в контексте противопоставления статусов генетических родителей ребенка («заказчиков» по договору суррогатного материнства) и приоритетного права суррогатной матери на оставление ребенка себе – по смыслу нормы п. 4 ст. 51 СК РФ. На неопределенность понятия «мать ребенка» в этой связи указывали и судьи Конституционного Суда РФ (особое мнение судьи Г. А. Гаджиева к определению № 880-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение конституционных прав положениями пункта 4 ст. 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 федерального закона “Об актах гражданского состояния”»).

Проектанты, предложив дефиницию брака (возможность которой долгие годы оспаривалась многими законодателями и учеными-цивиристами), где в качестве одного из ключевых признаков зафиксировали цель супружества (создание семьи), остановились на достигнутом, не предприняв попытки дефинировать и конструкцию семьи. Тем самым авторы проекта призвали супругов

создавать то, о чем сами не имеют юридического представления. Не упростили они и задачи судов, оперирующих понятиями «интересы семьи», «фиктивный брак, то есть союз, заключенный без цели создания семьи» и т. д. Между тем сопротивление дефинированию обоих понятий осуществлялось на основе относительно общей аргументации, где главным было соображение о сложности, комплексности данных конструкций. Применительно к понятию семьи, правда, высказывалось и еще одно соображение: сущность ее для различных отраслей российского права – не тождественна [6, с. 335]. Воистину аргумент, будоражащий кровь почитателей логики, специалистов в области социологии семьи и ценителей законотворческих технологий. Поскольку мы неоднократно и подробно высказывались по данному вопросу, ограничимся ссылкой на один из своих последних трудов [7].

Не вполне четко сформулировано и проектное представление о фактических воспитателях. Что означает тезис «добровольно участвующие в воспитании и (или) содержании ребенка»? Во-первых, добровольно участвовать в означенных процессах могут весьма различные категории граждан и при этом, в том числе в ситуации, когда ребенок не лишен родительского или иного законного попечения. Во-вторых, помощь в содержании могут оказывать и различные благотворители. В-третьих, как известно, фактические действия имеют юридическое значение только в силу прямого указания закона. В нашем случае фактическое воспитание принимается семейным законом прежде всего в контексте возможного возникновения алиментного обязательства фактического воспитанника перед фактическим воспитателем, причем в качестве дополнительного признака вводится условие о длительной и надлежащей заботе о ребенке. Разумеется, не исключается и более широкое прочтение сущности термина [8]. Однако в любом случае он нуждается в уточнении через признаки цели, добросо-

вестности, систематичности и длительности соответствующих действий.

Противоречиво сформулированы дефиниции «организации» и «организации для детей, оставшихся без попечения родителей». Выражается это в том, что при определении термина «организация» организации для детей, оставшихся без попечения родителей, обозначены в качестве одного из видов таковых организаций наряду со структурами образовательного, медицинского и социально-услугового назначения. В свою очередь, в термин «организации для детей, оставшихся без попечения родителей» включаются образовательные, медицинские и социально-услуги организации, рассматриваемые, соответственно, уже как разновидности данной категории.

Неясно, на каком основании в понятийный ряд попала конструкция опеки и не заявлена конструкция усыновления/удочерения. Между тем сущность последней вызывает в судебной практике определенные сложности. И при этом данная форма попечения над детьми считается приоритетной.

Вторая парадигма характеризует расширение начал семейного законодательства. В частности, предлагаются новые принципиальные положения: уважение семейных и нравственных ценностей народов России, самостоятельность семьи в принятии решений относительно своей внутренней жизни, добросовестность родителей¹, уважение к авторитету родителей². Однако на практике заявленная универсальность (поскольку она сформулирована без оговорок) конструкции уважение традиций может привести (создать предпосылку) к оправданию жестокого обращения с детьми, например, применительно к случаям обрезания девочек, которое практикуется в ряде российских регионов по религиозным соображениям, отказа родителей от текущего медицинского контроля здоровья детей по религиозным соображениям или же создаст почву для узаконения по-

лигамных традиций (как известно, с подобными требованиями граждане обращались и в Конституционный Суд РФ) или иной гендерной дискриминации с семейным элементом и т. п. Следовательно, проектная формулировка должна быть конкретизирована с помощью критериев оценки значимости тех или иных культурно-нравственно-религиозных традиций, соответствия последних цивилизационному контексту и началам правопорядка российской государственности и российского общества.

Наконец, третья парадигма, объявляемая в качестве одной из фундаментальных презумпций – предположение о добросовестности родителей, реализована в предлагаемых редакциях норм СК РФ внутренне противоречиво. Так, по смыслу нормы ст. 1 СК РФ данная презумпция может быть опровергнута только вступившим в законную силу решением суда. Однако из редакции п. 6 ст. 65 СК РФ «Осуществление родительских прав», которая, собственно, и уточняет характер действия указанного предположения, следует, что его опровержение может фиксироваться решениями об ограничении или лишении родительских прав. Однако вопрос об оценке добросовестности поведения родителей возникает не только в ситуациях применения к ним мер семейно-правовой ответственности, но и при разрешении других конфликтов, касающихся осуществления родителями своих прав – и не только в судебном, но и административном порядке: при отказе родителей дать согласие на сделку с имуществом ребенка, на выезд ребенка за пределы РФ для отдыха или лечения, на смену фамилии при раздельном проживании родителей, на медицинское вмешательство; в спорах между родителями об ограничении одного из них в праве на общение с ребенком, о передаче ребенка от одного родителя к другому и т. п.

Стремление проектантов обеспечить интересы родителей путем закрепления данной презумпции (в предлагаемых формулировках) при внешнем благозвучии и благолепии

¹ Об этом см. в последней компоненте триады.

² Аналогично.

на практике может привести к нарушению прав и интересов детей, создать сложности в деле их эффективной защиты. Значит, положение о добросовестности родителей, при общем его положительном векторе, должно быть увязано с принципом приоритетной охраны и защиты социально значимых интересов ребенка – в рамках традиционной

для семейно-правовой сферы проблемы гармонизации публичных и частных начал семейно-правовой методологии [9].

В законопроекте предложены и другие, более частные, версии изменения СК РФ. В соответствии с задачами настоящей статьи мы ограничились анализом наиболее принципиальных его положений.

Ссылки

1. Законопроект № 989008-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/989008-7>
2. Тарусина Н. Н., Лушников А. М., Лушникова М. В. Социальные договоры в праве. М.: Проспект, 2017. 480 с.
3. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву. М.: Проспект, 2010. 224 с.
4. Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. Права детей. М.: Проспект, 2018. 176 с.
5. Величкова О. И. О понятии «ребенок» в свете положений Семейного кодекса РФ и Конвенции о правах ребенка // Семейное право на рубеже XX–XXI веков: материалы международной научно-практической конференции. Казань: КФУ, 2011. С. 149–152.
6. Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2016. Т. 3. 736 с.
7. Тарусина Н. Н. Семья как общеправовая конструкция // Lex Russica. 2020 № 4. С. 21–33.
8. Комиссарова Е. Г. Проблема фактического воспитания: методологический взгляд // Lex Russica. 2020. № 6. С. 18–32.
9. Ильина О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. 192 с.

Transformation of the Institute of Charity in Russia: a vector for transparency

E. A. Isaeva¹, A. V. Sokolov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article outlines the vector of development of domestic legislation on charity in 2019-2020. The authors focus on stories of the normative regulation of charity activities in Russia, including analysis of separate provisions of the Concept of assistance to development of charity activities in the Russian Federation for the period until 2025, the action Plan for implementation in the 2019 - 2020 Concept of assistance to development of charity activities in the Russian Federation for the period up to 2025. The authors have identified regulatory mechanisms for stimulating the openness of the work of charitable entities, and made forecasts of the impact of legislative innovations on the well-being of charitable organizations.

Keywords: charities; donations; charity organization; digitalization

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Isaeva Elena A. | E-mail: elena2000@mail.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Sokolov Alexander V. | E-mail: alex8119@mail.ru
ORCID 0000-0002-7325-8374
Doctor Sc. (Politics), Associate Professor

Funding: RFBR, Project No 19-011-00268.

Трансформация института благотворительности в России: вектор на прозрачность

Е. А. Исаева¹, А. В. Соколов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 321

Научная статья

В статье обозначается вектор развития отечественного законодательства о благотворительности в 2019–2020 годах. Сделан акцент на новеллах нормативного регулирования благотворительной деятельности в России, включая анализ отдельных положений Концепции содействия развитию благотворительной деятельности в Российской Федерации на период до 2025 года, Плана мероприятий по реализации в 2019–2020 годах Концепции содействия развитию благотворительной деятельности в Российской Федерации на период до 2025 года. Вычленены нормативно закреплённые механизмы стимулирования повышения открытости работы субъектов благотворительной деятельности, сделаны прогнозы влияния законодательных новелл на самочувствие благотворительных организаций.

Ключевые слова: благотворительная деятельность; пожертвования; благотворительные организации; цифровизация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Исаева Елена Александровна | E-mail: elenia2000@mail.ru
Кандидат юридических наук, доцент

Соколов Александр Владимирович. | E-mail: alex8119@mail.ru
ORCID 0000-0002-7325-8374
Доктор политических наук, доцент

Финансирование: РФФИ, проект № 19-011-00268.

В последние годы становится все более очевидным четкий вектор государственной политики в России, направленный на развитие институтов благотворительности, добровольчества, социально ориентированных некоммерческих организаций [1]. Понимая ценность эффективно работающих институтов гражданского общества [2], органы власти стремятся разработать комплексные механизмы, которые бы максимально учли как интересы самого государства, так и представителей некоммерческого сектора, вовлеченного в данную деятельность [3]. При этом и для государственного и для общественного сектора одинаково важен вопрос прозрачности и удобства работы указанных институтов. Именно такой эффект дает вовлечение цифровых технологий,

позволяющих, с одной стороны, сделать понятным и удобным механизм для желающих включиться в благотворительную деятельность, с другой стороны, минимизировать схемы мошенничества в данной сфере, позволив проводить верификацию данных о благотворительных организациях, целевом использовании пожертвований и др. При этом важно отметить комплексность факторов, влияющих на развитие гражданской активности [4].

Благотворительная деятельность некоммерческих организаций, бизнеса и физических лиц является одним из важнейших факторов социального развития региона в таких сферах, как образование, наука, культура, искусство, здравоохранение, охрана окружающей среды и ряде других [5]. И это в полном

объеме понимает федеральный законодатель, взявший вектор на закрепление новых правовых механизмов развития, а местами и модернизации института благотворительности в России. В этом контексте требуют пристального внимания положения Концепции содействия развитию благотворительной деятельности в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 15.11.2019 № 2705-р (далее по тексту Концепция), и Плана мероприятий по реализации в 2019–2020 годах Концепции содействия развитию благотворительной деятельности в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденного Правительством РФ 11.12.2019 № 11424п-П44 (далее по тексту План мероприятий).

К сожалению, благотворительная деятельность зачастую является полем для мошенничества, где, играя на лучших человеческих побуждениях о помощи нуждающемуся, преступники собирают деньги на несуществующих детей, работают от лица незарегистрированных фондов. При этом проблемным моментом в предотвращении и борьбе с проявлениями мошенничества в сфере благотворительности выступает тот факт, что люди отдают деньги по собственной воле, без принуждения. Очень маленький процент людей, помогая на благие цели через пожертвование в ящики-копилки, интересуется конечным их получателем, а еще меньше пробует узнать, как получить отчет по произведенным сборщиком денежных средств тратам, или проверить достоверность информации на сайте-клонне реально действующих благотворительных фондов, их группе в социальных сетях. Обозначенная проблема, а также заинтересованность честно работающих благотворительных организаций в прозрачности повлияла на нормативное закрепление новых «правил игры» в сфере сбора частных пожертвований, на появление в перспективе новых правил открытости игроков сферы благотворительности.

Граждане чаще всего сталкиваются с предложением оказать помощь в магазинах, на людных улицах, в транспорте посредством совершения пожертвования в ящики-копилки, и это в реальности одна из наиболее простых для мошенников схем обмана. При распространности указанного способа сбора денег

правовой регламентации его в законодательстве до последнего времени не было. Было непонятно, что такое ящик для сбора пожертвований, как он должен выглядеть, может ли он быть только стационарным и/или переносным, можно ли с ним ходить по переполненному вагону метро. Для ликвидации данного пробела еще в 2018 году инициативной группой депутатов в Государственную Думу был внесен законопроект, инициатива продвижения которого исходила от самих благотворительных организаций – благотворительного сообщества «Все вместе», фондов «Предание», «Со-единение» и других крупных НКО, представители которых также участвовали в работе над законопроектом.

В апреле 2020 года законопроект приобрел статус закона. Федеральный закон от 07.04.2020 № 113-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон “О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)”» ввел статью 16.1 «Ящик для сбора благотворительных пожертвований», которая устанавливает правила использования ящиков для сбора средств. Важным акцентом нового нормативного акта выступило ограничение на использование ящика для сбора пожертвований для всех НКО, кроме благотворительных, а также некоммерческих организаций, учредительными документами которых предусмотрено право на осуществление благотворительной деятельности. Под исключение в тексте акта не попали религиозные организации. Они продолжают сбор средств привычными для себя способами – без требований о прозрачности, вводимых для благотворительных НКО. Такую позицию законодателя можно оценить скорее как непоследовательную и не имеющую рационального объяснения.

До вступления закона в силу (октябрь 2020 года) правительство РФ и Минюст России обязаны разработать подзаконные акты, связанные с реализацией внесенных изменений: требования к самим ящикам, требования к порядку опубликования отчетов об использовании собранных пожертвований. Законом существенно сужена сфера применения переносных ящиков-копилки: их можно будет использовать только в месте и во время проведения публичного или иного мероприятия, организованного некоммерческой организа-

цией, учредительными документами которой предусмотрено право на осуществление благотворительной деятельности, или несколькими такими организациями (их объединениями). Фактически это исключит возможность хождения волонтеров по общественному транспорту, так как сложно будет подтвердить проведение мероприятия именно на территории транспортного средства.

Совершенствование регулирования деятельности благотворительных организаций в России – одна из задач Концепции. Она включает в числе прочего установление требований к уровню открытости благотворительных НКО, в том числе через цифровизацию своей работы. Данный вектор связан с активным развитием всемирной сети и повышением ее роли как площадки для коммуникации и обмена информацией. В результате планируется на законодательном уровне закрепить перечень требований к уровню прозрачности деятельности благотворительных организаций, определить порядок регулярного раскрытия информации о результатах деятельности, позволяющей оценивать их эффективность, закрепить требования к предоставлению возможности лицам, осуществляющим благотворительные пожертвования, получать информацию о достижении поставленных целей. Концепция также включает закрепление отдельного требования к наличию сайта благотворительной организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В реальности данное положение потребует серьезных финансовых вложений от самих благотворительных организаций, что ставит под угрозу реализуемость данного мероприятия.

При этом требования открытости и прозрачности ставятся Концепцией как условия получения специального статуса для благотворительных организаций, позволяющего претендовать на предоставление дополнительных налоговых льгот в отношении пожертвований юридических и физических лиц; на исключение из обложения налогом на прибыль организаций доходов от размещения на банковских депозитах полученного целевого финансирования при размещении средств в коммерческих банках Российской Федерации, отвечающих установленным требовани-

ям; на предоставление в приоритетном порядке имущественной поддержки; на включение в перечень российских организаций, гранты (безвозмездная помощь) которых физическим лицам для поддержки науки, образования, культуры и искусства в Российской Федерации не подлежат обложению налогом на доходы физических лиц; на включение в систему обязательного страхования вкладов в коммерческих банках Российской Федерации, отвечающих установленным требованиям.

Концепция предполагает, что перечень требований к уровню прозрачности деятельности и квалификации сотрудников благотворительных организаций и порядок контроля за их соблюдением будут установлены законодательством Российской Федерации. В качестве одного из основных результатов реализации Концепции авторы закрепили повышение доверия граждан к благотворительным и иным некоммерческим организациям. При этом важно отметить, что добиться прозрачности в сфере благотворительной деятельности только нормативным регулированием на федеральном уровне вряд ли получится. Нужны действенные механизмы верификации на уровне субъектов Российской Федерации.

Интересным примером регионального нормотворчества в курсе прозрачности благотворительной деятельности в субъекте РФ стоит отметить Распоряжение Губернатора Белгородской обл. № 114-р от 20.02.2018 «Об утверждении Регламента взаимодействия заинтересованных ведомств и органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов области по осуществлению контроля за деятельностью благотворительных организаций, осуществляющих сбор денежных средств, на территории Белгородской области». Фактически нормативный акт предусматривает взаимодействие не с самим институтом благотворительных НКО, а по поводу его, осуществляя межведомственный контроль. В целях недопущения незаконной деятельности благотворительных организаций, в том числе с незаконным привлечением несовершеннолетних, по сбору денежных средств на территории Белгородской области применяется следующая система мер, предусматривающая три направления деятельности: создание Ассоциации благотвори-

тельных организаций Белгородской области и ведение реестра благотворительных организаций; выявление и пресечение незаконной деятельности благотворительных организаций, в том числе с незаконным привлечением несовершеннолетних, по сбору денежных средств на территории Белгородской области; информационно-пропагандистская кампания среди населения Белгородской области. Акт предусматривает интересные механизмы контроля. В частности, департамент здравоохранения и социальной защиты населения Белгородской области формирует на базе ОГБУЗ «Детская областная клиническая больница» экспертную группу врачей-специалистов в целях проверки сведений о состоянии здоровья несовершеннолетних, в отношении которых осуществляются благотворительные сборы; управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Белгородской области: осуществляет проверку обращений жителей области, государственных органов по фактам незаконной деятельности благотворительных организаций; при обеспечении охраны общественного порядка на маршрутах патрулирования организует проверку лиц, осуществляющих сбор денежных средств для благотворительных организаций, в целях выявления фактов мошеннических действий под предлогом благотворительной деятельности, установления законности осуществления деятельности благотворительных организаций на территории Белгородской области и регистрации в Ассоциации. Департамент здравоохранения и социальной защиты населения Белгородской области устанавливает соответствие представляемых документов и сведений о гражданах, для которых благотворительные организации осуществляют сбор денежных средств; пресекает факты сбора денежных средств в областных государственных медицинских организациях благотворительными организациями, не входящими в Ассоциацию.

Тема прозрачности благотворительной деятельности в Ярославской области звучит давно: еще в 2012 году общественное обсуждение вылилось в разработку и принятие Закона ЯО от 06.12.2012 № 57-з (ред. от 07.11.2018) «О государственной поддержке благотворительной деятельности и добровольчества (во-

лонтерства) в Ярославской области», который предусмотрел создание в регионе Совета по поддержке благотворительной деятельности. Совет в числе прочего должен был бы заниматься обеспечением взаимодействия между органами государственной власти Ярославской области и участниками благотворительной деятельности. Положение о Совете было утверждено Указом Губернатора ЯО от 14.04.2014 № 151 «Об утверждении Положения о Совете по поддержке благотворительной деятельности в Ярославской области». К сожалению, Совет не собрался ни на одно заседание.

С целью изучения процесса развития благотворительности в Ярославской области в феврале 2020 года среди жителей Ярославской области в возрасте 18 лет и старше был проведен опрос методом телефонного интервью по месту жительства респондентов по заранее разработанной анкете. В опросе приняли участие 648 человек – представители различных социально-демографических групп, проживающие в населенных пунктах Ярославской области. Выборка репрезентативна для области в целом. Уровень достоверности данных составляет в целом по области 95 %, статистическая погрешность находится в рамках диапазона 5,0 %. Результаты, полученные в ходе проведенного опроса, были сопоставлены с результатами аналогичных исследований прошлых лет.

Представления жителей Ярославской области о гражданском обществе социально ориентированы и подразумевают реальное действие. На вопрос о том, что отражает суть «гражданская активность», участники опроса чаще выбирали следующие характеристики: «личное убеждение, внутренняя позиция, направленная на преобразование себя и окружающего мира» (14,0 %), «участие в благотворительной и волонтерской деятельности» (10,3 %), «участие в работе общественных организаций, членство в НКО» (10,0 %) (диаграмма 1).

Присутствует разница во взглядах на термин «гражданская активность» в различных социально-демографических и территориальных группах. Молодежь и пенсионеры несколько чаще «политизируют» её трактовку, чем представители среднего поколения. Выбрали ответ «участие в деятельности политических партий и движений» в качестве характеристи-

ки рассматриваемого понятия 10 % респондентов в возрасте 18–29 лет и 10 % представителей старшей возрастной группы (60 лет и старше). В то же самое время они чаще остальных свя-

зывают гражданскую активность с «участием в решении проблем своей территории (дома, двора, деревни)», понимая её практическую значимость для местных сообществ.

Диаграмма 1

Распределение ответов на вопрос: «Что лично у вас в первую очередь ассоциируется с понятием гражданская активность?» (один ответ)

Для жителей области в возрасте 36–49 лет «гражданская активность» – это прежде всего «помощь нуждающимся, людям, находящимся в сложной жизненной ситуации» и «личное убеждение, внутренняя позиция, направленная на преобразование себя и окружающего мира». Тем не менее межпоколенческие различия здесь выражены слабо.

На установки, характеризующие понимание термина «гражданская активность» в Ярославской области, весомое влияние оказывает и уровень образования. Участники опроса с высшим образованием заметно чаще остальных связывают общественную активность с участием в работе общественных организаций (в т. ч. членство в НКО) и «обсуждение государственных и общественных вопросов, в частности в Интернет пространстве», в то время как для остальных её главными признаками выступают «участие в решении проблем своей территории (дома, двора, деревни)» и «участие в благотворительной и волонтерской деятельности».

Предпочтения в способе выражения гражданской позиции имеют существенную территориальную дифференциацию:

жители г. Ярославля отдают предпочтение обсуждению новостей с друзьями и коллегами и участию в жизни дома (ТСЖ); г. Рыбинска – Интернету, письменным обращениям в органы власти и волонтерской (добровольческой) работе; малых городов – благотворительности (пожертвования), участию в публичных акциях политических партий/движений и вопросам домоуправления; сельских населенных пунктов – деятельности общественных организаций, благотворительности и обсуждению новостей со знакомыми, коллегами. Территориальный фактор обусловлен наличием/отсутствием досуговой инфраструктуры, доступностью различных средств коммуникации и др.

Жители Ярославской области тесно связывают благотворительность с деятельностью некоммерческих организаций и видят ее одним из важных результатов их работы. В действиях НКО видят пользу для себя и знакомых 40,0 % жителей области (годом ранее их доля не превышала 26 %). Позитивно работу третьего сектора воспринимают прежде всего жители г. Ярославля, т. е. те, кто пассивны в выражении своей гражданской позиции.

По состоянию на начало 2020 года не признают пользу некоммерческих и общественных организаций 37,0 % жителей Ярославской области (табл. 1). Годом ранее таких насчитывалось 55,1 %. Сегодня скептицизм по данному

вопросу свойствен представителям возрастной группы 50–59 лет, жителям малых городов и сел. Затруднились определить, нужны ли им общественные объединения или нет, 23,0 % опрошенных.

Таблица 1

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как Вы считаете, для Вас и Ваших знакомых есть польза от общественных организаций?»**

Ответы	Распределение ответов, %				
	янв. 2016	янв. 2017	янв. 2018	янв. 2019	янв. 2020
Пользы нет	25,4	29,7	33,7	55,1	37,0
Есть большая польза	17,7	14,2	12,5	5,7	13,3
Есть небольшая польза	9,7	9,7	13,6	4,6	5,7
Затрудняюсь ответить, есть польза или нет	19,0	22,8	23,8	18,5	23,0
Затрудняюсь ответить, есть большая или небольшая польза	28,2	23,6	16,4	16,0	21,0

Как и раньше, в 2019 году польза заключалась преимущественно в оказании помощи людям, находящимся в трудной жизненной ситуации (26,3 %), помощи животным (12,7 %)

и актуализации в региональном информационном пространстве острых социальных проблем и помощи в их решении (9,3 %) (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какую пользу обеспечивают НКО?»

Ответы	Распределение ответов, %				
	янв. 2016	янв. 2017	янв. 2018	янв. 2019	янв. 2020
Оказывают помощь людям, попавшим в трудные ситуации (отдельным категориям граждан)	55,8	52,4	68,0	27,7	26,3
Волонтерство	-	-	1,0	2,1	16,9
Помощь бездомным животным	1,8	3,2	4,1	10,6	12,7
Поднимают острые вопросы. Помощь в их решении	2,5	2,4	4,1	6,4	9,3
Борьба с коррупцией	-	-	-	2,1	8,5
Защита интересов отдельных групп граждан, общества в целом	-	7,3	-	8,5	5,9
Делают благое дело	-	-	2,1	2,1	5,1
Помогают решать вопросы благоустройства				2,1	5,1
Участвуют в «построении» гражданского общества. Налаживают гражданский диалог (отношения). Объединяют, поддерживают людей	6,1	1,6	2,0	8,5	3,4
Дают возможность людям «проявить себя»	1,2	4,8	1,0	-	2,5
Благотворительность	0,6	4,0	5,2	2,1	2,5
Делают мир/страну лучше	0,6	-	1,0	-	1,7
Влияют на решения органов власти					1,7
Организация досуга молодежи, проведение досуговых мероприятий	3,1	3,2	1,0	4,3	0,8
Оказывают информационно-правовую поддержку граждан	3,1	3,2	-	4,3	0,8
Контроль	-	2,4	1,0	-	0,8
Занимаются (выполняют) реальными (нужные) делами	11,7	9,7	1,0	2,1	-
Решают ряд вопросов социальной сферы	3,1	4,8	-	-	-
Другое	5,5	6,5	8,2	17,0	0,0

Исследование демонстрирует постепенный рост доверия благотворительным организациям. Рост данного показателя за год составил 4,3 % (табл. 3).

Менее всего склонны доверять благотворительным организациям представители возрастной группы 50–59 лет, люди с незавершенным средним и средним образованием,

а также жители малых городов Ярославской области.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Ярославской области наблюдается развитие нормативно-правовых основ благотворительной деятельности, повышается уровень доверия благотворительным организациям, увеличивается их численность.

Таблица 3

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Доверяете ли Вы благотворительным организациям!»**

Ответы	Распределение ответов, %	
	янв. 2019	янв. 2020
Доверяет полностью	5,4	6,2
Скорее доверяет, чем нет	31,8	35,3
Скорее не доверяет, чем доверяет	13,7	23,6
Не доверяет	29,0	9,3
Затрудняется ответить	20,1	25,6

При этом следует отметить достаточно низкую вовлеченность жителей региона в благотворительную деятельность. Во многом это связано с отсутствием свободных денежных

средств, которые они могут направить на помощь нуждающимся, а также низкой информированностью об эффективных технологиях благотворительности и участия в ней.

Ссылки

1. Соколов А. В., Власова А. А. Благотворительность в системе гражданской активности россиян // Власть. 2014. № 12. С. 56–61.
2. Tarusina N., Isaeva E. Equalization of Legal Status with Respect to Gender // Russian Law Journal. 2016. Т. 4, № 3. С. 74–93.
3. Исаева Е. А., Соколов А. В., Тарусина Н. Н. О тенденциях гражданской активности: благодаря и вопреки праву // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 59–64.
4. Головин Ю. А., Барский Я. В. Гражданская активность в Ярославской области: специфика и закономерности // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Т. 4, № 3. С. 141–148.
5. Исаева Е. А., Соколов А. В. Механизмы развития и популяризации института благотворительности на территории субъектов Российской Федерации // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 52–55.
6. Мерсиянова И. В., Корнеева И. Е. Влияние доверия на участие россиян в благотворительности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 145–159.

On the issue of the influence of the formation of the upper house of parliament on its role in the parliamentary procedures

A. S. Koshel¹

¹Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

For Russia, in the context of the adoption of the Law on Amendment to the Constitution of 2020, which increased the presidential quota in the Federation Council, the issues of studying the formation of the upper house and its influence on parliamentary procedures are more relevant than ever. The article discusses the concept and role of the second chamber in Russia and the world, the types and classification of the second (upper) chambers. Particular attention is paid to the issues of the formation of the second chamber in various countries of the world, and the influence of various methods of formation on the legitimacy of the second chamber, its powers in parliamentary procedures.

Keywords: bicameralism; bicameral parliament; upper chamber; parliamentary procedures; legislative process; Council of Federation.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Koshel Alexey S. | E-mail: koshel.as@dvfu.ru
Cand. Sc. (Politics), Associate Professor

К вопросу о влиянии порядка формирования верхней палаты парламента на ее роль в парламентских процедурах

А. С. Кошель¹

¹Дальневосточный Федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

УДК 342.53

Научная статья

Для России, в условиях принятия Закона о поправке к Конституции 2020 года, увеличившей президентскую квоту в Совете Федерации, вопросы исследования порядка формирования верхней палаты и влияния ее на парламентские процедуры как никогда актуальны. В статье рассматриваются понятие и роль второй палаты в России и мире, виды и классификация вторых (верхних) палат. Особое внимание уделено вопросам порядка формирования второй палаты в различных странах мира и влияния различных способов формирования на легитимность второй палаты, ее полномочия в парламентских процедурах.

Ключевые слова: бикамерализм; двухпалатный парламент; верхняя палата; парламентские процедуры; законодательный процесс; Совет Федерации

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кошель Алексей Сергеевич | E-mail: koshel.as@dvfu.ru
Кандидат политических наук, доцент

Разделение властей – неотъемлемый принцип любого современного демократического государства, иными словами, демократический стандарт современного общества. Независимая и сильная представительная власть – фундамент современного здорового общества, гарант политической стабильности, основа процветания нации. Независимость представительной власти, как правило, почему-то рассматривается только применительно к нижней палате, в то время как в отношении верхней палаты допускается любой способ формирования. В данной статье мы предприняли попытку показать, что порядок формирования верхней палаты парламента влияет напрямую на легитимность и объем полномочий верхней палаты парламента.

Существуют различные мировые практики формирования верхних палат парламента: в одних случаях – это наследуемые и (или) пожизненные титулы пэров (Великобритания

или Канада соответственно); в других – исключительно выборные органы (США, Бразилия, Аргентина, Австралийский Союз, Польша, ЮАР, Япония, Индонезия, Марокко, Франция¹); в третьих – путем направления представителей от законодательных и исполнительных органов власти субъектов Федерации (ФРГ); в четвертых – часть избирается всенародно, часть представляют региональные органы власти (Испания); в пятых – часть избирается всенародно, но президент назначает часть пожизненных сенаторов (Италия); в шестых – часть представляют региональные органы власти, а президент назначает часть пожизненных сенаторов или сенаторов от всей республики (Индия, Казахстан, Россия).

¹ Во Франции Сенат избирается непрямыми выборами. В коллегии выборщиков участвуют региональные и департаментские советы, местные советы и депутаты Национального Собрания.

Бикамерализм, по мнению ряда ученых, может представлять собой особую форму парламентаризма и даже особую форму правления. С. Бах и С. Гангоф утверждают, что в ряде стран (Австралия, Япония) существует гибридная форма правления, отличная от чисто парламентского типа [1, р. 329; 2]. Указанные авторы отмечают особую роль двухпалатного парламента в Японии и Австралии в связи с наличием трех условий. Во-первых, в этих странах обе палаты избираемы, т. е. обладают одинаковой легитимностью. Во-вторых, обе палаты обладают абсолютным правом «вето» в отношении всего нефинансового законодательства. Два первых условия, по утверждению С. Гангофа, формируют «двойной» законодательный орган по аналогии с «двойным» исполнительным органом в полупрезидентской модели правления. Третье неперемное условие – одна палата влияет на формирование и отставку исполнительной власти, а вторая, соответственно, нет. Однако в связи с наличием у верхней палаты абсолютного права вето, она может блокировать работу правительства, вынуждая его таким образом уйти в отставку, в особенности если речь идет о блокировании законопроектов, направленных на реализацию политики правительства, что произошло в Австралии в 1975 г., в результате чего правительство обратилось к генерал-губернатору с просьбой распустить обе палаты парламента [1, р. 83–86].

Влияние главы государства на формирование верхней палаты парламента в условиях принятия поправки к Конституции России в 2020 году представляет особый интерес. Возможность такого влияния была доказана Бенжаменом Констаном, который отстаивал для Наполеона необходимость выделения главы государства в качестве четвертой ветви власти, указывая, что в государстве должна существовать «нейтральная власть», которая будет выступать арбитром между тремя противоборствующими – законодательной, исполнительной и судебной [3, с. 368]. Б. С. Эбзеев разделяет эту точку зрения, но с некоторыми изъятиями. Он отмечает, что диалектика конституционно-правового статуса Президента РФ заключается в его фактическом «присутствии» во всех ветвях

власти и, находясь как бы над всеми тремя ветвями власти, он олицетворяет их единство [4, с. 17]. Вопрос «оптимального строя» – выбор между парламентской и президентской республикой для России актуален до сих пор. По мнению В. Д. Зорькина, закреплённая в Конституции 1993 года парламентско-президентская, или, скорее, президентско-парламентская, республика близка по своей конституционно-правовой конструкции к Французской Пятой республике. Французская Пятая республика создавалась Де Голлем в момент угрозы гражданской войны, тяжелейшего кризиса Четвёртой республики, которая была по своей модели парламентской, но при этом отсутствовала четкая партийная система. А если нет прочной партийной системы, то правительства меняются чаще чем блюда за новогодним столом [4, с. 14]. И в России сегодня доминирует одна политическая партия, при отсутствии четкой партийной системы, что не позволяет России перейти к парламентско-президентской модели правления. Кроме того, С. Коэн, М. А. Краснов, Н. А. Боброва вообще отмечают усиление власти Президента России с 1993 года путем все большего делегирования ему полномочий. Так, за период правления Б. Н. Ельцина, отмечает М. А. Краснов, Президенту были делегированы 168 полномочий, а всего к текущему моменту законодательство передает Главе государства 449 полномочий, 210 из которых регулятивные [5, с.172].

Вопрос о сенаторах, назначаемых исполнительной властью, представляет интерес и является актуальным как в мировой науке, так и в России. Например, в период третьей республики во Франции существовали так называемые «бессменные сенаторы», численность которых ограничивалась четвертью от общей численности Сената Франции. Бессменные сенаторы появились в соответствии с законом от 24 февраля 1875 года, однако это просуществовало недолго. Конституционным законом от 10 декабря 1884 года возможность избрания бессменных сенаторов была упразднена, оставлено было за уже избранными пожизненными сенаторами право занимать свою должность вплоть до своей смерти. Последний пожизненный сенатор умер в 1918 году. Бессменные сенаторы избирались из числа

членов Национального Собрания Франции. В Итальянской Республике президент вправе назначить пожизненно до пяти членов Сената Италии из числа граждан, имеющих выдающиеся заслуги. Кроме того, бывшие президенты также имеют право получить статус пожизненного сенатора (п. 1, 2 статьи 59 Конституции Италии). В соответствии с законодательством Бельгии совершеннолетние дети Короля (Королевы) Бельгии получают право стать членами Сената [6, с. 154].

На постсоветском пространстве также воспринято право Президента на формирование так называемой «общенациональной» квоты в «верхней» палате бикамерального парламента. В частности, в России не более 30 членов Совета Федерации, представляющих Российскую Федерацию, может быть назначено Президентом России, из числа которых не более 7 пожизненно, также в Совет Федерации пожизненно может входить Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока полномочий или в связи с отставкой [7], в Казахстане – 15 депутатов Сената назначаются Президентом Казахстана, в Беларуси – 8 членов Совета Республики назначаются Президентом Беларуси, в Таджикистане – 8 членов Маджлиси Милли назначаются Президентом Таджикистана, в Узбекистане – 16 членов Сената назначаются Президентом Узбекистана [8]. Однако срок полномочий назначаемых Президентом сенаторов на постсоветском пространстве различен.

По мнению ряда юристов, отмена в 2005 году прямых выборов глав субъектов Российской Федерации привела к необоснованному росту прямого влияния Президента Российской Федерации на формирование половины верхней палаты российского парламента – Совета Федерации [9, с. 227; 10]. Указанная позиция выстраивалась на основе известного постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 1996 года № 2-П [11], признававшего отмену прямых выборов губернатора Алтайского края в пользу назначения Губернатора Законодательным собранием края не конституционным и нарушающим разделение властей с учетом объема компетенции губерна-

тора и действовавшего на тот момент порядка формирования Совета Федерации (в тот период глава субъекта Федерации по должности входил в состав Совета Федерации). В то же время в 2005 году одновременно с отменой губернаторских выборов было введено и другое, менее знаковое по сравнению с отменой самих выборов губернаторов, нововведение. Победившая партия на парламентских выборах в законодательный (представительный) орган субъекта Федерации вносит на рассмотрение Президенту России кандидатуры трех кандидатов, из числа которых Президент будет вносить на рассмотрение законодательного (представительного) органа субъекта Федерации кандидатуру для наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта Федерации. По мнению О. В. Морозова «мало, кто обратил внимание, но такая постановка вопроса не только нивелировала потенциальную недемократичность отмены прямых выборов губернаторов, но и стала одним из вариантов репетиции на региональном уровне парламентского правления» [12, с. 221–225].

После возвращения в 2012 году возможности прямых выборов губернаторов российских регионов большинство регионов приняли решение о внесении изменений в устав региона, предусмотрев всенародное избрание главы региона. Однако уже в 2013 году в законодательство Российской Федерации об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации внесли изменения, предусматривающие уже диспозитивную норму определения порядка наделения полномочий губернаторов регионов. И в конечном итоге в 10 из 85 субъектах Российской Федерации (Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская республика, Карачаево-Черкесская республика, Крым, Северная Осетия, а также Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) сохраняется процедура избрания высшего должностного лица парламентом региона. Вместе с тем с 2012 года внутриполитическим блоком Администрации Президента России в целях сохранения «вертикали исполнительной власти» была предусмотрена процедура отставки губер-

наторов и назначения Главой государства временно-исполняющего обязанности губернатора региона, который в абсолютном большинстве случаев побеждает на очередных выборах. А в тех регионах, где высшее должностное лицо назначается парламентом, кандидатуры кандидатов в парламент региона вносит Президент России. Таким образом, Президент напрямую оказывает влияние на формирование половины корпуса сенаторов, то есть на более чем 80 сенаторов, которых наделяют полномочиями лояльные ему главы регионов.

В 2014 году была внесена поправка к Конституции, которая пересмотрела состав Совета Федерации. В соответствии с ней в составе Совета Федерации, наряду с представителями субъектов Российской Федерации, появились представители Российской Федерации, которые назначаются Президентом и численность которых ограничена десятой частью общей численности представителей субъектов Российской Федерации, то есть таких сенаторов могло быть 17, однако с 2014 по 2020 годы не назначен ни один.

Наряду с этим, в соответствии с Законом о поправке к Конституции 2020 года численность представителей Российской Федерации увеличилась до 30, при этом не более 7 из них могут быть назначены Президентом пожизненно. Кроме этого, поправкой сверх того предоставляется право Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, входить в состав Совета Федерации пожизненно.

От порядка формирования верхней палаты напрямую зависит ее роль в парламентских процедурах. Так, считаем, что можно выделить три основных роли второй палаты бикамерального парламента.

Во-первых, сдерживающая или консервативная роль. Сдерживающий или консервативный характер наиболее показателен на примере Палаты лордов Соединенного королевства. Палата формируется либо полностью по наследственному принципу, либо частично по наследственному принципу, частично по назначению от исполнительной власти (монархом по представлению правительства), частично по должности (духовные и судебные лорды). Отсюда и проявляется

ее консервативная роль в парламентских процедурах.

Во-вторых, обеспечение федеративной модели государственного устройства. Такая роль проявляется в обеспечении равного представительства как крупных субъектов федерации, так и самых маленьких, обеспечивая, таким образом, сдерживание в вопросах принятия законов, имеющих негативные последствия для малых субъектов федерации либо дающих преференции крупным субъектам федерации, ведь крупные субъекты федерации имеют большинство в первой палате, формируемой по принципу избирательных округов с равной численностью избирателей.

В-третьих, координационная роль. Она обеспечивает взаимодействия субъектов федерации (регионов в унитарном государстве) и федерального центра (центральной администрации, соответственно). Для этого используется модель косвенного формирования второй палаты (от органов исполнительной и законодательной власти субъектов федерации), а также может появляться и национальное представительство, обеспечиваемое сенаторами, назначаемыми главой государства или пожизненными сенаторами. Такая модель обеспечивает учет мнений органов государственной власти регионов страны, особенностей регионов при формировании национального законодательства.

Существующая в России двухпалатная система может быть отнесена к относительно эгалитарной модели, что, по определению Д. С. Покровского, означает ограничение полномочий верхней палаты определенными сферами полномочий. Однако в условиях развивающегося парламентаризма в России на необходимость перехода к выборности Совета Федерации населением субъектов Федерации на основе всеобщего, прямого и тайного голосования неоднократно указывают С. А. Авакьян [13], Е. А. Волкова [14], Т. В. Заметина и В. Т. Кабышев [15], Ю. В. Копцева [16], Д. В. Пажетных [17]. С таким подходом нельзя не согласиться. Исключительные полномочия по принятию решения об отрешении Президента, решение вопросов создания совместной комиссии Федерального Собрания по расследованию требуют особой легитимности Совета Федерации, исключаящей избыточное

в условиях выстроенной вертикали власти влияние исполнительной власти на процесс формирования верхней палаты российского парламента. С учетом президентской квоты исполнительная власть может претендовать

сегодня на назначение по меньшей мере 115 из 190 возможных сенаторов².

² Это если не считать президентов Российской Федерации, прекративших исполнение обязанностей в связи с истечением срока полномочий или отставкой, в соответствии с Законом о поправке к Конституции [7].

Ссылки

1. Bach S. *Platypus and Parliament: The Australian Senate in Theory and Practice*. Canberra, 2003. 368 p.
2. Ganghof S. *Bicameralism As a Form of Government (Or: Why Australia and Japan Do Not Have a Parliamentary System)* // *Parliamentary Affairs*. 2014. Vol. 67. Issue 3. P. 647–663.
3. История политических и правовых учений / под ред. О. Э. Лейста. М., Зерцало, 2006. 568 с.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. М.: Норма ; ИНФРА-М, 2011. 1039 с.
5. Боброва Н. А. Законодательные (представительные) органы государственной власти как инструмент гражданского общества // *Вестник СамГУ*. 2012. № 5(96). С. 166–173.
6. Сидоров В. В. Коалиции в парламенте и правительстве Бельгии: конституционный процесс и факторы формирования // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2009. № 1(9). С. 152–157.
7. Закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // *СЗ РФ*. 2020. № 11, ст. 1416.
8. Нечкин А. В. Парламенты стран СНГ: структура, порядок формирования и досрочного сложения полномочий // *Российское право: образование, практика, наука*. 2017. № 4 (100). С. 72–77.
9. Ишеков К. А. Особенности конституционного принципа разделения властей в субъектах Российской Федерации // *Централизм, демократия, децентрализация в современном государстве: конституционно-правовые вопросы: материалы международной конференции*. М., 2006. С. 226–229.
10. Мамаева Я. Ю. Еще раз о выборах глав субъектов Российской Федерации // *Российское право: образование, практика, наука*. 2015. № 2 (86). С. 25–30.
11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 1996 г. № 2-П по делу о проверке конституционности ряда положений Устава (основного закона) Алтайского края // *СЗ РФ*. 1996. № 4, ст. 409.
12. Морозов О. В. *Дума: Россия, которую мы выбираем*. М., 2007. 389 с.
13. Авакьян С. А. Совет Федерации: четверть века проблем формирования палаты // *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*. 2020. № 1. С. 6–13.
14. Волкова Е. А. Изменение регламентов палат российского парламента // *Конституционное и муниципальное право*. 2010. № 5. С. 63–69.
15. Кабышев В. Т., Заметина Т. В. Совет Федерации: модернизация или консервация (размышления) // *Конституционное и муниципальное право*. 2012. № 3. С. 32–35.
16. Копцева Ю. В. Двухпалатный парламент в отечественной и зарубежной практике: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 28 с.
17. Пажетных Д. В. Конституционно-правовой статус членов Совета Федерации Федерального Собрания России и верхних палат парламентав Германии и Франции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 24 с.

The feature “use of one’s official position” as the way of differentiating criminal liability for economic crimes

A. D. Shkunov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article analyzes topical questions of differentiation of criminal responsibility for crimes in the sphere of economic activity with the help of the sign “use of one’s official position”. Some characteristics of the main categories of differentiation of responsibility are given. As the subject of research, we took the feature “use of one’s official position”. There was conducted the research for how the feature “use of one’s official position” is used by the legislator in differentiating of criminal responsibility. The author expresses critical views on the differentiation of criminal responsibility by means of the feature “use of one’s official position”. At the end of the article, conclusions are made.

Keywords: differentiation of criminal responsibility; use of one’s official position; an official; differentiating feature; qualified corpus delicti; classification; chapter 22 of the Criminal Code

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Shkunov Artem D. | E-mail: a.shkunov@dshp.ru
| Postgraduate student

Признак «использование лицом своего служебного положения» как средство дифференциации уголовной ответственности за экономические преступления

А. Д. Шкунов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 343.3/7

Научная статья

В статье анализируются актуальные вопросы дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности с помощью признака «использование лицом своего служебного положения». Даются характеристики основных категорий дифференциации ответственности. Проведено исследование на предмет того, насколько оптимально признак «использование лицом своего служебного положения» используется законодателем при градации уголовной ответственности. Автором высказываются критические взгляды на проведенную дифференциацию уголовной ответственности при помощи указанного признака, предлагаются пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: дифференциация уголовной ответственности; использование своего служебного положения; должностное лицо; дифференцирующий признак; квалифицированный состав преступления; классификация; глава 22 УК

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шкунов Артём Дмитриевич | E-mail: a.shkunov@dshp.ru
Аспирант

Вопросы дифференциации ответственности всегда интересовали и интересуют юридическую науку. Однако, к сожалению, расширение законодательства и его постоянное изменение чаще всего приводят только к появлению новых вопросов при отсутствии разрешения старых. Актуальность исследования также объясняется тем, что не все вопросы по дифференциации ответственности находят единое понимание и удачно разрешены в уголовном законодательстве. В настоящей статье мы попробуем проанализировать некоторые аспекты того, как признак «использование лицом своего служебного положения» влияет на дифференциацию ответственности за экономические преступления.

Представители ярославской школы уголовного права под дифференциацией уголовной ответственности в самом общем виде представляют собой разделение законодателем уголовной

ответственности на формы и установление объема каждой из этих форм на основании указанных в уголовном законе обстоятельств [1, с. 77].

А. С. Грибов, рассматривавший проблематику преступлений в сфере экономической деятельности, констатировал, что в основном квалифицирующие и привилегирующие признаки, а также обстоятельства, влекущие специальное освобождение от уголовной ответственности, образуют основу дифференциации уголовной ответственности за экономические преступления в действующем уголовном кодексе РФ [2, с. 65]. С данным выводом автора сложно поспорить. Действительно, применительно к гл. 22 УК законодатель в большинстве своем использует именно указанные средства дифференциации уголовной ответственности.

Под привилегирующими признаками состава преступления понимаются признаки престу-

пления, предусмотренные в нормах Особенной части Уголовного кодекса, выражающие уменьшенную степень общественной опасности содеянного. Под квалифицирующими признаками состава преступления понимаются признаки преступления, предусмотренные в нормах Особенной части Уголовного кодекса, выражающие увеличенную степень общественной опасности содеянного. В зависимости от того, содержит состав преступления привилегиирующие либо квалифицирующие признаки, выделяют привилегированный и квалифицированный состав преступления. В этой связи в литературе введено такое понятие, как дифференцирующие уголовную ответственность признаки [3, с. 207].

Значение дифференцирующих признаков для уголовной ответственности проявляется в том, что дифференциация уголовной ответственности: во-первых, служит гарантом реализации общеправового принципа справедливости; во-вторых, позволяет обеспечить права как потерпевших, так и привлекаемых к уголовной ответственности лиц; в-третьих, лежит в основе систематизации текста уголовного закона; в-четвертых, создает необходимые основания и ориентиры для эффективной правоприменительной деятельности и т. п. [3, с. 69].

Рассмотрим процесс дифференциации уголовной ответственности за экономические преступления с помощью указанного признака. Для начала необходимо определиться, что понимается под словосочетанием «с использованием своего служебного положения». Следует отметить, что законодательство не знает дефиниции рассматриваемой категории. Также в полной мере не раскрывается содержание понятия и судебной практикой. Это означает, что определение признаков и понятия категории осуществляется на доктринальном уровне. В связи с тем, что такой важный вопрос отдан «на откуп» юридической науке, это приводит к различным точкам зрения и подходам.

Проанализировав один из комментариев к УК, хотелось бы отметить следующий вариант ответа на поставленный вопрос: под использованием лицом своего служебного положения применительно к ст. 159 УК понимаются «действия лица в пределах своих служебных полномочий»; при рассмотрении же ч. 2 ст. 174.1 УК указывается, что таким лицом наряду с должностным лицом, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой

или иной организации, является государственный служащий или служащий органов местного самоуправления, не относящийся к числу должностных лиц [4]. Важно добавить также, что при рассмотрении исследуемого признака имеют значение два главных аспекта: во-первых, это наличие специального субъекта; во-вторых, факт использования лицом своего служебного положения.

Исходя из анализа вышеупомянутых точек зрения научных деятелей и разъяснений, данных высшей судебной инстанцией страны, а также основываясь на ныне действующем законодательстве, под лицами, использующими свое служебное положение, есть основания, на наш взгляд, понимать три группы субъектов преступлений. К первой группе относятся субъекты преступлений против интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, так называемые должностные лица, определение и перечень которых закреплен в примечании 1 к ст. 285 УК. Вторую группу составляют лица, указанные в примечании 2 к ст. 285 УК и примечании 3 к ст. 318 УК. К третьей группе относятся лица, указанные в примечании 1 к ст. 201 УК.

Перейдем непосредственно к анализу использования законодателем рассматриваемого дифференцирующего признака при градации ответственности за общественно опасные деяния в гл. 22 УК. Данный признак встречается в гл. 22 УК 9 раз, а это 4-е место по частоте использования среди всех дифференцирующих признаков, которые содержатся в нормах гл. 22 УК. При этом в разных нормах несколько различается форма его выражения: 1) «лицом с использованием своего служебного положения» (ч. 3 ст. 171.2; п. «а» ч. 2 ст. 173.1; п. «б» ч. 3 ст. 174; п. «б» ч. 3 ст. 174.1; ч. 3 ст. 175; п. «а» ч. 2 ст. 178; ч. 3 ст. 191.1 УК); 2) «должностным лицом с использованием своего служебного положения» (п. «а» ч. 3 ст. 194; п. «б» ч. 2 ст. 200.2 УК).

Интерес представляет соотношение упомянутых выше категорий. Исходя из проведенного нами анализа действующего законодательства, правомерным, на наш взгляд, будет следующий вывод: понятие «должностное лицо с использованием своего служебного положения» уже по содержанию, чем «лицо с использованием своего служебного положения». Следуя логике законодателя по разграничению данных понятий, также охарактеризуем их отдельно.

Впервые рассматриваемый признак встречается в ч. 3 ст. 171.2 УК. Дифференцирующий признак указан альтернативно с признаками «организованная группа» и «сопряженность с извлечением дохода в особо крупном размере». Это означает, что, по мнению законодателя, эти признаки обладают одинаково повышенной степенью общественной опасности. С помощью данного признака образован особо квалифицированный состав преступления. Преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 171.2 УК, является тяжким преступлением, основной состав преступления относится к категории небольшой тяжести. Само преступление было закреплено в УК 03.01.2015 года. Норма впоследствии подвергалась редакции. В первоначальной редакции признак «лицом с использованием своего служебного положения» был изложен в п. «в» ч. 3, что, по нашему мнению, является более удобным способом изложения нормативного материала, нежели простое перечисление с союзом «или».

Следующее преступление, где содержится рассматриваемый признак, закреплено в ст. 173.1 УК. Статья введена в УК 19.12.2011 года. Дифференцирующий признак содержится в п. «а» ч. 2 и «соседствует» с признаком «группы лиц по предварительному сговору», образуя квалифицированный состав преступления. Деяние, предусмотренное п. «а» ч. 2 ст. 173.1 УК, является преступлением средней тяжести (основной состав является преступлением небольшой тяжести).

Преступление, предусмотренное ст. 174 УК, также предусматривает в качестве квалифицирующего признака признак «лицом с использованием своего служебного положения». Рассматриваемый признак предусмотрен в п. «б» ч. 3 наравне с признаком группы лиц по предварительному сговору и образует особо квалифицированный состав преступления. Преступление с дифференцированным составом относится к категории средней тяжести.

Преступление, предусмотренное ст. 174.1 УК, так же, как и в ст. 174 УК, предусматривает в качестве особо квалифицирующего признака состава преступления признак совершения деяния «лицом с использованием своего служебного положения». Располагается признак в п. «б» ч. 3 наравне с признаком группы лиц по предварительному сговору. Преступление относится к категории средней тяжести.

Следующим преступлением, где предусмотрен признак «лицом с использованием своего служебного положения», является преступление, отраженное в ст. 175 УК. Признак «лицом с использованием своего служебного положения» указан альтернативно с признаком «организованная группа». С помощью данного признака образован особо квалифицированный состав преступления. Преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 175 УК, является тяжким преступлением, основной состав является преступлением небольшой тяжести.

Статья 178 УК в п. «а» ч. 2 предусматривает рассматриваемый нами признак в качестве квалифицирующего. Помимо этого, ч. 2 предусматривает следующие квалифицирующие признаки: сопряженные с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения, при отсутствии признаков вымогательства; причинившие особо крупный ущерб либо повлекшие извлечение дохода в особо крупном размере. Преступление, предусмотренное ч. 2, относится к числу тяжких преступлений, основной состав при этом является преступлением небольшой тяжести.

Последней статьей, где предусматривается рассматриваемый дифференцирующий признак, является ст. 191.1 УК. Рассматриваемый признак закреплен в ее ч. 3. По ч. 3 также наказуемо деяние, совершенное в особо крупном размере или организованной группой. Особо квалифицированный состав относится к преступлению средней тяжести (основной состав – преступление небольшой тяжести).

Вышеизложенное позволяет сделать следующие основные выводы:

1. С момента принятия действующего УК только два состава содержали искомый дифференцирующий признак (п. «б» ч. 3 ст. 174, ч. 3 ст. 175);
2. Дважды признак используется в качестве квалифицирующего, пять раз в качестве особо квалифицирующего;
3. Четыре деяния с рассматриваемым признаком являются преступлениями средней тяжести, три деяния – тяжкими преступлениями;
4. За исключением одного преступления (ст. 178 УК), рассматриваемый дифференцирующий признак альтернативно содержится по три раза с такими признаками, как «группой лиц по предварительному сговору» и «организованной группой».

Кроме того, процесс дифференциации ответственности должен подчиняться единым правилам. Если мы хотим произвести качественную дифференциацию уголовной ответственности, то необходимо в первую очередь осуществлять её одинаково, по единым правилам. Поэтому вкратце отметим эти правила. Данные признаки: «1) должны отражать существенный перепад в уровне общественной опасности по сравнению с основным составом; 2) быть типичными для вида преступления; 3) ехарактерными для большинства деяний, описанных в основном составе; 4) их влияние должно быть безусловным и 5) строго направленным; 6) они должны иметь связь с временными рамками преступления» [5, с. 45–49].

На наш взгляд, главной системообразующей проблемой является неопределенность законодателя в характере и степени общественной опасности признака «лицом с использованием своего служебного положения». Нетрудно прийти к выводу, что должно быть одинаковое дифференцирующее значение у одноименных признаков. А. С. Грибов считает, что с целью обеспечения системности рекомендуется последовательное применение «блокового» принципа изложения квалифицирующих обстоятельств как по горизонтали (в пределах одной части статьи), так и по вертикали (при переходе от квалифицирующих к особо квалифицирующим признакам). В частности, типовой для гл. 22 УК могла бы стать следующая связка признаков: группа лиц по предварительному сговору, (особо) крупный размер (ч. 2) и организованная группа, использование лицом своего служебного положения (ч. 3) [2, с. 11].

Необходимо на начальном этапе определиться с альтернативным признаком в рамках части статьи: группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой. Как ранее было сказано, признак «организованная группа» встречается в следующих нормах УК: ч. 3 ст. 171.2. (тяжкое преступление), ч. 3 ст. 175 (тяжкое преступление), ч. 3 ст. 191.1 (преступление средней тяжести). Признак «группой лиц по предварительному сговору» встречается в следующих нормах УК: п. «а» ч. 2 ст. 173.1 (преступление средней тяжести), п. «б» ч. 3 ст. 174 (преступление средней тяжести), п. «б» ч. 3 ст. 174.1 (преступление средней тяжести). Логически получается, что данным признакам совершения преступления в некоторых

случаях придается одинаковое значение, так как в некоторых случаях у них один общий признак совершения преступления (лицом с использованием своего служебного положения). В то же время общественная опасность группы лиц с предварительным сговором и организованной группы несопоставима, совершение преступления организованной группой должно влечь более строгое наказание. Иное, по мнению Н. А. Лопашенко, ведет к нивелированию уголовной ответственности [6, с. 36]. Не должно вызывать сомнений, что совершение преступления организованной группой обладает повышенной общественной опасностью, нежели совершение преступления группой лиц по предварительному сговору.

Следует отметить, что во всех преступлениях, где признак «лицом с использованием своего служебного положения» указан вместе с признаком «организованной группы», в предыдущей части имеется указание на признак группы лиц по предварительному сговору. На основании изложенного, по нашему мнению, такие квалифицирующие признаки, как «лицом с использованием своего служебного положения» и «группой лиц по предварительному сговору», должны находиться в рамках одной части. Поэтому необходим перевод признака из ч. 3 ст. 171.2 в ч. 2; ч. 3 ст. 175 в ч. 2; ч. 3 ст. 191.1 в ч. 2 соответственно.

Следующим моментом, с которым необходимо определиться, – это категория преступления. Согласно анализу норм гл. 22 УК, в четырех случаях, где содержится рассматриваемый нами дифференцирующий признак, деяния являются преступлениями средней тяжести. Плюс с учётом нашего предложения, которое указано выше (о переводе признака в часть вторую), добавятся еще два преступления средней тяжести (ст. 171.2 и ст. 175 УК). Остается только п. «а» ч. 2 ст. 178 УК, содержащий преступление, которое относится к категории тяжких. Рассматривая дифференциацию уголовной ответственности в ст. 178 УК наблюдается нарушение другого правила дифференциации. Часть первая – преступление небольшой тяжести, часть вторая – тяжкое преступление, часть третья – тяжкое преступление. Получается, что квалифицированный и особо квалифицированный составы относятся к одной и той же категории преступления. Также получается, что перепад общественной опасности настолько велик, что, добавив рассматриваемый дифференцирующий

признак к основному составу, преступление сразу с небольшой тяжести трансформируется в тяжкое. На наш взгляд, законодатель непоследователен в этой части: недопустимо делать «скачок» при дифференциации уголовной ответственности, пропуская одну из категорий преступления. Полагаем, что часть 2 должна содержать только признак «лицом с использованием своего служебного положения» и влечь наказание в виде лишения свободы сроком до 5 лет.

Таким образом, при дифференциации уголовной ответственности признак «лицом с использованием своего служебного положения» должен образовывать преступление средней тяжести. Стоит добавить, что наши предложения и выводы касаются исключительно норм гл. 22 УК. Допускаем, что при описании преступлений с иным родовым объектом (в иных главах УК) признаку «лицом с использованием своего служебного положения» может придаваться иное значение. В данном случае мы остановились на дифференциации уголовной ответственности с помощью рассматриваемого признака исключительно действующего законодательства. Не менее интересным вопросом являются проблемы дальнейшей дифференциации уголовной ответственности с помощью такого признака в иных нормах гл. 22 УК, однако в рамках настоящего исследования касаться этой проблемы мы не будем.

Теперь рассмотрим признак «должностное лицо с использованием своего служебного положения». Первой статьей, в которой указан рассматриваемый признак преступления, является ст. 194 УК. Признак «должностное лицо с использованием своего служебного положения» указывается в качестве особо квалифицирующего в ч. 3 альтернативно с признаком

«с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль». Преступление, предусмотренное ч. 3, является тяжким по категории преступления, введено в УК в декабре 2011 года.

Второй статьей с дифференцирующим признаком преступления является ст. 200.2 УК. Признак «должностное лицо с использованием своего служебного положения» указывается в качестве квалифицирующего в ч. 2 альтернативно с признаком «группой лиц по предварительному сговору». Преступление было введено в Кодекс 11.01.2015 года. Преступление относится к категории средней тяжести.

Пусть и при столь небогатой выборке, но все же можно выделить основные черты данного дифференцирующего признака. Во-первых, законодатель стал использовать данный признак в дифференциации уголовной ответственности в гл. 22 УК относительно недавно, впервые в 2011 году, потом в 2015.. Во-вторых, включение в состав данного квалифицирующего признака существенным образом повышает уровень общественной опасности. В-третьих, исходя из этого, часть деяний, совершенных должностным лицом, квалифицируются по гл. 30 УК. Насыщение таким признаком, как совершение преступления «должностным лицом с использованием своего служебного положения» норм гл. 22 УК, должно носить исключительный характер и учитываться при дифференциации отдельно взятого преступного поведения.

Подводя итог проведенному исследованию, хотим обратить внимание, что в нормах гл. 22 УК остается еще немало резервов для оптимизации дифференциации уголовной ответственности при помощи признака «использование лицом своего служебного положения».

Ссылки

1. Соловьев О. Г., Самойлов А. С. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Уголовное право. 2006. № 5. С. 75–76.
2. Грибов А. С. Дифференциация ответственности за экономические преступления в уголовном праве России, ФРГ и США: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2011. 225 с.
3. Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 596 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. 2007 // СПС «Консультант плюс».
5. Кругликов Л. Л., Дулатбеков Н. О. Экономические преступления (вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания). Ярославль, 2001. 145 с.
6. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1997. 36 с.

Personality phenomenon and noumenon

A. V. Karpov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Scientific paper
Full text in Russian

The article presents the results of a theoretical and methodological analysis of the concept of personality, carried out on the basis of the fundamental philosophical category of quality. Some aspects of the relationship between phenomenal and noumenal modes in relation to the concept of personality, which have not been described so far, are revealed and interpreted. The directions of synthesis of two main approaches to the study of personality in psychology – epistemological and ontological – are outlined.

Keywords: personality; phenomenon; noumenon; individual qualities; qualities; ontological approach; epistemological approach

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karpov Anatoly V.	E-mail: anvikar56@yandex.ru
	ORCID 0000-0003-4547-2848
	Corresponding member of the RAO, Doctor Sc. (Psychology), Professor

Funding: RFBR, Project No 19-013-00113.

Феномен и ноумен личности

А. В. Карпов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 159.9

Научная статья

Представлены результаты теоретико-методологического анализа понятия личности, осуществленного на основе фундаментальной философской категории качества. Раскрыты и проинтерпретированы некоторые не описанные до настоящего времени аспекты соотношения феноменального и ноуменального модусов по отношению к понятию личности. Намечены направления синтеза двух основных подходов к исследованию личности в психологии – гносеологического и онтологического.

Ключевые слова: личность; феномен; ноумен; индивидуальные качества; качества; онтологический подход; гносеологический подход

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпов Анатолий Викторович | E-mail: anvikar56@yandex.ru
ORCID 0000-0003-4547-2848
Член-корреспондент РАО, доктор психологических наук,
профессор

Финансирование: РФФИ, проект №19-013-00113.

I

Особое и во многом определяющее центральное место в структуре фундаментальной проблемы личности занимает, как известно, понятие *индивидуальных качеств*. Оно является также одним из наиболее традиционных и общепринятых в психологии в целом, широко используясь в ряде направлений и отраслей психологического знания, а также при разработке многих проблем различного характера и уровня обобщенности. Одновременно и та психическая реальность, которая зафиксирована в нем, также представляется достаточно ясной и в то же время очень общей по своему содержанию. Действительно, в своем наиболее общем смысле, оно, равно как и близкие ему понятия, такие, например, как понятия личностных качеств, свойств индивидуальности, психических качеств и пр., обозначает один из важнейших классов фак-

торов, входящих в общую категорию субъектных детерминант деятельности и поведения. Кстати говоря, именно данным обстоятельством определяется и их фундаментальная прикладная значимость. Они являются важнейшими и определяющими факторами, которые решающим критически значимым образом влияют и на процессуальные характеристики, и на результативные параметры деятельности (и профессиональной, и учебной, равно, впрочем, как и на все иные проявления активности личности). Они фактически составляют содержание того, что в свое время имел в виду С.Л. Рубинштейн в своей известной формулировке принципа детерминизма, согласно которой «внешние причины действуют через совокупность внутренних условий» [1]. Вполне закономерно поэтому, что индивидуальные качества являются предметом пристального внимания и большого числа

© Карпов А. В., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY-NC-ND (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>)

конкретных исследований в русле прикладной психологии.

Вместе с тем данное понятие фиксирует и важнейшую грань содержания психики в целом, взятого в ее многообразных проявлениях. Дело в том, что в самом понятии «качества» воплощается не просто та или иная, то есть рядовая, сторона какой-либо сущности, а именно *главное* и определяющее, что в ней есть. Как известно, именно это обстоятельство входит в само философское определение категории «качество»: «качество – это то, благодаря чему нечто является тем, что оно есть»; «качество есть тождественная со своей сущностью определенность» [2, 3]. Тем самым в нем, равно как и в совокупности его многообразных конкретизаций – индивидуальных качеств, фактически эксплицируется сама качественная определенность психики – ее «самость», ее сущность, а потому в известной степени и сама ее онтология. Качества во многом и конституируют внутренний мир личности, образуют его содержание и обуславливают его гетерогенность и многоплановость. В этом плане очень показателен ход мысли, осуществленный в свое время А. Н. Леонтьевым в его полемике с С. Л. Рубинштейном относительно природы детерминации психического: не «внешнее через внутреннее», а «внутреннее через внешнее» [4]. Этим он, как известно, пытался акцентировать внимание на самодетерминированности психического, на наличии у него аутохтонных факторов своего бытия и собственного функционирования, а также на его самодостаточности и имманентно присущей ему активности. Однако все это как раз и фиксирует уже не преимущественно прикладной смысл данного понятия (в качестве детерминант результативной стороны деятельности и поведения), а его собственно теоретический смысл – того, в чем и эксплицируется качественная определенность внутреннего мира личности, а значит, и содержание психики как таковое.

II

Вместе с тем сквозь «призму» данного понятия, на наш взгляд, могут быть эксплицированы некоторые дополнительные и так-

же очень существенные особенности фундаментального психологического понятия *личности*, взятого в его собственно *гносеологическом* измерении. Так, в свете отмеченных выше обстоятельств вполне очевидно, что именно понятие качеств личности действительно является тем базовым конструктом, который наиболее полно и точно фиксирует и раскрывает содержание само личности, взятой в «главном», что ее и образует – в ее содержании, в ее качественной определенности. Качества личности – это и есть то, на основе чего конституируется само это содержание; из чего оно складывается, формируется и развивается. Тем самым качество эксплицируется уже не только как основания «единица» познания (как научного, так и житейского) [5, 6] и сознания [7], но и как основная «единица» *личностной организации*. Она обнаруживает свой статус базового компонента внутреннего мира личности, выступая одновременно как результат интернализации содержательных аспектов социума и генезиса самого индивида. Совокупность качеств личности образует огромный по объему и беспрецедентный по значимости «пласт» субъективной реальности. Внутреннее содержание личности – ее качественная определенность, по-видимому, не только проявляется в ее основных качествах и в этом плане образована ими, но и не может проявляться ни в чем ином, кроме них. В этом плане сама личность, точнее, ее внутренний мир, репрезентированный как ей самой, так и другим, не просто дан в качествах – он ни в чем ином и не может быть дан. И в этом смысле личность не просто состоит из качеств; она состоит только из них, а их совокупность – это и есть исчерпывающее множество тех «единиц», которые ее и раскрывают.

В этом отношении не только вполне закономерно, но и очень естественно и даже необходимо, что данное понятие – это и есть *основной конструкт* всей психологии личности, а сама психология личности (и родственные с ней направления психологии – дифференциальная психология, психодиагностика и др.) – это и есть дисциплина, изучающая в основном именно личностные *качества*.

Содержание личности и совокупность ее качеств во многом являются просто тождественными понятиями и по своему объему, и по предметной сфере. В этом, кстати говоря, проявляется – правда, на существенно более обобщенном уровне анализа – и известная диалектика феноменального и ноуменального в познании – в данном случае личности (а также в самопознании ею самой себя); поясним сказанное. Как известно, смысл этих соотношений и в целом диалектики феноменального и ноуменального впервые получили очень глубокое раскрытие во взглядах И. Канта [8]. Он дифференцировал не зависящий от субъекта мир – мир «вещей в себе» и мир феноменов, явлений – мир чувственных предметов, мыслимых рассудком. Для теоретического познания мир вещей в себе закрыт. Это – мир как он есть сам по себе (то есть вне формирующей деятельности разума). Напротив, мир, как он дан в явлении, открыт опыту. Любой предмет познания раздваивается на явление и вещь в себе (феномен и ноумен). Совокупность явлений составляет чувственно воспринимаемый мир, а совокупность вещей в себе – мир, не воспринимаемый органами чувств. Каждый из этих миров не только дан нашему сознанию неодинаковым способом, но и имеет разное познавательное значение. Мир вещей в себе недоступен для опытного познания, что и зафиксировано в известной дихотомии феноменального и ноуменального, а также принципиальной недостаточности первой для проникновения во вторую.

Однако нетрудно видеть, что аналогичные вопросы и трудности возникают, причем с еще большей остротой, и по отношению к познанию личности (и ее самопознанию). Действительно, выше мы уже отмечали, что любой вопрос относительно содержания и специфики личности – вопрос о том, что характерно для нее, – практически всегда предполагает возможность ответа на него только в терминах, фиксирующих те или иные ее личностные качества, те или иные феноменальные проявления. Ответить на вопрос о том, чем является конкретная личность, что образует ее содержание, в чем ее главные сущностные черты и др., можно лишь в терми-

нах качеств личности. Раскрыть содержание личности (так сказать, «из чего она состоит») можно только через указание на то, в чем она проявляется, эксплицируется – в терминах, фиксирующих ее качества. Она как носитель качеств допускает возможность раскрытия не в терминах самого носителя, а в терминах его *проявлений*. При этом данная особенность выражена настолько – она настолько естественна и труднопреодолима, – что последние, т. е. термины *качеств* носителя, фактически заменяют и вытесняют термины *носителя* качеств. В этом плане раскрыть содержание и специфику личности вообще означает раскрытие ее качеств. Сами же качества, таким образом, *онтологизируются* и выступают уже не как качества носителя, а как содержание самого носителя.

Данное обстоятельство во многом просто блокирует доступ к самому *ноуменальному* – к раскрытию содержания носителя. И если вопрос о непроницаемости ноумена по отношению к объектам реальности, то есть к неодушевленным сущностям, поставлен четко и определенно, то по отношению к субъектам, к личности как принципиально иному предмету научного познания он фактически не только раскрыт, но даже и не сформулирован. Личность в еще большей степени «закрыта» для проникновения через ее феноменальные проявления (качества) в ее ноуменальное содержание (в то, чем она на самом деле и является). Причем дело здесь не только в традиционных трудностях «расшифровки» ноуменального по феноменальным проявлениям, но и в том, что само ноуменальное *заменяется* феноменальным и отождествляется с ним. В основе этого как раз и лежит то, что сами качества личности из своего феноменального статуса фактически трансформируются в ноуменальный.

III

Наряду с этим, существует еще одно принципиальное обстоятельство, которое в очень значительной степени осложняет реальные соотношения феноменального и ноуменального модусов личностной организации. Оно состоит в том, что мера и даже характер

проявления практических всех личностных качеств являются субъектно регулируемы, а основным средством такой регуляции выступают механизмы рефлексивного контроля [9]. На наш взгляд, именно рефлексия как процесс и рефлексивность как свойство во многом и определяют – задают тот или иной режим, в котором личность считает целесообразным и возможным (или необходимым) задействовать те или иные индивидуальные качества. При этом рефлексия играет определяющую роль не только в плане оценки объективной ситуации (ее значимости, последствий и пр.), но и в плане оценки собственно личностных детерминант (то есть всей системы субъектных факторов). Мотивационные, эмоциональные, а в целом личностные детерминанты действуют на выбор того или иного режима не прямо и автоматически, а опосредствованно, точнее, рефлексивно-опосредствованно. Тем самым рефлексивность раскрывается и как своего рода «качество по контролю за качествами», поскольку она может регулировать актуальную меру их проявления. Рефлексивность эксплицируется и как своеобразное мета-качество. Эмпирическими референтами такого влияния выступают общепсихологические феномены произвольной фасилитации и ингибции того или иного свойства, явления психической компенсации и др. В этом проявляется одна из основных функций рефлексивности – трансформационная, состоящая в возможности изменения уровня проявления иных качеств и тем самым характера их влияния на деятельность. Причем, как показывают эмпирические данные, степень этого влияния настолько велика, что рефлексивность может полностью блокировать проявление того или иного качества или даже менять характер (направленность) его влияния на противоположный.

Иными словами, рефлексивность значительно регулирует и характер, и уровень проявления других качеств субъекта. Кроме того, и влияние на деятельность иных средовых и ситуационных факторов также опосредствуется, как правило, рефлексивным контролем. В силу этого, в реальных условиях

профессиональной деятельности и в ситуациях повседневного поведения проявления любого индивидуального качества выступают не абсолютными – стабильными, стационарными, а принципиально вариативными – рефлексивно-относительными. Характер и степень рефлексивного контроля значимо детерминируют диагностируемый и вообще наблюдаемый уровень проявления любого индивидуального качества и поэтому в определенном смысле входят в состав индивидуального качества, в понятие уровня его развития.

В этом плане необходимо подчеркнуть, что значимость средств и механизмов собственно рефлексивного плана начинает все более отчетливо осознаваться в настоящее время именно в связи с проблемой индивидуальных качеств. Так, прежде всего она зафиксирована в концепции «характерных адаптаций» (ХА) [10, 11, 12]. Как отмечает С. А. Щебетенко [12], «ХА состоят из неопределенного множества психологических феноменов, включая мотивы, цели, планы, устремления, стратегии, ценности, Я-схемы, самопрезентации и ментальные репрезентации значимых других, задачи развития и т. д. (McAdams, Pals [13]). ХА позволяют человеку осмысленно взаимодействовать со средой и являются, по сути, продуктом этого взаимодействия (McCrae, Costa [14]). ХА одновременно основаны на базовых тенденциях и обусловлены так называемыми «внешними влияниями» (external influences). «Характерность» в этом термине возникает в силу того, что образующие его феномены представляют собой «постоянную психологическую сердцевину индивида» (enduring psychological core of the individual – McCrae, Costa [14]). «Адаптации» возникают в силу того, что эти феномены – и их изменчивость – позволяют индивиду приспособиться к постоянно меняющейся среде (help the individual fit into the everchanging social environment – там же). ХА демонстрируют изменчивость в зависимости от культурного, семейного и возрастного контекстов» [14].

Это свидетельствует о существовании следующей, по-видимому, фундаменталь-

ной по своему смыслу закономерности. Характер и даже сама мера проявления индивидуальных качеств не только не является, но и не должна являться стационарной, неизменной. Напротив, она должна выступать как ситуационно-зависимая и личностно-регулируемая. При этом ведущую и определяющую – собственно регулятивную – роль в том, каким образом будет представлена эта мера, играют средства и механизмы собственно рефлексивного плана. Следовательно, не только можно, но и необходимо считать, что должны существовать и такие средства – такие способности, качества, свойства, вообще такие возможности, которые обеспечивали бы все это. Другими словами, возникает вполне обоснованное предположение, согласно которому должны существовать определенные средства, механизмы, процессы и пр., проявляющиеся соответственно в тех или иных качествах как их итоговых эффектах, которые направлены на то, чтобы регулировать характер и меру проявления всех других качеств. Это своего рода качества, позволяющие «распоряжаться своими качествами» – «вторичные» качества. Они направлены на то, чтобы максимально эффективно использовать арсенал иных – «первичных» качеств. По отношению к ним также должно быть применено именно это понятие – понятие качества, поскольку такого рода образования, несомненно, составляют очень важную сторону субъектной регуляции поведения и, следовательно, важную грань самой субъектности, а потому со столь же очевидной несомненностью входят в состав всей качественной определенности личности. Они эксплицируют то, в какой мере и в каком аспекте, а также с какой полнотой субъект «владеет» своими качествами; в какой мере он выступает именно субъектом своей качественной определенности, своей «самости» (которая в значительной мере и образована всей системой его индивидуальных качеств).

В связи со всем вышеизложенным возникает еще более принципиальный вопрос: что вообще по отношению к конкретному индивиду следует считать его истинными качествами? Либо это качества, еще не под-

вергнутые контролю со стороны «вторичных» качеств и не прошедшие «цензуру» с их стороны, равно как и процедуры рефлексивного опосредствования либо же это те их проявления (в том числе и в мере выраженности), которые уже выступают эффектами влияния с их стороны? Но в таком случае возникают другие еще более сложные вопросы: по отношению к каким ситуациям и личностным контекстам рассматривать вариации этой меры? что именно следует считать истинным («настоящим») уровнем развития свойства интернальности – либо общую интернальность, либо то или иное ее основное проявление? Дело в том, что данное свойство, равно как, впрочем, и целый ряд иных личностных качеств, обладает свойством парциальности: оно представлено в значимо разной мере выраженности по отношению к различным жизненным сферам (например, бытовой сфере, отношению к здоровью, профессиональной сфере и др.). Наконец, возникает и максимально общий и наиболее принципиальный вопрос: что вообще образует личность – система ее «первичных» качеств или же совокупность тех вариаций – тех «превращенных форм» этих качеств, которые генерируются посредством наложения на них «вторичных» качеств?

На основании этого, по-видимому, следует вообще дифференцировать две основные формы проявления и даже два модуса существования индивидуальных качеств. Первая – это их исходная, первичная форма – тот модус, который соотносится с их еще не прошедшим контролем со стороны «вторичных» качеств. Вторая – это те же качества, но уже подвергнутые такого рода контролю и представленные в трансформированном виде. Обе эти формы одновременно представлены в общей структуре личности. Совокупность первых составляет то, что обычно обозначается как «истинная суть» личности и соотносится с ее ноуменальным модусом, а вторая – как поведенческие проявления личности и соотносится с ее феноменальным модусом.

IV

На наш взгляд, в свете вышеизложенного вопрос о соотношении феноменального и ноуменального в понимании личности, а также ее качеств может быть поставлен и рассмотрен и на более высоком уровне обобщенности. В конечном итоге он связан с атрибутивными особенностями качеств. Прежде всего, эта та особенность, которая отражена в известной дихотомии, впервые сформулированной Г. Гегелем и состоящей в том, что категория качества получает двойное истолкование – гносеологическое и онтологическое. В гносеологическом смысле качество определяется как то, в чем нечто проявляется и выступает как начальная ступень познания вещей. Как онтологическая категория качества, по Г. Гегелю, «есть вообще тождественная с бытием непосредственная определенность» [15].

Далее, качество предстает и как то, что одновременно является и объективным, и субъективным. Оно объективно в том смысле, что атрибутивно присуще некоторой сущности и, более того, само как раз и является этой сущностью. Однако оно и столь же атрибутивно субъективно, поскольку может эксплицироваться только во взаимодействии познаваемого (объективного) и познающего (субъективного, точнее, субъектного).

Достаточно необычная черта категории качества состоит в том, что оно одновременно и существует и не существует. Существует, потому что атрибутивно сопряжено с самой сущностью; не существует, потому что является обязательной функцией взаимодействия объекта и субъекта, проявляясь и возникая (проявляется и возникает) только там и тогда, где и когда это взаимодействие имеет место.

Наряду с этим, как отмечается в [16], качество представляет собой также единство поверхностного и глубинного. С одной стороны, это нечто, в чем находит свое проявление та или иная сущность – то, что «лежит на поверхности» и проявляется непосредственным (хотя нередко и обманчивым) образом. С другой стороны, это – «наиболее важное», что есть в сущности и, следовательно, его наиболее существенная, глубинная ха-

рактеристика. Другими словами, в качествах нечто и раскрывается и скрывается. Качество трактуется в этой связи как единство истинного и ложного.

Качество раскрывается и как единство внешнего и внутреннего. Оно атрибутивно презентивует некоторую сущность, то есть обязательно носит эксплицитный характер, но одновременно и составляет эту сущность, то есть ее имплицитное содержание. Это – и экспликант, и импликант сущности одновременно.

Все эти атрибутивные характеристики тесно связаны с общим свойством категории качества – с единством феноменального и ноуменального, то есть явления и сущности. Оно, с одной стороны, то, в чем нечто проявляется, а с другой, то, чем нечто является. Эта особенность лежит, как известно, в основе одной из главных гносеологических проблем – «проникновения» через явление к сущности и возможность самого этого проникновения в целом, а также его границ, механизмов и др. Это же и своеобразный «водораздел» в решении вопроса о познаваемости мира в целом, имеющего множество вариантов, включая радикальные, составлявшие суть агностицизма.

С другой стороны, как уже отмечалось, вопрос о соотношении феноменального и ноуменального в познании и в историческом и в содержательном плане был сформулирован и практически полностью исследуется по отношению к познанию именно объектов, объективной реальности. Однако несколько странным и даже не вполне понятным образом он очень слабо раскрыт по отношению к познанию таких объектов, в качестве которых выступают уже не «неодушевленные» сущности, а субъекты. Вследствие априорно осуществляемой дифференциации на субъект и объект, которая является базовой для познания и вообще для постановки любых проблем, связанных с раскрытием природы взаимодействия «человека и мира», сущность познавательной ситуации как таковой состоит именно в необходимости «проникновения» первым (субъектом) в содержание второго (объекта). Однако трудно не видеть, что основная задача психологического позна-

ния заключается не в этом, а в том, чтобы второй (субъект) осуществил, так сказать, самопроникновение и выступил бы для самого себя как объект, «отягощенный» всеми теми гносеологическими препятствиями, которыми характеризуется любой иной объект познания. Вместе с тем субъективная реальность, в отличие от объективной, в значительно меньшей степени изучается в плане раскрытия соотношений феноменального и ноуменального. Однако и по отношению к ней роль данного вопроса является очень важной: она столь же велика и даже критически значима, как и для познания объективной реальности. По отношению к субъективной реальности и в целом к личности как ее носителю данный вопрос приобретает ряд дополнительных и весьма специфических черт, уже частично отмеченных выше. Наряду с ними, необходимо дифференцировать, по нашему мнению, и некоторые дополнительные и также существенные особенности данного, повторяем, ключевого в гносеологическом плане соотношения – диалектики феноменального и ноуменального в познании личности.

V

Во-первых, по отношению к личности как объекту познавательных процедур само феноменальное начало представлено в особом своего рода «заостренном» виде. Психическое в целом и репрезентация той его «составляющей», которая соотносится с личностными качествами, обладает, как известно, атрибутивным свойством *непосредственной* данности. Она не только не требует никаких иных вспомогательных средств для того, чтобы быть доступным такой данности, но сама фактически и является ею, образует и даже конституирует ее. Следовательно, сами феноменологические проявления личности, которые составляют сущность личностных качеств как таковых (повторяем, фактически и являются ими), не просто даны наиболее непосредственным образом, но представлены с максимально возможной – *предельной* степенью эксплицированности. Ничто иное в познании не выступает феноменом в столь яркой непосредственной форме, как сам феномен

личности и ее отдельные «составляющие» – ее качества. Кроме того, как было показано выше, вследствие механизма окачества происходит своеобразная онтологизация самих личностных качеств. Они из статуса проявлений определенного носителя (личности) трансформируются в статус содержания самого этого носителя. Тем самым феноменальное и ноуменальное не просто сближаются, но в значительной мере становится одним и тем же, по крайней мере, для самой личности, то есть для так называемого «внутреннего наблюдателя». Такая трансформация ноуменального в феноменальное приводит к двум следствиям. С одной стороны, порождается субъективное ощущение «полноты осознания», точнее, репрезентации своего внутреннего мира самому себе (что очень детально охарактеризовано, например, в исследованиях Я-концепции). С другой стороны, принимая феноменологические проявления ноуменального за него самого, то есть за сущность, за истину, субъект подвергается действию известных aberrаций, связанных с неадекватной экспликацией им своих особенностей и черт (что также подробно охарактеризовано в литературе).

Во-вторых, аналогичной гипертрофии подвергается и ноуменальное начало по отношению к личности как предмету познания (и научного и житейского), что опять-таки обусловлено ключевыми атрибутами организации психического в целом и личностной организации в особенности. Дело в том, что не менее известным и важным атрибутом психического в целом, чем его непосредственная данность, является еще одно также его базовое свойство. Оно состоит в том, что психическое в целом и личность в частности не только подчиняется определенным закономерностям – *функционирует* по ним и согласно им, но может в определенных пределах *воздействовать* на них – на меру и даже на характер их действия и проявления. В конечном счете именно это и составляет атрибут саморегулируемости и самоуправления как таковых. С наибольшей степенью выраженности это представлено именно по отношению к личностным качествам – к тому, каким

образом они проявляются, объективируются. Очень показательны и то, что такие регулирующие и трансформационные воздействия могут приводить к маскировке и даже к фальсификации тех или иных личностных качеств. Тем самым в еще большей степени и на совершенно ином уровне осложняется связь феноменального и ноуменального. Феноменальное не просто, так сказать, «искренне скрывает» ноуменальное, но и намеренно маскирует, ингибирует и даже блокирует доступ к нему. Собственно говоря, это и нашло отражение в двух противоположных значениях, которые существуют у самого понятия личности (не только лицо как то, что *раскрывает* ее, но и личина как то, что ее *скрывает*). Следовательно, по отношению к личности необходимо констатировать еще один важнейший источник ее радикальной ноуменальности, принципиально отсутствующий у любых иных прелатов познания. В личности именно принципиальной и потому очень существенной гипертрофии подвергается не только ее феноменальное, но и ноуменальное начало. При этом можно констатировать любопытную гносеологическую коллизию. На первый взгляд представляется очевидным и даже «само собой разумеющимся» следующее обстоятельство. Чем более нечто представлено как феномен, тем менее оно представлено как ноумен, то есть тем проще и легче оно раскрывается в его истинном виде и глубинном содержании. По отношению к подавляющему большинству предметов познания оно, конечно, справедливо. Однако по отношению к личности ситуация является обратной. Она, будучи максимально и даже предельно представленной именно как феномен, столь же максимально представлена и как ноумен. Усиление ее феноменального начала приводит не к уменьшению ее ноуменального потенциала, а, наоборот, к его очень существенному возрастанию. Следовательно, можно констатировать, что среди всех объектов познания есть и такой, который характеризуется не вполне обычной с точки зрения сложившихся в гносеологии представлений особенностью. Чем более он представлен как феномен, тем более он представ-

лен и как ноумен; феноменальное выступает не только как средство «расшифровки» ноуменального, но и как барьер доступа к нему.

Наконец, в-третьих, необходимо отметить и еще одну особенность организации психического, которая также придает специфичность соотношению феноменального и ноуменального в его познании. Она состоит в том, что психическое феноменологически представлено лишь в аспекте своих содержательных, результативных проявлений, но не в плане тех механизмов, которые лежат в его основе. Оно действительно дано интроспективно, но в весьма ограниченном виде – в виде итоговых эффектов функционирования, но не средств, процессов и механизмов, их обеспечивающих. Это, как известно, одна из важнейших, наиболее фундаментальных и определяющих особенностей психики. Она обуславливает «непроницаемость» психического, невозможность доступа к его механизмам средствами интроспекции – то важнейшее обстоятельство, что «психическое трагически невидимо» [17]. Оно в аспекте своих механизмов (то есть того, что, собственно говоря, и интересует научное познание в целом и психологическое в особенности) не только не *объективируемо*, но даже в его значительной и определяющей части и не *субъективируемо*. Другими словами, оно действительно дано субъекту, но дано только как феномен, но не как ноумен. Более того, именно по отношению к нему, как следует из сказанного, проникновение через первый (феномен) во второй (ноумен) не просто крайне проблематично, но и, по-видимому, принципиально невозможно существующими в настоящее время познавательными средствами. Отсюда, однако, вытекают и еще три следствия. Первое: субъективно – интроспективно (то есть с позиций «внутреннего наблюдателя») психическое дано точно так же, как «внешнему наблюдателю» дан любой иной объект – оно дано только как феномен. Второе: по отношению к психическому «путь» от феномена к ноумену не просто еще более затруднен, но и сопряжен с принципиальными преградами, обусловленными базовыми атрибутами психического – его интроспек-

тивной неданностью, его «невидимостью»: оно не только не объективируемо, но и не субъективируемо в плане его механизмов. Третье: по отношению к познанию психического имеет место сохранение всех атрибутивных особенностей связи феноменального и ноуменального, а одновременно их усиление и существенное усложнение самой этой связи. Этим,

собственно говоря, и обусловлена специфика психологического познания, а также его большая сложность по отношению ко многим иным сферам познания. В особой степени все это проявляется по отношению к исследованию личности как наиболее интегративной экспликации предмета психологического познания в целом.

Ссылки

1. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 424 с.
2. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1977. Т. 3: Философия духа. 471 с.
3. Философский словарь / под ред. В. Фролова. М.: Мысль, 1987. 588 с.
4. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 334 с.
5. Роговин М. С. Введение в психологию. М.: Высш. школа, 1969. 381 с.
6. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1984. 464 с.
7. Карпов А. В. Психология сознания: метасистемный подход. М.: Изд. дом РАО, 2011. 1080 с.
8. Кант И. Собрание сочинений. М.: Наука, 1994. Т. 6. 612 с.
9. Карпов А. В. Рефлексивная детерминация деятельности и личности. М.: РАО, 2106. 401 с.
10. Барановская М. С. Пятифакторная модель личности П. Коста и Р. МакКрея и ее взаимосвязь с факторными теориями личности Г. Айзенка и Р. Кеттелла // Психологический журнал, 2005. Т. 26, № 4. С. 52–57.
11. Варламова Е. П., Степанов С. Ю. Рефлексивная диагностика в системе образования // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 78–87.
12. Щебетенко С. А. Я-концепция, эмпатия читательниц и близость сказочных персонажей // Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность / под ред. Л. Я. Дорфмана. М.: Смысл, 2004. С. 248–278.
13. McAdams D. P., Pals J. L. A new Big Five: Fundamental principles for an integrative science of personality // American Psychologist. 2006. Vol. 61. P. 204–217.
14. Costa Jr. P. T., McCrae R. R. Revised NEO Personality Inventory (NEOPI-R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI): Professional manual. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1992. 453 p.
15. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. М.: Мысль, 1970. Т. 1. 501 с.
16. Карпов А. В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. М.: Изд. дом РАО, 2017. 640 с.
17. Миллер Дж., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения. М.: Прогресс, 1965. 192 с.

Meso-environment and mental development

E. V. Koneva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article deals with the interaction of macro-and micro-environment conditions that form a new system formation, called a mesosystem or mesosystem. Examples of types of mesosystems are given. The author considers the points of view on the problem of prioritizing the influence of the family microenvironment and socio-economic macro-conditions on the mental development of children. The results of various studies in this direction are contradictory: according to some data, the two systems of conditions are relatively independent of each other; according to others, one or another development factor is predominant. The article suggests the design of the study, the purpose of which is to study the meso-environment formed by the material home environment and the features of parental education.

Keywords: environmental psychology; micro-environment; macro-environment; meso-environment; material environment; family; parenting style; factors of mental development; socio-economic status.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Koneva Elena V. | E-mail: ev-kon@yandex.ru
| Doctor Sc. (Psychology), Professor

Funding: RFBR, Project No 18-013-00901.

Мезосреда и психическое развитие

Е. В. Конева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 159.92

Научная статья

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия макро- и микросредовых условий, образующих новое системное образование, называемое мезосредой или мезосистемой. Приведены примеры видов мезосистем. Рассмотрены точки зрения на проблему приоритетности влияния семейной микросреды и социально-экономических макроусловий на психическое развитие детей. Результаты различных исследований в этом направлении противоречивы: согласно одним данным, две системы условий относительно независимы друг от друга; в соответствии с другими – тот или иной фактор развития является преобладающим. В статье предложен дизайн исследования, целью которого является изучение мезосреды, образуемой материальной домашней средой и особенностями родительского воспитания.

Ключевые слова: экологическая психология; микросреда; макросреда; мезосреда; материальная среда; семья; стиль родительского воспитания; факторы развития психики; социально-экономический статус

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Конева Елена Витальевна | E-mail: ev-kon@yandex.ru
Доктор психологических наук, профессор

Финансирование: РФФИ, проект № 18-013-00901.

Связь психики человека с окружающей средой – один из базовых принципов современной экологической психологии [1]. Категория среды, отличаясь высокой степенью широты, подразделяется по разным основаниям. В наиболее общем виде можно рассматривать социальную, материальную и природную среду, притом что каждая из этих категорий включает в свою очередь ряд составляющих. В качестве отдельного предмета рассмотрения может выступать информационная среда, представляющая собой в настоящее время синтез социальных и материальных средовых влияний. Согласно другому основанию, которое можно обозначить как степень широты, распространенности среды по ее воздействию на большую или меньшую общность людей, выделяется макро- микро- и мезосреда. Последняя представляет собой взаимодействие двух и более средовых структур, в результате чего новое образование обладает признаками системы. В частности, ее свойства не сводятся к сумме свойств образующих ее структур [2]. В дальнейшем будем употреблять понятия «мезосреда» и «мезосистема» как синонимы. Этот феномен нередко становит-

ся предметом исследования даже в тех случаях, когда авторы об этом не заявляют, поскольку разнообразие мезосистем настолько же велико, насколько многочисленны комбинаторные сочетания двух, трех и более элементов, каждый из которых отличается качественной спецификой.

В процессе онтогенеза человек постоянно оказывается в условиях действия на него двух и более микросистем. Мезосреда образуется, например, когда во взаимодействие вступают члены семьи дошкольника, несущие в себе черты семейной микросреды, и персонал детского дошкольного учреждения как часть микросреды образовательного учреждения. Ребенок как объект воспитания оказывается в этом случае в условиях, принципиально отличных как от тех, которые характерны для семьи, так и от тех, которые созданы в детском саду. В образовательных организациях формирование мезосистемы нередко используется с целью создания средства влияния на те или иные свойства психики. Например, важность для эффективного обучения взаимодействия в паре «педагог – ученик» не вызывает сомнения. Но реализация данного

принципа обучения в рамках классно-урочной системы нереальна без организации межличностного взаимодействия в форме дружеского сотрудничества [3]. В обоих примерах мезосреда является результатом взаимодействия двух социальных микросредовых систем.

Уникальная мезосреда складывается в условиях дистанционного обучения, когда микросреда вуза или другого образовательного учреждения вступает во взаимодействие с информационной средой, создаваемой техническими средствами, которые используются в процессе дистанционного обучения. Современная информационная среда сама по себе также представляет собой систему, в которой техническое обеспечение образует тесную взаимосвязь со специфическими социально-психологическими реалиями.

Не меньшее практическое значение имеет взаимодействие макро- и микросредовых условий развития. Аналитически не всегда возможно различить одни с другими. Например, уровень образования родителей является микросредовым фактором, действующим внутри семьи, но он же обуславливает принадлежность семьи к определенному социально-экономическому слою, то есть фактически определяет макросреду, в которой развиваются дети. В ряде случаев также трудно однозначно определить, являются ли составляющие мезосистемы исключительно социальными или однозначно иными (например, материальными). В особенности это касается макросреды, например условий большого города, в котором инфраструктура, образ жизни, социальные отношения и т. д. образуют неразрывное единство.

Так, в исследовании экологических и индивидуальных детерминант физической активности в Западной Австралии [4] изучалось относительное влияние индивидуальных, социальных, экологических и физических факторов окружающей среды на рекреационную физическую активность людей, проще говоря, на популярность среди жителей занятий спортом, пеших прогулок и т. п. Физические детерминанты среды были концептуализированы как пространственный доступ к различным рекреационным объектам. Результаты показывают, что легкая доступность физической среды (например, спортивных площадок) необходима, но может быть недостаточной для оптимального уровня физической активности людей, и требуется создание городских пейзажей, которые делают ходьбу предпочтительным видом активности в процессе отдыха и перемещения в пространстве.

Между микросредовыми образованиями существует взаимовлияние, что нельзя однозначно утверждать в отношении взаимодействия макро- и микросреды. Воздействие макросреды (например, городских или сельских условий проживания семьи) на семейную микросреду несомненно, однако обратное влияние возможно лишь в ограниченном диапазоне. Примером обратного воздействия человека на среду могут служить ее стихийные преобразования людьми, испытывающими негативные влияния со стороны среды, даже если эти воздействия не вполне осознаются. Известно, например, что обстановка городских «спальных» районов угнетающе влияет на психику проживающих в них людей; ответом является стремление разнообразить ее, в частности, с помощью граффити [5].

Образование новой системы при взаимодействии макро- и микросреды отчетливо проявилось в наших исследованиях развития речи детей, проживающих в городской и сельской местности, под влиянием условий семейного воспитания [6]. В городе и селе различное влияние на развитие речи оказывают некоторые стороны функционирования семьи, измеряемые методикой АСВ (анализ семейных взаимоотношений) Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкого. Так, гипопротекция как характеристика детско-родительских отношений положительно связана с развитием речи лишь в городе. Кроме того, только в городских семьях противоречивость в воспитании и конфликтность между супругами, также диагностируемые методикой АСВ, связаны с уровнем развития речи детей отрицательной связью.

И тот и другой факт имеет объяснение, однако не будем здесь останавливаться на интерпретации этих результатов, поскольку в контексте данной статьи важно подчеркнуть именно функционирование взаимодействующей системы «место проживания – стиль родительского воспитания».

В приведенных нами выше примерах мезосистему образуют две (или более) социальные и отчасти информационные системы. Между тем немаловажную роль в психическом развитии субъекта играет собственно материальная среда. Она, в свою очередь, может выступать в виде природных условий и в виде продуктов деятельности человека. Взаимодействуя с социальной микросредой, материальная среда может образовывать разнообразные мезосистемные реальности.

Например, система медицинского обслуживания не может, по мнению специалистов,

рассматриваться в отрыве от архитектуры и дизайна зданий и кабинетов, в которых медики работают с пациентами. Общественные здания, в частности больницы, часто проектировались и выглядели, как фабрики. Будучи сосредоточена главным образом на лечении заболеваний, клиническая практика игнорирует психологические, социальные и духовные потребности пациента, тогда как «психосоциально поддерживающий дизайн» может уменьшить беспокойство и стимулировать положительные эмоции, что благотворно сказывается на процессе лечения [7].

В последние годы внимание специалистов системы образования обращается на феномен сенсорной насыщенности среды, ее роли в развитии ребенка [8, 9]. Влияние материальной среды на психическое развитие приобретает иногда сложные и неожиданные формы. Изучая особенности детской игры в дошкольных образовательных учреждениях, специалисты обнаружили низкий уровень развития у детей данного вида деятельности [10]. Одну из причин этого ученые видят в избыточной структурированности предметной среды: в детских садах много игрушек с фиксированными функциями, что ограничивает возможности свободной игры. Но и в этом случае большое значение для уровня детской игровой деятельности имеет мезосреда «предметы – общение с воспитателем»: включение персонала детского сада в игру детей может повысить ее эффективность как средства развития психики.

Как ресурс поддержания оптимального функционирования психики материальная среда рассматривается применительно к пожилым людям и инвалидам [11]. При отсутствии возможностей кардинально изменить материальные условия жизни людей в учреждениях социальной защиты на базе существующей инфраструктуры возможно создание системы социально-психологической поддержки как новой среды [12, 13].

Таким образом, сама по себе материальная среда не вносит существенного вклада в психическое развитие и функционирование без образования эффективно действующей мезосистемы с активностью персонала (в частности, персонала дошкольного образовательного учреждения). Но есть еще один аспект темы, менее очевидный: материальная среда образовательного учреждения в идеале должна взаимодействовать с той социальной микросредой, в которую включен ребенок в семье.

Результаты, свидетельствующие о родительской позиции по отношению к ребенку

как компенсаторном ресурсе, получены в исследовании Д. Н. Чернова: вклад негативных социально-экономических факторов семьи в становление речевых способностей может быть менее выраженным благодаря особенностям детско-родительского взаимодействия [14]. Опосредующая и определяющая роль малого социума (семьи) в социокультурной обусловленности речи старших дошкольников подчеркивается и в исследовании Т. Ф. Базылевич и Т. В. Колядиной [15]. Другие микросредовые факторы, в частности технологии школьного обучения, также могут уменьшать негативное влияние низкого социально-экономического и образовательного статуса родителей на формирование школьных навыков детей: исследователи выявили, что при обучении алфавиту дошкольников из таких семей более эффективно использование визуального и тактильного метода по сравнению с визуальным, при этом не было существенным, кто именно занимался обучением детей – сами исследователи или педагоги [16]. В то же время бедность может серьезно затруднить материнскую чувствительность [17], что, как можно предположить, негативно отразится на способности родителей организовывать эмоционально полноценное взаимодействие с детьми.

Нельзя не отметить, что научными исследованиями подтверждена и противоположная точка зрения, согласно которой такие факторы психического развития, как социально-экономическое положение семьи, уровень интеллектуального развития матери и особенности домашней среды, действуют независимо друг от друга [18].

Следовательно, макросредовые обстоятельства, которые прежде всего формируются под действием социально-экономического статуса семьи и микросредой, определяемой детско-родительскими отношениями, могут не образовывать мезосредовую реальность [18]. В случае же их совокупного, системного воздействия на детское развитие возможна различная иерархичность значения разных факторов – как преобладание микросреды над макросредой [14, 16], так и обратное сочетание факторов [17]. Примером более выраженного воздействия социоэкономических условий на некоторые показатели развития детей служит исследование влияния семейной среды на компетентность младших школьников в чтении. В качестве характеристик семейной среды учитывались отношение родителей к чтению, раннее обучение детей в семье чтению и количество книг дома. Эти параметры положитель-

но влияют на показатели чтения детей почти во всех из 25 стран, в которых проводилось исследование, в то время как сила этих эффектов существенно варьируется в разных странах. Степень, в которой влияние родительского образования на чтение детей опосредуется домашней средой грамотности, весьма скромна, за исключением нескольких стран, и различается в разных странах в зависимости от уровня их экономического развития [19]. Возможно также, что культурно-экономические обстоятельства действуют через особенности семейного функционирования не на психическое развитие детей как таковое, а на отдельные показатели их успешности, например, на школьную успеваемость. В частности, такого рода влияние могут оказывать поведение и убеждения родителей [20]. Сам по себе этот результат может выглядеть очевидным, однако исследование показало, что связь школьной успеваемости с родительскими поведенческими паттернами и мировоззрением родителей различен в зависимости от расовой группы (выборку составили семьи европейцев и афроамериканцев), что является еще одной иллюстрацией разнообразия мезосистемных образований. Учет взаимодействия макро- и микросредовых условий позволяет конкретизировать представления о механизмах действия факторов психического развития.

Автор этой статьи ни в коей мере не защищает позицию «социального редукционизма», отрицая влияние генетического фактора на становление и функционирование психики. Концентрация внимания на средовых взаимодействиях обусловлена относительной доступностью их регулирования в практической деятельности [17].

Возвращаясь к материальной среде как фактору развития, подчеркнем, что исследований материальной, так же как и сенсорной, среды как ресурса психического развития в настоящее время немного, тем более отсутствует единая методология таких исследований. Высокая практическая востребованность не обеспечена соответствующим объемом научных разработок в этом направлении. В связи с этим заслуживает внимания работа, в которой предлагается подход к исследованию гуманистичности среды проживания [21]. В качестве фиксируемых с помощью опросной методики показателей рассматриваются функциональность и релевантность среды.

Функциональность домашней среды, согласно предложенной концепции, включает 4 фактора: Прагматичность, Развитие, Стабиль-

ность, Защищенность. Шкала «Прагматичность» охватывает эргономичность пространства, наличие бытовой техники, доступа в Интернет. Шкала «Развитие» предполагает выявление возможностей для развития и получения сенсорной, когнитивной, социальной информации, например, с помощью предметов и пространства для творчества. Шкала «Стабильность» описывает возможности чувствовать психологическое и физическое постоянство, прогнозируемость среды. Шкала «Защищенность» фиксирует, насколько домашняя среда позволяет человеку реализовывать его идентичность и с позиций своей идентичности взаимодействовать с социальным окружением.

Релевантность домашней среды также включает ряд факторов: управляемость (подконтрольность, прогнозируемость) среды, ресурсность (информационная, социальная, физическая поддержка), самопрезентацию (возможность представлять достижения и интересы через предметную среду дома), эргономичность (удобство и уют), отчужденность (неудовлетворенность домашней средой), пластичность (гибкость, динамичность, податливость изменениям), историчность (наличие межпоколенных связей, общей истории и символов).

Планируя исследование одного из вариантов мезосреды, мы исходим из следующих посылок: 1. Материальная среда дома (жилище, которое занимает семья с детьми) во взаимодействии со стилем родительского воспитания образует новую систему (мезосреду); 2. Сложившаяся в результате мезосреда обладает в каждой семье уникальными особенностями, и в то же время возможно описание различных вариантов такого рода мезосреды; 3. Гипотетически образование мезосреды может выполнять компенсаторную функцию по отношению к материальной среде, если она по тем или иным причинам обеднена по своему развивающему потенциалу.

Предполагается, что с целью выявления вариантов мезосистем, образующихся при взаимодействии материальной среды жилища и стилем родительского воспитания, нами в дальнейшем будет использоваться схема, описанная выше, благодаря которой можно получить достаточно полное представление о материальной среде дома. Она функционирует в составе взаимодействующей системы, включающей социально-психологические связи проживающих в доме людей. Соответственно развивающее влияние материальной среды на детей реализуется через взаимодейству-

ющую систему, иначе говоря, мезосреду. Её социально-психологическая составляющая может быть отражена в результатах методики АСВ (анализ семейных взаимоотношений)

Эйдемиллера и Юстицкого. Сопоставляя варианты мезосистем с показателями психического развития детей, можно получить результаты, релевантные практическим задачам.

Ссылки

1. Панов В. И. Введение в экологическую психологию: учебное пособие. М.: НИИ школьных технологий, 2006. 184 с.
2. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. 9-е изд. СПб.: Питер, 2005. 940 с.
3. Чернов Д. Н. Социоэкономический статус семьи как фактор языкового развития школьников // Системная психология и социология: научно-практический журнал. 2016. № 4(20). С. 66–73. URL: http://systempsychology.ru/journal/2016_20/365-d-n-chernov-socioekonomicheskiiy-status-semi (дата обращения: 19.06.2020).
4. Giles-Corti B., Donovan R. J. The relative influence of individual, social and physical environment determinants of physical activity // *Social science & medicine*. 2002. Т. 54, №. 12. P. 1793–1812. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0277953601001502> (дата обращения: 17.06.2020).
5. Молодежный вандализм как репрезентация проблем городской среды / под ред. И. В. Воробьевой, О. В. Кружковой. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018. 213 с.
6. Конева Е. В., Русанова Л. С. Речевое развитие детей дошкольного возраста городской и сельской местности // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 1 (35). С. 81–87.
7. Dilani A. Psychosocially supportive design: a salutogenic approach to the design of the physical environment // *Design and Health Scientific Review*. 2008. Т. 1, №. 2. P. 47–55. URL: https://www.researchgate.net/profile/Alan_Dilani/publication/265349464 (дата обращения: 17.06.2020).
8. Кожина Т. С., Чудакова Н. В., Березникова Е. С. Сенсорная комната — альтернативный способ развития «особого» ребёнка // Молодой ученый. 2016. № 12.6 (116.6). С. 53–57. URL: <https://moluch.ru/archive/116/32013/> (дата обращения: 06.06.2020).
9. Лазарев М. Л. Регулируемая сенсорная IT-среда как психолого-социальный феномен // Вестник МГУКИ. 2013. № 1 (51). С. 215–220.
10. Смирнова Е. О., Рябкова И. А. Исследование уровня развития сюжетной игры дошкольников в московских детских садах // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2012. №. 2. С. 57–59.
11. Постникова Н. В. Сенсорная комната как инновационный метод в психологии для оздоровления людей пожилого возраста и инвалидов // Научное исследование как основа инновационного развития общества. Уфа, 2019. С. 83–85. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41545374_64298226.pdf (дата обращения: 16.06.2020).
12. Ключева Н. В. Экзистенциальный контекст психологического сопровождения людей пожилого возраста // Методология современной психологии. 2018. № 8. С. 128–142.
13. Ключева Н. В., Головчанова Н. С., Дмитриенко Е. В. Арт-терапия в работе с пожилыми людьми: методическое пособие. Ярославль, 2010. 64 с.
14. Чернов Д. Н. Методологические основы построения модели социокультурной обусловленности языковой компетенции ребенка в онтогенезе // Психолог. 2019. № 2. С. 56–70.
15. Базылевич Т. Ф., Колядина Т. В. К индивидуализированным предикторам речевого развития дошкольника // Мир психологии. 2007. № 4. С. 189–201.
16. Bara F., Gentaz E., Colé P. Haptics in learning to read with children from low socio-economic status families // *British Journal of Developmental Psychology*. 2007. Т. 25, №. 4. P. 643–663. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1348/026151007X186643> (дата обращения: 19.06.2020).
17. Bakermans-Kranenburg M. J., van IJzendoorn M. H., Kroonenberg P. M. Differences in attachment security between African-American and white children: Ethnicity or socio-economic status? // *Infant Behavior and Development*. 2004. Т. 27, №. 3. P. 417–433. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0163638304000384> (дата обращения: 17.06.2020).
18. Tong S., Baghurst P., Vimpani G., McMichael A. (2007) Socioeconomic Position, maternal IQ, home environment, and cognitive development // *The Journal Of pediatrics*. 2007. Vol. 151, № 3. P. 284–288. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/17719939/> (дата обращения: 17.06.2020).
19. Park H. Home literacy environments and children's reading performance: A comparative study of 25 countries // *Educational Research and Evaluation*. 2008. Т. 14, №. 6. P. 489–505. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13803610802576734> (дата обращения: 19.06.2020).
20. Davis-Kean P. E. The influence of parent education and family income on child achievement: the indirect role of parental expectations and the home environment // *Journal of family psychology*. 2005. Т. 19, №. 2. P. 294. URL: <https://psycnet.apa.org/buy/2005-06518-016> (дата обращения: 21.06.2020).
21. Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование / С. К. Нартова-Бочавер [и др.]. М.: Памятники исторической мысли, 2016. 220 с.

Specificity of subject determinants of the professionalization process of nurses

E. V. Karpova¹, M. V. Ekaterinina¹

¹K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, 108/1 Republican str., Yaroslavl, 150000, Russian Federation

Research Article
Full text in Russian

The article presents empirical, professional and theoretical materials that reveal the content and specifics of the process of professionalization of nurses. The originality of the system of professionally important qualities of this activity as its main subject determinants is characterized. A new approach to the interpretation of the system of professionally important qualities of some types of labor activity and their role in the process of personal professionalization has been formed. The determinants of the process of professionalization of nurses are identified, the main ones being the formation of systems of professionally important qualities, professional motivation, and professional identity during the training of students. The main difficulties in differentiating professionally important qualities of nurses are described and ways to overcome them are formed.

Keywords: professionalization; professionally important qualities; subject determinants; efficiency of activity; students; nurses; motivation; professional identity.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karpova Elena V. | E-mail: evkar55@yandex.ru
Doctor Sc. (Psychology), Professor

Ekaterinina Maria V. | E-mail: ekaterinina.m@yandex.ru
Master of psychology, teacher

Специфика субъектных детерминант процесса профессионализации медицинских сестер

Е. В. Карпова¹, М. В. Екатеринина¹

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, ул. Республиканская, 108/1, Ярославль, 150000, Российская Федерация

УДК 159.9

Научная статья

В статье представлены эмпирические, профессиографические и теоретические материалы, раскрывающие содержание и специфику процесса профессионализации медицинских сестер. Охарактеризовано своеобразие системы профессионально важных качеств данной деятельности как ее основных субъектных детерминант. Сформирован новый подход к трактовке системы профессионально важных качеств некоторых видов трудовой деятельности и их роли в процессе профессионализации личности. Определены детерминанты процесса профессионализации медицинских сестер, в качестве основных среди которых выступают формирование систем профессионально важных качеств, профессиональной мотивации, профессиональной идентичности в период обучения студентов. Охарактеризованы основные трудности при дифференциации профессионально важных качеств медицинских сестер и сформированы пути их преодоления.

Ключевые слова: профессионализация; профессионально важные качества; субъектные детерминанты; эффективность деятельности; студенты; медицинские сестры; мотивация; профессиональная идентичность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпова Елена Викторовна | E-mail: evkar55@yandex.ru
Доктор психологических наук, профессор

Екатеринина Мария Валентиновна | E-mail: ekaterinina.m@yandex.ru
Магистр психологии, преподаватель

1. Содержание и специфика профессионализации медицинских сестер

Проблема профессионализации является сложной и многосторонней областью психологии труда. Несмотря на большое количество работ, посвященных ее исследованию, многие ее аспекты остаются недостаточно изученными. Так, в частности, профессионализации студентов высших учебных заведений уделяется достаточно большое внимание, однако психологические законо-

мерности профессионализации студентов средних профессиональных заведений являются практически не изученными. В данном контексте особое место занимает изучение психологических закономерностей профессионализации будущих медсестер – профессии, относящейся к сфере «человек – человек» и являющейся одной из самых массовых. Нехватка медсестер становится все более серьезной проблемой во всем мире. В докладе Всемирной организации здравоохране-

ния «Состояние сестринского дела в мире, 2020 г.» приводятся статистические данные о количестве медсестер по миру: сегодня во всем мире насчитывается чуть менее 28 миллионов медсестер, а дефицит составляет, по меньшей мере, 5,9 миллионов кадров [1]. Все большее беспокойство вызывает намерение студентов-медсестер оставить профессию, еще находясь на стадии обучения в медицинском колледже. В связи с этим важным представляется исследование причин, по которым студенты выбирают карьеру медсестры, а также факторов развития их последующей профессионализации.

В литературе существует немало работ, посвященных проблеме профессионализации студентов-медиков. В частности, данная проблема рассматривается в связи с понятием самореализации личности. Важно то, что самореализация личности сопряжена с процессом профессионального самоопределения. В зарубежной психологии проблема самоопределения рассматривается во взаимодействии с профессиональным выбором, а феномен профессионального самоопределения исследовался как внутриличностный развивающий процесс. В отечественной психологии труда обращается специальное внимание на совокупность детерминант, определяющих реализацию потенциала развивающегося профессионала, среди которых, согласно Э. Ф. Зееру, необходимо выделять следующие факторы: биологическую организацию человека, социальную ситуацию, характер профессиональной деятельности, активность личности, ее потребности в саморазвитии и самоактивности [2]. Некоторые авторы указывают, что кроме собственных интересов и потребностей личности на процесс профессионализации влияет социальная ситуация, т. е. ситуативный выбор. При этом социальная ситуация может даже и не осознаваться индивидом [3, с. 52–53]. В теории профессиональных типов Дж. Холланд подчеркивает, что необходимым условием подготовки к профессиональной жизни у школьников и у студентов является адекватная самооценка своих сильных и слабых сторон (по [4, с. 204]). Профессиональное конструирование лично-

сти, образование карьерных ориентаций усложняется недостаточной осведомленностью индивида о своем потенциале, а социальная ситуация может существенно повлиять на изменение профессиональной идентичности. Как указывает Л. Б. Шнейдер, процесс профессионального развития личности реализуется в формировании профессиональной идентичности, рассматриваемой как осознание своей принадлежности к определенной профессии и определенному профессиональному сообществу (по [5, с. 42]). Э. В. Трофимова провела исследование по выявлению мотивов и факторов профессионального выбора среди студентов (n=250) медицинских колледжей и определила, что доминирует ситуативный выбор профессии [6, с. 108].

По мнению Guidotti и Keogh, в настоящее время все большее число профессий становится «профессионализированными», включая «Сестринское дело», т. к. сегодня в центре внимания сестринской деятельности находится научно обоснованная практика, сам уровень сестринского образования повысился (по [7, с. 10]). Наряду с этим, Y. ten Hooft считает, что профессионализация медсестер с теоретической точки зрения рассматривается как укрепление их профессиональной идентичности: «Чтобы стать профессиональной медсестрой, студенты-медсестры и вновь получившие диплом медсестры должны развивать профессиональную идентичность, как во время обучения, так и в клинической практике» [7, с. 10]. На взаимосвязь профессионализации и идентичности обращает внимание Fagermo; он пришел к выводу, что профессиональная идентичность в сестринском деле заключается в том, как медсестры концептуализируют то, что значит действовать и быть медсестрой (по [7, с. 10]). Salisu, Nayeri, Yakubu, Ebrahimpour в своем исследовании приводят обширный анализ источников, посвященных идентичности медсестер, и они ориентируются на рассуждения Mogadi о взаимосвязи профессиональной идентичности и профессиональной социализации: «Способность студента формировать профессиональную идентичность зависит от процесса социализации, которому

он подвергается» (по [8, с. 7]). Y. ten Hoeve считает, что студентам-медсестрам необходимо развивать профессиональную идентичность, именно она связана с удовлетворенностью своей профессиональной деятельностью, и в доказательство своей точки зрения она приводит размышления Benner: «Согласно Benner, медсестра, у которой достаточно развита профессиональная идентичность, может рассказать свою историю и ответить на такие вопросы, как «кто я как медсестра?», «какой медсестрой я хочу быть?» или «могу ли я стать медсестрой, которой я хочу быть в этой больнице / рабочей среде?» [7, с. 14].

2. Понятие профессионально-важных качеств в исследованиях процесса профессионализации медицинских сестер

Для формирования профессиональной идентичности необходима определенная профессиональная пригодность, т. е. «совокупность индивидуально-психологических особенностей индивида, влияющих на успешность освоения им какой-либо трудовой деятельности и эффективность ее выполнения» [9]. Они обозначаются понятием профессионально-важных качеств (ПВК), которое было введено В. Д. Шадриковым [10]. ПВК служат фактором профессиональной пригодности и успешности; им была разработана классификация профессий, среди которых профессия медсестры входит в раздел «человек–человек». Основными ПВК для данного типа деятельности являются особенности психических процессов, коммуникативные и деонтологические качества, эмпатические способности, нервно-психическая устойчивость, качества направленности личности (гуманизм, долг, альтруизм) и широкий кругозор (по [11, с. 66]). К сожалению, в литературе отсутствует единый взгляд на необходимые ПВК в работе для профессии «медсестра», но примерный их перечень возможно определить на основании профессиограмм, данных в различных энциклопедических справочниках или сборниках профессиограмм. Так, например, И. Л. Соломин приводит несколько примеров профессиограмм для профессии «медицинская сестра» [12].

Важность ПВК для успешной профессионализации подкрепляется тем фактом, что в некоторых медицинских учебных заведениях по миру имеются тесты диагностики для оценки личностных качеств. Например, в Ньюкаслской Медицинской школе (Австралия) проводятся исследования для измерения моральных ценностей и личностных качеств студентов-медиков (высокая эмпатия, уверенность в общении с людьми, низкие нарциссизм и отчужденность) [13, с. 3]. Powis, Munro, Vore, Eleu считают, что тесты на профпригодность дают значительные преимущества медицинским школам, т. к. те, в свою очередь, могут управлять избыточным числом абитуриентов на одно место, а также могут помочь будущим студентам избежать проблем, связанных с неправильно выбранной специальностью. Полагается, что для разных медицинских специальностей должны быть разные тесты. Авторы ссылаются на исследования McManus и др., поскольку «некоторые сочетания качеств могут быть недостатком: высокая степень эмпатии в сочетании с высокой добросовестностью может привести медиков к переутомлению, приводящему к выгоранию и разочарованию, если они не уравновешены высокой степенью эмоциональной стабильности» (по [13, с. 1–2]). Они приходят к мнению, что отбор должен основываться на балансе желательных качеств и на отсутствии факторов, угрожающих здоровью медиков и препятствующих гуманному обращению с пациентами [13, с. 2].

Кроме конкретных ПВК, для профессий значимы и другие характеристики личности. Многие собственно личностные качества также детерминируют эффективное выполнение конкретной профессиональной деятельности. В частности, значимость характеристик, напрямую не относящихся к ПВК, подтверждается на сегодняшний момент лишь малым количеством научных работ, но среди имеющих важно обратить внимание на работу японских ученых о взаимосвязи темперамента и профессионального качества жизни. Такака и др., проведя обширное исследование среди 1267 медсестер, выявили, что 66,1 % медсестер имеют депрессивные тенденции

в темпераменте и значимая часть медсестер, имеющая такой темперамент, обладающая также эмпатией, высокими альтруистическими идеалами, стремлением к уходу за пациентами, может быть подвержена ситуациям эмоционального истощения, но, даже несмотря на врожденный темперамент, медсестры могут справиться со стрессом на основе многолетнего опыта (в отличие от новичков) [14, с. 709]. Данный пример научного исследования примечателен тем, что больше половины медсестер имеют темперамент, характеризующийся депрессивными тенденциями, что может говорить о некоторых профессиональных предпочтениях среди людей с разным темпераментом.

Вместе с тем в процессе развертывания исследований, посвященных ПВК медсестер, постепенно стали выявляться принципиальные трудности и даже кризисные моменты в отношении корректности определения ПВК медсестры. Так, первое затруднение состоит в сложности самой дифференциации отдельных ПВК, необходимых для осуществления деятельности, связанной с лечебным процессом, уходом за больными людьми. Медсестра должна владеть знаниями о сборе анамнеза заболеваний, об их профилактике, о ведении слаженной работы своего отделения, установлении контакта с пациентами, т. е. медсестра несет ответственность за проведение жизненно необходимых процедур. При этом дифференцируется достаточно обширный список ПВК; например, в работе [15] выделяются следующие категории по критерию принадлежности к различным сферам: ПВК коммуникативной сферы; эмоционально-волевой сферы (стрессоустойчивость, эмпатия, настойчивость); ценностно-мотивационной сферы (стремление помогать людям); организационно-методической сферы (умение планировать свою деятельность, организовывать деятельность и взаимодействие других, представлять результаты своей работы); познавательной сферы (умение понимать причины поведения людей, творческое мышление) [15, с. 48].

Еще одна трудность состоит в том, что эмпирические исследования, посвященные из-

мерению качества развития отдельных ПВК, нередко показывают обратную зависимость степени развития ПВК и эффективности деятельности. Медсестры исполняют свои профессиональные обязанности успешнее при низких показателях развития ряда ПВК. Так, например, Н. В. Касатикова, обследовав 290 студентов Тольяттинского медицинского колледжа, выявила, что будущие медсестры в недостаточной мере обладают милосердием и состраданием [9]. Duarte, Pinto-Gouveia, Cruz установили, что высокий уровень аффективной эмпатии может быть фактором риска для усталости от сострадания. К данному выводу ученые пришли, обследовав 280 медсестер из государственных больниц в Северном и Центральном регионах Португалии [16]. В то время как сострадание, эмпатия, милосердие считаются самыми основными ценностями в уходе за больными, эти качества, находясь на высоком или завышенном уровне, могут способствовать образованию эмоционального выгорания. Восприятие ПВК, направленных на заботу о людях, самими медсестрами и их пациентами резко отличается от идеального образа, который передают будущим медсестрам в медицинском колледже. В другой работе обследование студентов университетской школы медсестер в Барселоне выявило противоречивые взгляды студентов на заботу о пациентах. Студенты интерпретируют заботу как деятельность, которая имеет низкую ценность и которую легко можно передать другим специалистам [16].

С. А. Лысуенко и И. В. Власкина, обследовав 58 медсестер психиатрической больницы, обнаружили низкий уровень эмпатии у медсестер, объясняя это тем, что «для эффективного профессионального общения показатель эмпатийности не должен быть слишком высоким для достижения эффективной коммуникации, иначе решение других задач сестринской деятельности будет затруднено, а иногда и невозможно» [15, с. 51].

Вместе с тем профессионализм медсестры не сводится только к ПВК. Имеется распространённое мнение относительно взаимосвязи развития ПВК и профессионализма личности: стаж работы определяет разви-

тие ПВК. Но для профессии «медсестра» это правило не работает, что было доказано Quiaoit и Villanueva, исследовавшими мнения медсестер о необходимых качествах медсестры: «Количество лет ухода за больными не является фактором, влияющим на трудовые качества и усидчивость» [17]. В настоящее время существует и достаточно радикальная точка зрения, согласно которой эффективность многих видов деятельности зависит только от двух качеств – от интеллекта и мотивации [18]: «Если они представлены на высоком (или просто приемлемом) уровне, то субъект «найдет способы» для эффективной реализации деятельности – прежде всего за счет деятельности и личностно-мотивационной компенсации» (по [19, с. 177]).

Можно допустить то же самое и по отношению к профессии медсестры. Мотивационная компенсация ПВК медсестры может выступать ядром всей профессиональной деятельности, но необходимо отметить, что за представленными личностными качествами (заботливая, совестливая, мужественная и т. д.) скрыты доминирующие мотивации (нравственная мотивация – медсестра хочет помогать людям).

Наконец, конструктивность использования понятия ПВК по отношению к деятельности медсестры содержит еще одно затруднение. Если установленные экспертами ПВК для данной профессии не обнаруживаются у медсестер, а мотивация личности определяет развитие в профессиональной деятельности, то необходимо определить и изучить мотивационные ПВК, дифференциация которых произведена в работе [20], но которые пока недостаточно исследованы в литературе. При этом необходимо принимать во внимание, что даже наличие ресурсов и компетентность медицинских работников недостаточны для обеспечения желаемой организационной эффективности [21]. Это, в свою очередь, означает, что успешность труда определяется факторами, не связанными с умениями и навыками.

Luciani и др., проведя обширное исследование, посвящённое ценностям сестринского дела у студентов-медсестер (n = 970), выя-

вили, что самой важной ценностью на протяжении многих лет обучения для студентов является самотрансценденция, которая имеет мотивационный акцент на помощь другим. Если медсестра обладает мотивационными ПВК, среди которых можно выделить стремление развиваться в сестринском деле, потребность в помощи людям, готовность выполнять медицинские предназначения врача, то она станет профессионалом.

Кроме того, важно подчеркнуть, что профессия медсестры не единственная, где имеются принципиальные трудности в определении ПВК. Так, наши исследования показывают, что не всегда успешный профессионал в действительности обладает ПВК. В частности, в работе [22] показано, что эмпатия у учителей начальных классов вместе со стажем работы снижается.

Успешность овладения профессией у медсестер зависит от побудительных мотивов и методов формирования мотивации овладения будущей профессией. Студенткам – будущим медсестрам – необходима помощь в определении целей и смысла профессиональной деятельности, осознании нравственного смысла своего труда, называемого зарубежными учеными «заботливой профессией» [23].

Успешность освоения профессиональной деятельности зависит также от развития не только природных способностей, но и мотивации, образования уникальной профессиональной идентичности. Формирование мотивации у студентов-медсестер происходит по мере усвоения социального опыта в процессе обучения и практик в больницах; конечные цели обучения напрямую связаны с отношением к профессии, удовлетворенностью профессиональной деятельностью. Y. ten Hooft детально описывает исследование мотивации обучения у студентов-медсестер и дает общий анализ: «Важной внутренней мотивацией для студентов оставаться в своих программах было их страстное желание стать медсестрой, предполагая, что желательные элементы карьеры медсестры перевешивают проблемы, с которыми они сталкиваются» [7, с. 82]. Мотивация

обучения напрямую связана с восприятием будущей профессиональной деятельности, а именно с тем, как студенты представляют себе будущую роль. Grainger и Bolan провели четырехлетнее лонгитюдное исследование, посвященное динамике изменений восприятия медсестры как работника: студенты 1 курса рассматривают медсестер как хороших людей, которые чувствуют себя хорошо в том, что они делают, а студенты 4 курса более сосредоточены на профессиональных ролях медсестер, их обязанностях (по [23, с. 81]).

Профессионализация студентов-медсестер зависит от многих факторов, но решающим среди них является мотивация к обучению, которая выделяется внутренними и внешними мотивами. Y. ten Hooft обнаружила, что самыми важными годами для восприятия будущей роли у студентов являются первые 2 года обучения, т. к. в этот период совершается переход восприятия от идеалистического и эмпатического к более профессиональному с акцентом на знания, навыки и развитие своей роли [7, с. 83]. Поэтому мотивация в этот период может помочь побороть эмоциональные трудности в обучении, а ее отсутствие привести к уходу из учебного заведения.

На уровень мотивации студентов-медсестер, по мнению Y. ten Hooft, влияет «теоретико-практический разрыв»: на практике медсестры сталкиваются с неопределенностью, тревогой, стрессом из-за высоких требований к навыкам и умениям. Она заметила, что в лонгитюдной группе (n = 123) почти четверть студентов рассматривали возможность уйти из образовательной программы по Сестринскому делу и одной из причин желания студенты указывали несоразмерные доли теории, которая преобладает над практикой [7, с. 80]. Автор приводит свои рассуждения, аргументируя исследованиями других ученых: «Чтобы преодолеть этот разрыв между теорией и практикой, начинающим медсестрам необходимо не только приобрести практические навыки, но и развить свою профессиональную идентичность, чтобы лучше играть свои новые роли» (по [7, с. 14]).

3. Специфика системы профессионально-важных качеств как субъектных детерминант профессионализации медицинских сестер

Все представленные выше материалы могут быть проинтерпретированы и в более общем плане, что, в свою очередь, может способствовать установлению некоторых новых тенденций в развитии представлений о процессе профессионализации. Как можно видеть из этих материалов, профессия медсестры является типичным представителем фактически целого класса профессий, для которых характерно отсутствие четких и определенных, абсолютно необходимых профессионально-важных качеств в их традиционном понимании. Данная профессия не предъявляет каких-либо особых требований к технологической стороне организации профессиональной деятельности. Наоборот, она вполне допускает ее эффективную реализацию в широком диапазоне уровня развития практически всех индивидуальных и личностных качеств; является как бы неспецифической по отношению к какому-либо их набору. В этом плане она является очень типичной и показательной в плане общих трансформаций мира профессий. Так, хорошо известно, что суть этих трансформаций заключается в возникновении и все более широком распространении таких профессий, которые не требуют каких-либо особых и явно представленных требований к технической стороне реализации деятельности и, соответственно, к тем качествам самого субъекта деятельности, который ее осуществляет. Многие технические функции деятельности начинают реализовываться посредством адекватных их сути устройств – также технических, в роли которых чаще всего выступает компьютерная техника. Кроме того, как отмечается в литературе, и мир в целом, и мир профессий в частности становится все более безопасным; он не требует специальных качеств человека для реализации деятельности в особых и тем более напряженных, стрессовых условиях. Соответственно, также существенно меняются требования к системе качеств личности, реализующих профессиональную

деятельность. Такого рода профессии образуют в настоящее время очень обширный и постоянно, быстро расширяющийся класс видов деятельности. В него входят, например, многочисленные виды сервисной деятельности; различные виды деятельности, обеспечивающие рекреационное поведение личности; подавляющее большинство технических видов офисной деятельности; деятельность волонтерского и добровольческого типа и др. Особую категорию деятельностей, входящих в этот же класс, составляют различные виды деятельности информационного характера, реализующиеся на основе компьютерной техники. Кроме того, данный класс видов деятельности будет наиболее интенсивно развиваться и расширяться в будущем. Следовательно, анализируемая нами деятельность медсестры является типичным представителем этого особого класса, а ее исследование имеет более общее и принципиальное значение.

Из сказанного следует, что, поскольку традиционно понимаемые ПВК не играют по отношению к данному классу видов деятельности определяющей роли, то и процесс профессионализации личности, реализующей их, также не может быть раскрыт только с опорой на представления, которые сложились в парадигме, базирующейся на понятии ПВК. Профессионализация по отношению к этим видам деятельности далеко не в полной мере состоит в динамике отдельных качеств. Она, по-видимому, разворачивается в плане динамики других, но также личностных качеств. Они носят уже не технический, не операционный характер, а являются собственно мотивационными. Исходя из этого, можно заключить, что процесс профессионализации, по-видимому, состоит не столько в динамике ПВК операционного плана, сколько в изменении тех качеств, которые носят мотивационный характер. Сами мотивационные качества не только играют при этом побуждающую и динамизирующую роль, но и выступают фактически как главные детерминанты всей деятельности, определяющие как ее эффективность, так и ее процессуальные характеристики. Иначе говоря, они выступают в той же

функции, в которой для многих других деятельностей выступают собственно операционные ПВК – в роли главных детерминант их организации и реализации. Мотивация раскрывается не только как динамическая основа деятельности, но и как совокупность факторов, обеспечивающих ее техническую реализацию, то есть в качестве операционных факторов деятельности.

Из сказанного следует, что генезис психического обеспечения такого рода деятельностей (и деятельности медицинских сестер в том числе) должен предполагать исследование динамики не только операционных ПВК, но и мотивационных. Подчеркнем, что мотивационные ПВК выступают в функции главных детерминант организации деятельности. Более того, они оказывают и определяющее влияние на сами операционные ПВК, поскольку реализуют по отношению к ним компенсаторные функции. Есть основания полагать также, что наиболее конструктивным может быть сочетание в одном исследовании изучения особенностей развития обоих этих типов ПВК – операционных и мотивационных. За счет этого может быть преодолено одно из существующих ограничений традиционного подхода к ПВК, сложившегося в современной парадигме психологического анализа деятельности, – их сведение только к качествам операционного плана.

Кроме того, можно предположить, что по отношению к профессиогенетической динамике мотивационных ПВК будут соблюдаться те общие закономерности генезиса индивидуальных качеств, которые были установлены в концепции системогенеза профессиональной деятельности. Из сказанного следует, что данная концепция может быть распространена и на сферу, которая до настоящего времени оставалась недостаточно учтенной – на профессиогенетическую динамику мотивационных ПВК и мотивации в целом. Процесс профессионализации разворачивается не на уровне операционных ПВК, а на более глубинном и личностно-значимом уровне, на уровне мотивационных ПВК. Он поэтому, по-видимому, является более сложным. В частности, как следует из пред-

ставленных выше материалов, он предполагает не только развитие каких-либо мотивов деятельности, но и формирование принципиально новых профессиональных мотивационных образований – мотивационное обогащение деятельности самой личностью. Яркий пример этого, как показано выше, формирование феномена профессиональной идентичности, взятого в его мотивационной функции. Профессиональная идентичность, формирующаяся в ходе профессионализации, является сильным мотивационным фактором и даже детерминантой личностного плана, локализованной в максимальной интегративной сфере личности – в ее направленности, в данном случае профессиональной.

Подчеркнем также, что закономерности системогенетического плана, связанные с ди-

намикой субъектных детерминант профессиональной деятельности, должны быть рассмотрены на основе представленных данных в трех основных планах. Во-первых, в традиционном плане, связанном с изучением динамики операционных ПВК. Во-вторых, в плане изучения закономерностей динамики мотивационных ПВК. В-третьих, в плане исследования закономерностей взаимосвязи и взаимодействий этих групп ПВК (операционных и мотивационных) в процессе профессионализации. На наш взгляд, третий аспект является наиболее перспективным, поскольку он позволит исследовать взаимосвязи и взаимодействия этих групп важнейших субъектных детерминант профессиональной деятельности и процесса профессионализации личности.

Ссылки

1. Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/news-room/detail/07-04-2020-who-and-partners-call-for-urgent-investment-in-nurses> (дата обращения: 10.06.20).
2. Зеер Э. Ф. Психология профессий. М.: Академический проект, 2005. 336 с.
3. Поваренков Ю. П. Психология профессионального становления и реализации личности как отрасль психологической науки // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2014. № 1. С. 184–198.
4. Таусенева М. С., Доценко Е. Л. Развитие карьерной сферы: детерминанты выбора // Психология XXI века: психология как наука, искусство и призвание / под ред. А. В. Шаболтас, С. Д. Гуриевой, 2018. С. 198–208.
5. Никишина В. Б., Петраш Е. А. Изменения структуры профессиональной идентичности на разных этапах профессионализации // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 1 (64). С. 42–47.
6. Трофимова Э. В. Стратегии профессионализации студентов медицинского колледжа // Вестник медицинского института «Реавиз». 2016. № 1 (21). С. 103–109.
7. Hoeve ten Y. From student nurse to nurse professional: The shaping of professional identity in nursing: Dissertation. [Groningen]: Rijksuniversiteit Groningen, 2018. 212 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/323773006_From_Student_Nurse_to_Nurse_Professional (дата обращения: 11.06. 2020).
8. Salisu W., Ibrahim Y., Ebrahimpour F. Challenges and facilitators of professional socialization: A systematic review // Nursing Open. 6. 10.1002/nop2.341. URL: https://www.researchgate.net/publication/334488315_Challenges_and_facilitators_of_professional_socialization_A_systematic_review (дата обращения: 11.06. 2020).
9. Касатикова Н. В. Способность к милосердию как профессиональное качество будущих медсестер // Медицинская сестра. 2011. № 3. С. 23–24.
10. Шадриков В. Д. Психология деятельности и способности человека. М.: Логос, 1996. 320 с.

11. Богачева Е. В. Профессионально важные качества медицинских сестер // Среднее профессиональное образование. 2011. № 7. С. 65–67.
12. Соломин И. Л. Современные методы психологической экспресс-диагностики и профессионального консультирования. М.: Речь, 2006. 279 с.
- 13 Why is it so hard to consider personal qualities when selecting medical students? / D. Powis [et al] // Medical Teacher. 2019. V. 42. P. 1–6.
14. Temperament and professional quality of life among Japanese nurses / К. Tanaka // Nursing Open. 2020. 7. P. 700–710. URL: https://www.researchgate.net/publication/339030296_Temperament_and_professional_quality_of_life_among_Japanese_nurses (дата обращения: 14.06. 2020).
15. Лысуенко С. А., Власкина И. В. Диагностика коммуникативной компетентности как профессионально важного качества медицинских сестер психиатрического профиля // Педагогическое образование в России. 2015. № 2. С. 48–53.
16. Duarte J. & Pinto-Gouveia J., Cruz B. Relationships between nurses' empathy, self-compassion and dimensions of professional quality of life: A cross-sectional study // International Journal of Nursing Studies. 2016. V. 60. P. 10–16.
17. Quiaoit R., Villanueva J. (2020). Nursing Service Personnel's Work Perseverance Vis a Vis Work Attributes. Thesis for: Master of Arts in Nursing. URL: https://www.researchgate.net/publication/342510196_Nursing_Service_Personnel%27s_Work_Perseverance_Vis_a_Vis_Work_Attributes (дата обращения: 10.07. 2020).
18. Marañón A., Isla P. Contradictory views of nursing care among students at the end of their nursing education // Journal of Advanced Nursing. 2016. 73. URL: https://www.researchgate.net/publication/306522459_Contradictory_views_of_nursing_care_among_students_at_the_end_of_their_nursing_education (дата обращения: 10.07. 2020).
19. Карпов А. В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 744 с.
20. Карпов А. В. Психология деятельности: в 5 т. М.: Изд. дом РАО, 2015.
21. Sojow L., Wajong A., Sangi N. (2018). Vocational Students' Motivation for Professional Skills. URL: https://www.researchgate.net/publication/323338755_Vocational_Students_27_Motivation_for_Professional_Skills (дата обращения: 10.07. 2020).
22. Карпова Е. В., Коптева С. И. Формирование у будущих педагогов эмпатии как профессионального качества // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 2. С. 114–121.
23. Konuk T., Tanyer D. Investigation of Nursing Students' Perception of Caring Behaviors // Journal of caring sciences. 2019. V. 8. P. 191–197.

Theoretical and applied issues of professional masterliness of the district police officer of Russian Federation and Socialist Republic of Vietnam

L. N. Kostina¹, Pham Viet Khoa¹

¹Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot, 12 Akademika Volgina str., Moscow 117997, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article discusses the issues of professional masterliness of district police officer, whose activity are aimed at solving the most important state task of Russian Federation and Socialist Republic of Vietnam - the prevention of crimes and administrative offenses. The results of the study suggest that professional masterliness of district police officer is high and constantly improved level of professionalism, which ensures high efficiency in prevention of offenses and crimes in ordinary and difficult situations, satisfaction with their own and cooperative activity and self-respect. The practical significance of the study lies in the fact that in modern conditions of confrontation and provocation by citizens it is necessary to conduct additional practice-oriented exercises with district police officers aimed at improving skills: self-presentation in certain situations of relationships; professional communication with various categories of people, taking into account their ethnocultural, confessional, individual psychological differences; providing legitimate psychological and preventive impact on citizens.

Keywords: district police officer; professionalism; professional masterliness; professional self-consciousness; efficiency of activity; preventive activity; communication skills; self-presentation

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kostina Lyubov N. | E-mail: kostin62@mail.ru
Doctor Sc. (Psychology), Associate Professor, Police Colonel

Pham Viet Khoa | E-mail: khoapham2107@gmail.com
Postgraduate student

Теоретико-прикладные вопросы профессионального мастерства участкового уполномоченного полиции Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам

Л. Н. Костина¹, Фам Вьет Кхоа¹

¹Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, ул. Академика Волгина, д. 12, Москва, 117997, Российская Федерация

УДК 159.9
Научная статья

В статье рассматриваются вопросы профессионального мастерства участкового уполномоченного полиции, чья деятельность направлена на решение важнейшей государственной задачи Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам – предупреждение преступлений и административных правонарушений. Результаты исследования позволяют утверждать, что профессиональное мастерство участкового уполномоченного полиции – это высокий и постоянно совершенствуемый уровень профессионализма, который обеспечивает высокую результативность профилактики правонарушений и преступлений в обычных и затрудненных ситуациях, удовлетворенность собственной и совместной деятельностью, чувством уважения к себе. Практическая значимость исследования заключается в том, что в современных условиях противостояния и провокаций со стороны граждан необходимо проводить с участковыми уполномоченными полиции дополнительные занятия, направленные на совершенствование навыков: самопрезентации имиджа в определенных ситуациях взаимоотношений; профессионального общения с различными категориями лиц с учетом их этнокультурных, конфессиональных, индивидуально-психологических различий; оказания правомерного психологического и профилактического воздействия на граждан.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции; профессионализм; профессиональное мастерство; профессиональное самосознание; эффективность деятельности; профилактическая деятельность; коммуникативные навыки; самопрезентация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Костина Любовь Николаевна | E-mail: kostin62@mail.ru
Доктор психологических наук, доцент

Фам Вьет Кхоа | E-mail: khoapham2107@gmail.com
Адъюнкт

Профилактика преступлений в Российской Федерации и Социалистической республике Вьетнам является одной из важнейших государственных задач, стоящих перед органами государственной власти, органами внутренних дел, общественными организациями и иными субъектами. Административно-профилактическая функция в наибольшей степени выражена в деятельности участковых уполномоченных полиции указанных государств, цель которой заключается в предупреждении и пресе-

чении преступлений и административных правонарушений.

Как показывают результаты служебной деятельности участковых уполномоченных полиции, в профилактической работе имеются определенные противоречия между требованиями со стороны государства, современного общества и недостаточной подготовленностью сотрудников полиции к выполнению профилактических мер, в том числе недостаточным уровнем развития коммуникативных навыков и способностей. Исходя из этого, можно выделить

наиболее важную проблему профессиональной деятельности участковых уполномоченных – развитие профессионального мастерства сотрудников с помощью психологических методов и приемов.

В советской и российской психологии проблема становления специалиста как профессионала рассматривается в работах Е. А. Климова, Е. Ф. Зеера, А. К. Марковой, Г. С. Никифорова, Н. С. Пряжников и др. Особенности профессиональной деятельности в органах внутренних дел, а также требования к личности и профессиональному мастерству сотрудников полиции представлены в работах В. Л. Васильева, Е. А. Козловской, В. И. Коваленко, В. Я. Кикотя, И. Б. Лебедева, А. М. Столяренко, В. Л. Цветкова и др. Несмотря на то что в настоящее время опубликовано достаточно много работ, посвящённых проблеме профессионального становления, к настоящему времени не изучалась проблема профессионального мастерства участковых уполномоченных полиции. Поэтому в рамках проводимого исследования представим обобщение теоретических основ и практической значимости профессионального мастерства участкового уполномоченного полиции Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам.

Теоретическое изучение проблемы становления профессионала и профессионального мастерства начинается с понимания профессионального самосознания применительно к личности как субъекту деятельности. Отношение к себе как к профессионалу выступает важнейшей составляющей самосознания человека, а его развитие происходит в процессе профессионального обучения и профессиональной подготовки, а также в процессе овладения профессиональным мастерством. Развитие профессионального самосознания – это один из ключевых моментов становления профессионализма. По мнению Ю. М. Орлова, именно профессиональное самосознание личности выступает главным источником и механизмом профессионального развития и совершенствования [1, с. 61]. Рассуждая о развитии самосознания как условия выработки индивидуального стиля деятельности, Е. А. Климов подчеркивает, что профессиональное самосознание есть основное условие определения человеком планов при выборе профессии, а также важный критерий подготовленности специалиста. Поэтому

изучение профессиограмм отдельных категорий сотрудников органов внутренних дел включено в программы юридико-психологических дисциплин образовательных организаций высшего образования МВД России. Знакомство курсантов образовательных организаций с видами деятельности и профессионально-важными качествами сотрудников органов внутренних дел является основополагающим этапом развития их профессионального самосознания.

В работах А. К. Марковой профессиональное самосознание рассматривается как интегративная характеристика личности, которая включает: 1) осознание человеком правил, норм, модели своей профессии как образцов для осознания своих качеств; 2) осознание этих качеств у других людей, сопоставление себя с профессионалом средней квалификации; 3) понимание ожиданий и оценок себя как профессионала со стороны окружающих; 4) самостоятельное оценивание своих свойств по эмоциональным, когнитивным и поведенческим критериям; 5) позитивное оценивание человеком самого себя в целом, установление своих положительных качеств, перспектив формирования позитивной «Я-концепции» [2, с. 44]. Кроме того, А. К. Маркова связывает профессиональное самосознание с развитием профессионализма и выделяет следующие условия, определяющие становление профессионала: адекватную самооценку; представление человека о профессии; готовность к дифференцированной оценке своего профессионализма, критерии оценки человеком самой профессии, профессионализма в ней и критерии оценки профессионала в себе [3, с. 255].

Анализ энциклопедических изданий показывает, что мастерство трактуется как «большое умение, искусство в какой-либо области» [4, с. 235]. Под профессиональным мастерством понимается психическое новообразование, проявляющееся в высоком уровне развития знаний, навыков, умений, профессионально важных качеств личности, обеспечивающих ее успех в данной профессиональной деятельности [5, с. 60]. Кроме того, в исследованиях по психологии труда отмечаются следующие признаки профессионального мастерства: 1) необходимый компонент профессионального развития личности; 2) высокая производительность труда, получение продукта труда, соответствующего требованиям профессии и социума; 3) высокая и постоянно совершенствуемая степень овладения

определенным видом профессиональной деятельности; 4) профессиональная самостоятельность, культура труда и творческое отношение к труду.

В понимании А. К. Марковой профессиональное мастерство есть высший уровень профессионализма, который имеет две сферы (стороны): мотивационную и операциональную [3, с. 49–52]. Первая представляет собой сложную иерархическую систему мотивов личности в профессиональной деятельности, а также самооценку и уровень притязаний, профессиональную позицию, профессиональное самоопределение специалиста. Операциональная сфера включает в себя профессиональные знания, навыки, умения и профессионально важные качества, необходимые для реализации сформированных мотивов и успешного решения трудовых задач. Разнообразие профессионально важных качеств порождает проблему их интеграции как гармонизации личности с профессиональной деятельностью.

Схожее мнение в вопросе о профессиональном мастерстве высказывает А. С. Дружилов, который утверждает, что развитие профессионального мастерства субъекта деятельности требует повышения его профессионализма до более высокого уровня. В трехуровневой системе оценки уровня профессионализма он выделяет самый высший – уровень профессионального мастерства, который отличается гармонизацией между личностью и профессией, индивидуальным стилем деятельности как интеграции профессионально важных качеств, развитых социально-значимых мотивов и сформированных ценностных ориентаций личности.

Многие ученые отмечают немаловажный признак профессионального мастерства – длительность и непрерывность занятия профессиональной деятельностью, а также эффективность деятельности, т. е. когда профессиональные задачи выполняются специалистом оптимальным путём не только в обычных ситуациях, но и в затруднённых ситуациях, и ситуациях неопределённости, требующих проявления высокого уровня профессионализма. В психологии «эффективность» чаще всего связывают с высшей степенью достижения поставленной цели, минимальными затратами времени и усилий, чувством удовлетворенности трудом. Удовлетворенность трудом включает удовлетворенность

собственно работой, материальным обеспечением, профессиональной карьерой, руководством, коллективом и условиями работы. Расширяя эти представления, А. Бандура связывает эффективность деятельности с субъективными характеристиками – чувством уважения человека к самому себе, его высокой самооценкой и уверенностью в своей компетентности. Обобщая указанные признаки, под «эффективностью профессиональной деятельности» будем понимать высокую результативность в обычных и затруднённых ситуациях, максимальную удовлетворенность собственным и совместным трудом и чувством уважения к себе.

Профессиональное мастерство сотрудников органов внутренних дел рассматривается в юридической психологии как специфическая сторона подготовленности специалиста-личности к профессиональной деятельности, высокая степень его профессиональной обученности, позволяющая компетентно решать профессиональные задачи [6, с. 128–129]. Обозначим основные задачи, которые решают участковые уполномоченные полиции Российской Федерации и их коллеги из Социалистической Республики Вьетнам. Анализ нормативных правовых документов позволяет утверждать, что, согласно приказу МВД России от 29.03.2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности», участковый уполномоченный обязан выполнять следующие задачи: 1) профилактический обход; 2) приём граждан; 3) рассмотрение обращений граждан; 4) индивидуальную профилактическую работу; 5) отчёт перед населением о проделанной работе. Близкие функции возложены и на участковых уполномоченных полиции Социалистической Республики Вьетнам. Согласно приказу Министерства общественной безопасности Вьетнама от 10.02.2015 г. № 9 «Об организации деятельности участкового уполномоченного полиции», основными задачами участкового уполномоченного полиции Вьетнама являются: 1) обслуживание граждан в закрепленной территории по вопросам обеспечения общественного порядка и профилактики правонарушений; 2) контроль за соблюдением закона лицами, состоящими под административным надзором; 3) содействие при выполнении служебных задач в пределах своей компетенции; 4) адми-

нистративно-профилактическая работа; 5) составление протоколов об административных правонарушениях.

Очевидно, что выполнение перечисленных служебных задач обеспечивается коммуникативными способностями, навыками и профессионально важными качествами личности. Другими словами, профессиональное мастерство участковых уполномоченных полиции связано с их уровнем подготовленности к эффективно-му взаимодействию с населением. В этой связи согласимся с мнением А. М. Столяренко об установлении связи между психологическими средствами и успешностью профессиональной деятельности. Поэтому участковому уполномоченному полиции необходимо овладеть психологическими приемами и способами и применять их там и тогда, «когда это нужно и даст улучшенный практический результат» [6, с.16].

Психологический анализ служебной деятельности и общения участковых уполномоченных полиции Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам позволяет говорить, что они часто встречаются с противоборством и провокациями со стороны граждан. Это связано не только с тем, что у таких граждан есть что скрывать, но и с негативным восприятием сотрудников определенной категорией граждан (освобожденными из пенитенциарных учреждений, склонными к совершению правонарушений и преступлений, маргинальными лицами, а также лицами, ведущими аморальный образ жизни и др.). Для преодоления таких стереотипов восприятия сотрудники полиции должны создавать позитивный образ в глазах граждан. Согласно теории управления впечатлениями (Э. Гроффман), человек сам создает и творит свой образ, чтобы выразить символические значения, с помощью которых производит хорошее впечатление на других. В этой связи подчеркнем роль самопрезентации имиджа участковых уполномоченных полиции во взаимоотношениях с населением, которая должны быть направлена на повышение авторитета и доверия. Поэтому в Федеральном законе от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» закреплён один из основополагающих принципов деятельности полиции – обеспечение общественного доверия к себе и поддержке граждан (п. 5.9). Речь идёт о доверии граждан, которое можно заслужить участковому как результатами профилактической работы

на административном участке, так и внешним демонстрируемым образом, манерой поведения, уважительным отношением к людям, морально-волевыми, коммуникативными и иными профессионально важными качествами.

В своих работах А. М. Столяренко подчеркивал, что эффективность выполнения сотрудником своих функциональных обязанностей во многом зависит от того, насколько грамотно сотрудник использует психологические приемы и методы общения. А профессиональное общение он понимал как вид деятельности сотрудников, направленный на решение профессиональных задач и состоящий из «профессионально-психологических действий, которые отличаются “психологическими задачами и осуществляются психологическими средствами, приемами и методами”» [7, с. 285]. Следуя профессиографическому описанию деятельности участковых уполномоченных полиции, отметим обеспечивающую функцию коммуникативной деятельности. Участковый уполномоченный полиции должен владеть коммуникативными умениями: устанавливать психологический контакт и доверительные отношения с различными категориями граждан с учетом этнокультурных, конфессиональных, индивидуально-психологических различий; гибко использовать коммуникативные приемы, средства и методы; разрешать конфликтные ситуации, преодолевать противоборство со стороны граждан и пр. [8, с. 28–30]. Указанные коммуникативные умения способствуют оказанию психологического и профилактического воздействия на граждан, позволяют проводить правовоспитательные мероприятия с гражданами, а также несовершеннолетними, состоящими на учете, их родителями/законными представителями, осуществлять приём граждан, отчитываться перед населением. Кроме того, коммуникативная подготовленность и грамотность используемых психологических приемов, средств и методов влияет на успешность установления и поддержания деловых контактов со своими коллегами, сотрудниками ПДН, сотрудниками оперативных, следственных подразделений и подразделений дознания, с руководством и представителями образовательных, общественных организаций. Полагаем, что опыт эффективной профилактики правонарушений и преступлений за счет успешного взаимодействия участкового с гражданами, коллегами и представителями других

субъектов профилактики можно рассматривать как внешнее проявление его профессионально-го мастерства.

С учётом сказанного стоит отметить, что профессиональный опыт участкового уполномоченного объединяет не только умение управлять собственным впечатлением и навыки самопрезентации себя как профессионала, уверенного в себе и выполняемых им служебных обязанностях, но и коммуникативные умения и способности. Совокупность этих составляющих опыта сотрудников обеспечивают управление людьми (гражданами, коллегами, должностными лицами) в процессе непосредственного общения, а также оказание психопрофилактического воздействия на определенные категории граждан. Очевидна прикладная составляющая рассматриваемой проблемы – в современных условиях противоборства и провокаций со стороны граждан необходимо проводить с участковыми уполномоченными полиции дополнительные практико-ориентированные занятия, направленные на совершенствование профессиональных навыков и профессионально важных качеств: 1) самопрезентации имиджа в определенных ситуациях взаимоотношений (приём граждан, профилактическая беседа, выступление перед населением) и складывающейся оперативной обстановки в административном участке; 2) профессионального общения в указанных ситуациях и с различными категориями лиц с учетом их этнокультурных, конфессиональных, индивидуально-психологических различий; 3) оказания правомерного психологического и профилактического воздействия на граждан с использованием психологически выверенных средств, приемов методов.

Подобные занятия целесообразно проводить психологам во взаимодействии с руководителями подразделений, осуществляя мониторинг профессионального общения и сопоставляя с эффективностью профилактической деятельности участковых уполномоченных полиции.

Подводя итоги, отметим, что теоретический анализ научной литературы, идей и подходов в психологии и психологии труда, нормативных правовых документов позволяет сформулировать авторское определение: профессиональное мастерство участкового уполномоченного полиции – это высокий и постоянно совершенствуемый уровень профессионализма и интеграции его мотивационной и операциональной сторон, который обеспечивает высокую результативность профилактики правонарушений и преступлений в обычных и затрудненных ситуациях, удовлетворенность собственной и совместной деятельностью, чувством уважения к себе. Задача психологов и руководителей образовательных организаций и самого участкового уполномоченного заключается в совершенствовании навыков самопрезентации профессионального имиджа, коммуникативных навыков, грамотного применения психологических средств, приемов и методов психологического и профилактического воздействия на различные категории граждан с учетом их этнокультурных, конфессиональных, индивидуально-психологических различий, изменяющейся оперативной обстановки. Решение этих задач призвано повысить авторитет и доверие граждан, эффективность профессиональной деятельности участковых уполномоченных полиции Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам.

Ссылки

1. Орлов Ю. М. Восхождение к индивидуальности: книга для учителя. М.: Просвещение, 1991. 287 с.
2. Маркова А. К. Психология труда учителя: книга для учителя. М.: Просвещение, 1993. 192 с.
3. Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: Знание, 1996. 312 с.
4. Словарь русского языка: в 4 т. М., 1985–1988. Т. 2. 736 с.
5. Акмеологический словарь. 2-е изд. / под общ. ред. А. А. Деркача. М.: РАГС, 2005. 161 с.
6. Прикладная юридическая психология: учебное пособие для вузов / под. ред. А. М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 639 с.
7. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. проф. А. М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. 607 с.
8. Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел: учебное пособие для студентов вузов / В. Л. Цветков и др. / под ред. И. А. Калиниченко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2017. С. 28- 30.

The interrelation of worldview and The decision-making style

A. S. Melnichuk¹

¹Russian Presidential Academy of National Economy and the Public Administration, 82 Vernadsky Ave., Moscow 119571, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The worldview is considered as a determinant of the decision-making style, which allows subjectively reducing the level of uncertainty in a situation of choice. It is revealed that basic beliefs of managers affect the level of authoritarianism of managerial decisions and the degree of involvement in a problem situation that requires a decision. Basic beliefs are also associated with decisiveness of choice, orientation towards rational and intuitive decisions and willingness to seek only the best solutions)

Keywords: worldview; basic beliefs; decision-making style; managers

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Melnichuk Andrey S. | E-mail: melnichook@rambler.ru
Candidate Sc. (Psychology), Associate Professor

Взаимосвязь картины мира и стиля принятия решений

А. С. Мельничук¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, проспект Вернадского, 82, стр. 1, Москва, 119571, Российская Федерация

УДК: 159.9.072.432

Научная статья

Картина мира рассматривается как детерминанта стиля принятия решений, позволяющая субъективно снижать уровень неопределенности ситуации. Выявлено, что базисные убеждения руководителей влияют на уровень авторитарности управленческих решений и степень вовлечения в проблемную ситуацию, требующую решения. Также базисные убеждения связаны с решительностью осуществления выбора, ориентациями на принятие рациональных и интуитивных решений и на готовность искать только наилучшие варианты решения

Ключевые слова: картина мира; базисные убеждения; стиль принятия решений; руководители

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мельничук Андрей Степанович | E-mail: melnichook@rambler.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Постановка проблемы

Принятие решений занимает особое место в структуре управленческой деятельности как компонент, выступающий по отношению к остальным управленческим функциям в качестве «своеобразного механизма их осуществления» [1, с. 129]. Принятие решений по своему психологическому статусу относится к интегральным процессам регуляции деятельности и отличается «синтетичностью» состава (в нем в той или иной соотношении «сопрягаются» основные феномены психики – когнитивные, эмоциональные, мотивационные и т. д.) [1, с. 331]. Поэтому именно в принятии решений ярко проявляется индивидуальность руководителя, а формой её проявления выступает стиль реализации данного процесса.

Эмпирическое изучение стиля принятия решений (в особенности в сфере управления) пока представлено достаточно небольшим числом специальных работ. В них внимание исследователей привлекали выраженность стилей в конкретной выборке, возрастные и гендерные особенности стиля принятия управленческих решений и его связь с чертами характера, соотношение предпочтений в принятии решений с особенностями когнитивной сферы [2, 3, 4]. При этом важным становится включение в анализ иных детерминант и, в частности, обращение к такому феномену, как картина (образ) мира. Эти понятия могут трактоваться по-разному в зависимости от позиции конкретного автора, однако в содержательном плане они чаще всего определяются друг через друга [5, с. 247; 6,

с. 240–241]. Поэтому мы рассматриваем данные термины как синонимичные и применимые для обозначения системы наиболее общих представлений человека о себе и окружающей реальности (социальной и природной).

Можно выделить несколько «точек соприкосновения» феноменов стиля и картины мира. Во-первых, оба они являются достаточно устойчивыми явлениями, ярко характеризующими человека как личность и профессионала. В свете этого нам представляется важным тезис о том, что одной из детерминант стиля является «активный выбор человеком ценностей и смыслов» [7, с. 61] (а такой выбор тесно связан со спецификой взгляда на мир).

Во-вторых, стиль принятия управленческих решений выступает одним из аспектов стиля управления, хотя и «обладает по отношению к нему относительной независимостью и самостоятельностью» [8, с. 80, 81]. В свою очередь, стиль жизни рассматривается как «функция», в число «аргументов» которой входит стиль руководства [7, с. 255], а картина мира по своей общности как раз и соотносится именно с особенностями человека как субъекта жизни в целом.

В-третьих, стиль как психологический феномен является «универсальной психологической системой адаптации человека в среде» [7, с. 245]. Отметим, что одной из характерных черт среды управления считается неопределенность (полное или частичное отсутствие необходимых данных, их неоднозначность или ненадежность). При этом «справиться» с неопределенностью за счет расширения и уточнения информационной базы решения часто невозможно вследствие дефицита времени на сбор и осмысление данных. Помимо этого, руководитель часто имеет дело с ситуациями, которые характеризуются большим количеством управляемых объектов и влияющих на них факторов; высокой вариативностью и динамичностью параметров управляемой системы и среды деятельности; «сетевидным» взаимовлиянием между этими объектами и факторами [9]. Это создает «нео-

пределенность результата» (даже если в момент принятия решения информация о проблеме была весьма точной и полной).

В этих условиях важным фактором устойчивости руководителя к неопределенности становится его способность субъективно дополнять («компенсировать») недостающие данные («реконструировать отсутствующие сведения») [1, с. 282, 322]. Основанием такого дополнения может служить картина мира, в которой «сформировались механизмы, работающие как на снятие неопределенности, так и на нейтрализацию негативных следствий абсолютной определенности» [10, с. 101]. В данном контексте методологически значимым является тезис о том, что образ мира «по своей природе носит прогностический характер, т. е. отражает не столько состояние дел в данный момент, сколько прогноз на близкое (для поверхностного уровня) или более далекое (для глубинных уровней) будущее». При этом в ряде случаев субъективная степень достоверности гипотезы о мире может быть крайне высокой, когда «мы даже не удосуживаемся проверить верность своих ожиданий» [11, с. 8]. Соответственно, стремясь субъективно снизить неопределенность, человек при принятии решений может в той или иной степени опираться на содержащиеся в картине мира «само собой разумеющиеся» положения.

Распространенным подходом к содержанию картины мира является её рассмотрение с точки зрения базисных убеждений – «имплицитных, глобальных, устойчивых представлений индивида о мире и о себе, оказывающих влияние на мышление, эмоциональные состояния и поведение человека» [12, с. 98]. Роль убеждений личности в восприятии неопределенности и риска отмечается зарубежными исследователями [13, 14]. В отечественных работах затрагивалась роль базисных убеждений как фактора толерантности к неопределенности [15, с. 111–113; 16, с. 15–16] и отношения к инновациям (как действиям, предполагающим неопределенность и риск) [17]. Однако нами не было найдено исследо-

ваний, где стиль принятия решений рассматривался бы в контексте картины мира. Это делает актуальным выявление наличия и характера взаимосвязи указанных феноменов. Получение таких данных стало одной из задач исследования, проведенного автором совместно с П. В. Ивановой.

Методы исследования

Для выявления особенностей картины мира применялась «Шкала базисных убеждений» Р. Янофф-Бульман в модификации М. А. Падун и А. В. Котельниковой [12]. Диагностика стилевых особенностей принятия решений осуществлялась с помощью нескольких инструментов. Во-первых, это методика «Стиль принятия управленческих решений», позволяющая выявить отношение руководителя к ситуации принятия решений («вовлеченности в проблемную ситуацию») и привлечению к данному процессу подчиненных («властность») [3]. Во-вторых, это методика «Диагностика процесса и качества принятия решений», диагностирующая уровень предпочтения различных типов принятия решения (рационального, интуитивного, на основе суждения) и выраженность типов мотивации принятия решения (достижение или избегание неудачи) [7].

В-третьих, значимым стилевым показателем мы считаем предпочитаемое соотношение временных ресурсов, выделяемых на этапы анализа ситуации и формулировку альтернатив и на оценку и доработку вариантов решения. Для оценки данного аспекта автором статьи было разработано специальное задание (участников опроса просили выбрать оптимальное с их точки зрения распределение времени между этими этапами, принимая все время на принятие решения за 100%). В состав инструментария был включен разработанный автором пилотный вариант опросника «Стилевые особенности принятия решений» (СОПР). Он предполагал оценку респондентом ряда высказываний, отражающих параметры стиля принятия решений, присутствующие в зарубежных диагностиче-

ских методиках [18, 19]. Также респондентов просили оценить с помощью шкалирования, в какой степени понятие «Принятие управленческого решения» связано с понятиями, обозначающими ряд ценностей и эмоций. В исследовании приняли участие 87 респондентов (72 руководителя и 15 специалистов, ранее занимавших управленческие должности или имеющих опыт руководства людьми).

Анализ результатов исследования

Исследование показало, что выраженность авторитарности («властности») в принятии решений обратно коррелирует с убежденностью в доброжелательности мира ($r=-0,298$; $p=0,005$). Поэтому одной из детерминант формирования такой стилевой черты может выступать восприятие своих подчиненных как тех, от кого с большой вероятностью можно «ждать подвоха» и, в силу этого, кого стоит «держат на расстоянии». Это ярко демонстрирует, например, прямая корреляция уровня властности со степенью согласия с пунктом шкалы доброжелательности мира: «Мне кажется, что, если я буду откровенен с людьми, они используют это против меня» ($r=0,407$; $p=0,001$). При этом речь идет не просто о взаимосвязи, но о значимом влиянии рассматриваемого убеждения на стилевую параметр ($b^*=-0,417$; $p=0,001$).

Полноценному включению управленца в требующую решения ситуацию способствует базисное убеждение в возможности контролировать происходящее ($r=0,391$; $p=0,0002$), причем его воздействие на указанную стилевую особенность является значимым ($b^*=0,364$; $p=0,003$). Уверенность в способности справиться с трудностями «по мере их поступления» и скорректировать негативное развитие событий дает возможность обращать меньше внимания на пробелы в информационном обеспечении решения и действовать по принципу «иду на грозу» (даже если точных данных о развитии ситуации недостаточно). Уровень выраженности убеждения в контроле выступает своеобразным «фильтром», вследствие которого неопре-

деленность будет восприниматься как «шанс» или же как «опасность».

Склонность руководители активно «продуцировать» ситуации принятия решения логично сочетается с базисным убеждением в ценности своего «Я» ($r=0,265$; $p=0,014$). Позитивное самоотношение позволяет не переживать по поводу влияния возможных ошибок на самооценку или имидж в глазах окружающих. Это подтверждается тем, что данное убеждение обратно коррелирует со степенью согласия с пунктом опросника СОПР: «Прежде чем принять решение надо подумать о том, одобряют ли этот выбор другие люди» ($r=-0,378$; $p=0,005$). Уверенность в себе позволяет управленцу не искать информационной или иной поддержки окружающих, а также меньше задумываться о возможной реакции людей, несогласных с его выбором (т. е. реализовать «самостоятельный» стиль принятия решений).

Если рассматриваемое убеждение не сформировано, то ситуация неопределенности становится психотравмирующей (так у следователей была выявлена обратная связь выраженности убеждения в ценности своего «Я» и общего уровня стресса) [20, с. 29]. В этом плане интересны полученные нами данные шкалирования. Оказалось, что чем менее выражены убеждения в доброжелательности мира и справедливости, тем в большей степени понятие «Принятие управленческого решения» ассоциируется со страхом ($r=-0,221$; $p=0,042$ и $r=-0,232$; $p=0,033$ соответственно).

Роль убеждений в контроле и о своем «Я» в детерминации «решительного» стиля принятия решений подтверждается данными опросника СОПР. Выраженность этого убеждения коррелируют с согласием с пунктами: «Я долго не колеблюсь, когда я должен принять решение» ($r=0,343$; $p=0,009$ и $r=0,512$; $p=0,0001$ соответственно) и «Я трачу много времени, убеждая себя, что принятое мной решение было правильным» ($r=-0,407$; $p=0,002$ и $r=-0,328$; $p=0,013$ соответственно). Убеждение в контроле также связано с приняти-

ем респондентами пунктов: «При принятии решений я достаточно легко могу сделать выбор даже между примерно равными альтернативами» ($r=0,350$; $p=0,008$) и «Мне трудно выбрать какой-либо вариант решения, даже если я собрал все необходимые данные» ($r=-0,348$; $p=0,010$).

Рассматривая взаимосвязи базисных убеждений и стиля принятия управленческих решений, важно учитывать, что длительная реализация определенных стилевых предпочтений способна в определенной мере модифицировать картину мира. С одной стороны, уровень властности значительно обратно влияет на представления о доброжелательности мира ($b^*=-0,268$; $p=0,013$). Следствием предпочтения руководителем авторитарных методов работы с подчиненными и склонности к «замыканию» принятия решений только на себя с высокой вероятностью становится неприятие такого проведения сотрудниками. Оно интерпретируется руководителем как негативизм по отношению к нему лично и отсутствие лояльности (формируя или усиливая убежденность во враждебности мира).

С другой стороны, ориентация на активное поведение в проблемной ситуации прямо влияет на убеждения в контроле ($b^*=0,468$; $p=0,00001$), позитивности образа «Я» ($b^*=0,382$; $p=0,0003$) и удаче ($b^*=0,225$; $p=0,038$). Высокие показатели склонности к продуцированию решений с большой вероятностью отражают успешность (по крайней мере, субъективную) такого поведения. Она становится источником все большего ощущения своей самоэффективности, веры в удачу и позитивного самовосприятия.

Проведенный анализ показал, что базисные убеждения руководителей связаны и с предпочтениями в способе принятия решений. Так, склонность к рациональному принятию решений прямо коррелирует с убежденностью в позитивности своего «Я» ($r=0,294$; $p=0,007$) и в контроле ($r=0,228$; $p=0,038$). Первая взаимосвязь может объясняться тем, что позитивность самоотношения снижает

психологическую цену неудачи при принятии решений, а благоприятное эмоциональное состояние способствует продуктивному детальному анализу ситуации. Возможна и обратная интерпретация данной корреляции. Склонность собирать наиболее полную информацию о ситуации и тщательное рассмотрение вариантов действий во многих случаях является залогом успешности в принятии решений, а она усиливает восприятие себя как умелого руководителя. Вторая взаимосвязь, вероятно, обусловлена тем, что характерная для рационального принятия решения склонность детально анализировать каждую ситуацию на основе логики и учитывать возможные варианты её изменения во многом является и основой убеждения в способности контролировать происходящие события.

Отметим, что ряд стилей, не имея значимой связи со шкалами методики Р. Янофф-Бульманн, тем не менее коррелирует с её отдельными пунктами. Достаточно интересно, что склонность к принятию решений на основе суждения прямо связана с пунктом шкалы убеждений об образе «Я» «У меня есть основания быть о себе невысокого мнения» ($r=0,301$; $p=0,006$). Можно предположить, что склонность принимать решения на основе опыта действий в сходных ситуациях может служить своеобразной попыткой защитить свое «Я» от возможных неудач (если прежние действия были субъективно эффективными). Кроме того, рассматриваемая корреляция может отражать недоверие респондента своей способности рационально проанализировать конкретную ситуацию (в пользу этого свидетельствует сильная обратная корреляция предпочтения рациональных решений и решений, основанных на суждении – $r=-0,713$; $p=0,00001$).

Согласие с пунктом шкалы убеждения о контроле – «Сомневаюсь, что я в состоянии контролировать события, которые происходят в моей жизни» – обратно коррелирует со стремлением принимать решения, исходя из мотивации достижения ($r=-0,230$; $p=0,035$).

Вероятно, такие сомнения субъективно повышают вероятность неудачи и ориентируют в большей степени на их избегание. Также указанная мотивация принятия решений обратно связана с пунктом: «Мне кажется, что, если я буду откровенен с людьми, они используют это против меня» шкалы «Доброжелательность мира» ($r=-0,218$; $p=0,047$). Недоверие к людям препятствует привлечению интеллектуальных и профессиональных ресурсов сотрудников к принятию решений, тем самым повышая вероятность ошибок. Соответственно, руководитель с таким убеждением будет менее эффективным в принятии решений и, вероятно, не будет ставить для них «высокую планку».

Характеризуя стилевые предпочтения в отношении этапов принятия решения, отметим прямую корреляцию выраженности убеждения о контроле со склонностью в процессе принятия решения выделять больше времени на этап анализа ситуации и выработки альтернатив (и меньше – на оценку и коррекцию выдвинутых вариантов) ($r=0,286$; $p=0,036$). Вероятно, всесторонний учет обстоятельств и формулировка вариантов решения, учитывающих малейшие нюансы, субъективно выступает как значимый фактор ощущения контроля над ситуацией.

Применение авторского опросника показало, что выраженность базисного убеждения в справедливости мира прямо коррелирует с согласием с пунктами: «Выбирая вариант решения, следует остановиться только тогда, когда вы будете уверены, что найти лучшую альтернативу невозможно» ($r=0,310$; $p=0,020$) и «Я готов искать наилучший вариант решения, независимо от того, сколько времени и сил это займет» ($r=0,282$; $p=0,034$). Соответственно, одним из факторов использования «максимизаторского» стиля является представление о том, что затрата сил на поиск лучшего решения окажется «рентабельной» (принесет сопоставимые с усилиями результаты или будет справедливо оценена окружающими).

Убеждение в удаче имело значимые связи с пунктами, отражающими предпочтение интуиции как основы принятия решений: «Принимая решения, я склонен использовать свою интуицию больше, чем логический анализ» ($r=0,293$; $p=0,027$) и «При принятии решений я скорее опираюсь на логику, чем на интуицию» ($r=-0,407$; $p=0,002$). Уверенность, что события сложатся «счастливым образом», позволяет субъекту доверять интуиции и «не заморачиваться» детальной проработкой решения. Одновременно представление руководителя в том, что «ему повезет», снижает вероятность колебаний при принятии решений. Так, выраженность данного убеждения обратно коррелирует с пунктом «Я трачу много времени, убеждая себя, что принятое мной решение было правильным» ($r=-0,314$; $p=0,017$).

Выводы

1. Картину мира целесообразно рассматривать в качестве достаточно значимого фактора реализации определенного стиля принятия решений (особенно связанных с действиями в условиях неопределенности).

2. Убежденность руководителя в недоброжелательности мира способствует формированию авторитарного стиля принятия решений.

3. Выраженность базисных убеждений в контроле событий и ценности своего «Я» являются предпосылками более активного включения руководителя в ситуацию принятия решений и более «решительного» осуществления выбора альтернатив, а также склонности к рациональному стилю принятия решений.

4. Уверенность в своей способности контролировать события может выступать одной из детерминант акцента в процессе принятия решений на этапе анализа ситуации и выработки альтернатив по сравнению с этапом оценки найденных вариантов.

5. Убеждение в своей удаче повышает вероятность опоры при принятии решения на интуицию.

6. Полученные данные позволяют говорить о возможном обратном влиянии приверженности определенному стилю принятия решений на специфику картину мира.

Ссылки

1. Карпов А. В. Психология менеджмента: учебное пособие. М.: Гардарики, 2005. 584 с.
2. Загузова Т. А. Гендерные, возрастные и индивидуально-личностные различия в процессах принятия решений: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 21 с.
3. Карпов А. В., Маркова Е. В. Психология стилей управленческих решений: учебное пособие / Институт «Открытое общество». Ярославль, 2003. 108 с.
4. Семичева Н. В. Когнитивно-стилевая детерминация принятия решений: дис. ... канд. психол. наук. М., 2010. 275 с.
5. Немов Р. С. Психологический словарь. М.: ВЛАДОС. 2007. 560 с.
6. Психология: словарь. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
7. Толочек В. А. Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. М.: Институт психологии РАН, 2013. 320 с.
8. Карпов А. В., Маркова Е. В. Стилевые особенности процесса принятия управленческих решений // Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 3 (37). С. 80–86.
9. Дернер Д. Логика неудачи. М.: Смысл, 1997. 243 с.
10. Улыбина Е. В. Ловушка справедливости: способы снятия неопределенности в картине мира личности // Мир психологии. 2017. № 2. С. 101–108.

11. Смирнов С. Д. Прогностическая направленность образа мира как основа динамического контроля неопределенности // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 5. С. 5–13.
12. Падун М. А., Котельникова А. В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 4. С. 98–106.
13. Blum S. C., Silver R. C., Poulin M. J. Perceiving risk in a dangerous world: associations between life experiences and risk perceptions // *Social Cognition*. 2014. Vol. 32, № 3. P. 297–314.
14. Rohrmann B. Risk perception, risk attitude, risk communication, risk management: A conceptual appraisal // *Global co-operation in emergency and disaster management. The International Emergency Management Society. 15th TIEMS Conference booklet. Prague, 2008.* URL: http://tiems.info/dmdocuments/events/TIEMS_2008_Bernd_Rohrmann_Keynote.pdf (дата обращения: 8.09.2020).
15. Плотницкая М. Р. Толерантность к неопределенности как фактор формирования образа мира личности // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2014. № 28. С. 105–114.
16. Юртаева М. Н. Когнитивно-стилевые и личностные характеристики толерантности к неопределенности: автореф. дис. ... канд психол. наук. Екатеринбург, 2011. 26 с.
17. Сафиуллина Л. А., Мельничук А. С. Взаимосвязь отношения к инновациям и базисных убеждений руководителей // Развитие профессионализма. 2017. № 1. С. 45–47. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29372171>
18. Maximizing versus satisficing: Happiness is a matter of choice / B. Schwartz [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 83, № 5. P. 1178–1197.
19. Scott S. G., Bruce R. A. Decision-making style: The development and assessment of a new measure // *Educational and Psychological Measurement*. 1995. Vol. 55, № 5. P. 818–831.
20. Кабанова Т. Н., Шмакова Е. М., Саутова Л. Н. Психологические особенности принятия решений у сотрудников силовых структур // Прикладная юридическая психология. 2017. № 3 (40). С. 25–32.

Complex problems as a subject of psychological research

A. B. Kutuzova¹, N. N. Mekhtikhanova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article deals with the existing research directions of complex problems in modern psychology. The definition of “problem” is given, and various classifications of types of problems are described. The characteristic of a class of complex problems, their properties and stages of solution is given. The question is raised about the criteria for evaluating the solution of complex problems. The characteristics of complex problems are compared with the characteristics of complex personal problems studied by various authors.

Keywords: complex problems; definition; types; features; stages of solution; determination of complex problems; complex personal problems; evaluation of the solution

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kutuzova Anastasia B. | E-mail: kutuzova-anastasiia@mail.ru
Postgraduate student

Mekhtikhanov Natalya N. | E-mail: natnik1@list.ru
Candidate Sc. (Psychology), Associate Professor

Funding: RFBR, Project No 19-013-00849.

Сложные проблемы как предмет психологических исследований

А. Б. Кутузова¹, Н. Н. Мехтиханова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 159.9

Научная статья

В статье рассматриваются существующие в современной психологии направления исследований комплексных проблем. Приводится определение понятия «проблема», описываются различные классификации видов проблем. Дается характеристика класса комплексных проблем, их свойств и стадий решения. Ставится вопрос о критериях оценки решения комплексных проблем. Проводится сравнение характеристик комплексных проблем с характеристиками сложных личностных проблем, исследуемых различными авторами.

Ключевые слова: комплексные проблемы; определение; виды; признаки; стадии решения; детерминация сложных проблем; сложные личностные проблемы; оценка решения

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кутузова Анастасия Борисовна | E-mail: kutuzova-anastasiia@mail.ru
Аспирант

Мехтиханова Наталья Николаевна. | E-mail: natnik1@list.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Финансирование: РФФИ, проект № 19-013-00849.

Начиная с 70-х годов XX века исследователи стали всё больше убеждаться в том, что данные, полученные в исследованиях на материале простых лабораторных задач, нельзя переносить на более сложные проблемы реальной жизни. По мнению Д. Дёрнера, классические исследования решения проблем (например, с использованием задачи «Ханойская башня») дают недостаточно информации о том, как происходит решение практических проблем. В частности, решение чётко определённых лабораторных задач и решение плохо определённых проблем задействуют различные когнитивные процессы [1]. В то же время с возрастанием темпов научно-технического прогресса возникла необходимость исследовать особенности решения проблем в есте-

ственных, сложных и динамичных ситуациях. Эта проблематика широко рассматривается в отечественных исследованиях практического мышления. В экспериментах, проводившихся при изучении теоретического мышления, как правило, используются задачи, содержащие чёткие условия и требования; в них наблюдается существенное упрощение условий, позволяющее при поиске решения абстрагироваться от множества различных обстоятельств. В практическом мышлении решатель имеет дело с реальным миром во всей его сложности. Объект, с которым при этом имеет дело решатель, отличается особой сложностью; такого рода объект называют «большой системой», «комплексным» объектом [2]. Таким образом, в современной психологии происхо-

© Кутузова А. Б., Мехтиханова Н. Н., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY-NC-ND (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>)

дит смещение внимания с исследования чётко определённых проблем на плохо определённые, нечеткие, комплексные проблемы.

Проблема – объективно возникающий в ходе развития познания вопрос или комплекс вопросов, решение которых представляет существенный практический или теоретический интерес. Большинство определений проблемы имеют общий компонент – акцент на расстоянии между проблемой и решателем. Так, по мнению П. А. Френч и И. Функе, проблема существует, только если существует разрыв между ней и решателем или барьер между состоянием, имеющимся в реальной ситуации, и целевым состоянием в голове решателя [3]. Д. Дернер и И. Функе предлагают следующее определение процесса решения сложной, комплексной проблемы – это совокупность саморегулируемых психологических процессов и действий, необходимых в динамических средах для достижения нечётких целей, которые не могут быть достигнуты рутинными действиями. Для решения необходима творческая комбинация знаний и широкий набор стратегий; при этом процесс решения сочетает в себе когнитивные, эмоциональные и мотивационные аспекты, особенно в ситуациях с большими рисками. Сложные проблемы обычно связаны с большим количеством информации, требованиями и взаимодействиями между разными людьми.

За последние 30 лет было описано множество *видов проблем*, подразумевающих под собой смежные феномены: комплексные проблемы [4], интерактивные проблемы [5], повседневные проблемы [6], социальные проблемы [7], прикладные проблемы [8], жизненные проблемы [9], практические проблемы [10] и ряд других.

Всё существующее многообразие проблем можно классифицировать по ряду оснований. В зависимости от степени ясности цели разделяют на чётко определённые проблемы и нечёткие [11]. Риттель и Уэббер [12] описывают класс «изначально злых» проблем, которые они противопоставляли «прирученным» проблемам. Также выделяются монопредметные и полипредметные проблемы. Кроме этого, существуют «плюс» и «минус» проблемы [13, 14]. Интересна типология проблем, основанная на их формальных аспектах,

предложенная Вудом [15]. Согласно его подходу, три измерения – полнота данных (полные или неполные), знание методов решения (известные и неизвестные) и определённость цели (определена чётко или размыта) – образуют восемь типов проблем. Эти типы различаются и с точки зрения навыков, необходимых для их решения [16].

Проблемы также могут быть разделены по содержанию цели на теоретические и практические. Для решения первых необходимо нечто объяснить, проанализировать, сопоставить, сформулировать или определить и т. д. Такие проблемные ситуации имеют место в естественных науках, философии, криминалистике, технической экспертизе. Решение практических проблем предполагает внедрение, реализацию, организацию или реорганизацию. Такие проблемные ситуации возникают в любых сферах деятельности; особенно много их в области управления сложными объектами и системами.

В. Ф. Спиридонов рассматривает «интеллектуальные» и «личностные» проблемы. В случае интеллектуальной проблемы дело не сводится к чисто рациональному поиску решения, но предмет размышлений (математический, финансовый, шахматный и т. п.) доминирует и подчиняет себе логику мыслительного процесса, что не исключает ярких переживаний, скачков самооценки и высокой мотивации. В случае личностной проблемы ситуация организована иначе: человек сталкивается с тяжёлыми событиями, тягостными переживаниями (например, с потерей близкого человека); это может стать и предметом интенсивных размышлений, но в центре оказываются процессы переживания. Помимо всего вышеперечисленного, в качестве критерия для деления используются временная шкала, уровень риска (с высокими и низкими рисками), динамика (статические или динамические проблемы) и т. д. [17].

Таким образом, проблема может быть охарактеризована не только как простая алгоритмическая или как сложная комплексная; проблема может сочетать в себе различные аспекты. Например, это может быть сложная личностная проблема с высокими рисками, сложная интеллектуальная проблема прак-

тического характера с нечетко определенной целью и т. д.

Рассмотрим особенности комплексных проблем в целом. Д. Дёрнер определяет следующие *признаки сложных проблем*:

- **Комплексность.** Существование ряда взаимозависимых признаков. Степень сложности обуславливается и тем, в какой мере нужно учитывать разные аспекты проблемы и их связи, чтобы понимать ситуацию и планировать свои действия;

- **Сетевидность.** Наличие связей между переменными системы делает необходимым одновременный учет многих признаков;

- **Динамика.** Зачастую на разрешение ситуации дается ограниченное количество времени и решатель отказываться от сбора всей информации. Кроме этого, с течением времени некоторые свойства и особенности проблемы могут меняться независимо от решателя. Динамика является также неотделимой характеристикой и самого решателя, характеристикой его деятельности и средств познавательной деятельности – целей, гипотез, стратегий их проверки, используемых орудий и т. д.;

- **Непрозрачность.** Многие признаки комплексной проблемы или совсем недоступны решателю, или доступны только косвенно. Важная роль здесь отводится модели реальности решателя – общее множество предположений о связях и переменных проблемы. Модель реальности может быть правильной или ошибочной, полной или неполной, и решатель должен учитывать это при решении, чтобы избежать «незнания и ложных гипотез»;

- **Полителения.** Сложная проблема содержит в себе несколько зачастую противоречивых целей;

- **Эффекты,** отсроченные во времени. Не каждое действие решателя влечёт за собой мгновенное появление последствий. В сложных проблемах последствия часто проявляются с временной задержкой [18].

Одним из основных эмоциональных состояний человека при исследовании сложных систем и решении комплексных проблем является неуверенность, сомнение, готовность принять двоякие (прогнозировавшиеся и непрогнозировавшиеся) результаты действий и т. д. Это отражает принципиальную невоз-

можность нахождения единственного, обоснованного, «самого правильного со всех точек зрения» выбора: выбора единственного общего подхода, единственной цели, единственной гипотезы, единственного метода, единственного критерия оценки результата и т. д.

К этим характеристиками можно добавить неопределённость, системность, семантическую насыщенность, множественность результатов взаимодействия и алгоритмическую неразрешимость [14, 19].

В большинстве исследований выделяются следующие *стадии решения комплексной проблемы*:

1. Поиск информации и ее интеграция. Решателю необходима информационная модель, отражающая проблему в системе, а также цель, к которой решатель стремится прийти. Поэтому решателю необходимо систематически собирать и интегрировать информацию;

2. Разработка и согласование целей. Решатель должен определить и обосновать цели, часто расплывчатые и глобальные, которые он хочет достичь. Если цели оказываются противоречивыми, ему необходимо найти компромисс, позволяющий достичь их хотя бы частично;

3. Планирование и принятие решений. Решатель должен решить, какую именно стратегию действия выбрать и какую информацию он при этом будет использовать. При прогнозировании будущих изменений, с учетом предыдущего состояния системы и его собственных действий, он может эффективно планировать свои следующие шаги;

4. Самоконтроль. Решателю, возможно, придется столкнуться с временным пресингом, стрессом и разочарованием, а также конфликтом своих внутренних ценностей. Он должен управлять этим с помощью либо изменения системы, либо собственного поведения и привычек [14].

В настоящее время в зарубежной психологии активно ведется изучение *детерминант решения комплексных проблем*. В качестве таковых рассматриваются три группы факторов – характеристики решателя, ситуационные факторы и особенности самой экспериментальной задачи. Для нас наибольший интерес представляет первая группа. Эти факторы включают в себя компетенции, кото-

рые решатель уже имеет на момент начала решения комплексной проблемы, и компетенции, которые он приобретает во время взаимодействия с ней. Здесь исследуется интеллект [20], опыт – сравнивают экспертов и новичков [21], стратегии [22], рабочая память [23], эмоции [24], мотивация [25], рефлексия [26] и др.

Сдвиг акцента с изучения простых проблем на изучение сложных, более близких к реальности сопровождался дискуссиями о *критериях оценки процесса решения* сложных проблем.

Создание системы критериев эффективного решения возможно через описание ошибочных действий и показателей решения успешных и неуспешных решателей. Так, Д. Дернер перечисляет часто встречающиеся ошибки, которые совершают люди при работе с комплексной проблемой: игнорирование тенденции, недооценку экспоненциального роста и мышления в рамках причинно-следственной цепочки, а не сети. По его данным, успешные испытуемые принимают больше решений за один момент времени (и в целом чаще в процессе решения), чем неуспешные; они видят больше возможностей повлиять на проблему; они раньше концентрируются на ключевых причинах, а не идут постепенно от побочных влияний к более важным. Успешные и неуспешные решатели выдвигают примерно равное число гипотез, но успешные испытуемые чаще проверяют свои гипотезы и задают больше вопросов о причинно-следственных связях. Успешные испытуемые меньше отвлекаются на менее важные, но срочные побочные аспекты проблемы, их решения более последовательны, в то время как неуспешные испытуемые легче отвлекаются и имеют тенденцию чаще менять рабочую задачу. Успешные испытуемые структурируют, рефлексиируют, критикуют и меняют свои гипотезы и поведение в большей степени, чем неуспешные [14]. А. Янсон также приводит ряд ошибочных действий при работе с комплексной проблемой: действие непосредственно в ответ на обратную связь, недостаточную систематизацию действий, недостаточный контроль гипотез и стратегий, отсутствие рефлексии, избирательный отбор информации, выборочное принятие решений, резонёрство [27].

Исследования П. Балтеса касаются изучения процесса решения сложных жизненных (личностных) проблем. В его работах решатель имеет дело с текстовыми задачами, описывающими проблему личностного характера. Решателю необходимо рассуждать вслух над предложенной проблемой. Решение задачи оценивается экспертами по пяти критериям; при этом решение, наиболее близкое к эталонному, является оптимальным, или, в терминах П. Балтеса – мудрым решением. Таким образом, согласно П. Балтесу, мудрость человека отражает его способность успешно решать сложные личностные проблемы. Рассмотрим подробнее критерии оценки правильности решения сложной личностной проблемы.

1. Фактическое знание того, как устроена жизнь, как обычно ведут себя люди. Сюда включаются знания, общие для всех людей в пределах данного общества о природе человека и условиях его жизни. Кроме того, к фактическим знаниям относятся специфические знания о конкретных жизненных событиях; о событиях, привязанных к определенному возрасту; запланированных и неожиданных (образование, начало карьеры, создание семьи, рождение ребенка); а также о функционировании различных институтов.

2. Процедурное, или стратегическое, знание – знание о том, как решать те или иные проблемы и достигать различных целей. Это стратегии и эвристики, касающиеся управления и осмысления жизни в вопросах прошлого, настоящего и будущего.

3. Контекстуализация, то есть способность помещать проблему в разные широкие контексты. Существуют различные временные контексты (прошлое, настоящее, будущее) и тематические контексты (семья, друзья, работа, свободное время и т. д.).

4. Понимание и учет индивидуальных, социальных и культурных различий в ценностях и приоритетах, понимание относительности точек зрения.

5. Осознание и учет неопределённости жизни. Это знание о том, что жизнь является относительно непредсказуемой, а решения и планы человека никогда не будут свободны от неопределённости. Понимание того, что никто не имеет доступа ко всей информации и всем мерам по урегулирова-

нию всех жизненных вопросов – следовательно, будущее не может быть полностью проконтролировано. Понимание того, что какие-то решения могли быть сделаны ранее в свете неопределённости в отношении будущего и что на основе современных знаний старое понимание и объяснения нужно перепроверить и изменить.

Эти пять критериев образуют баланс между интеллектуальной и личностной стороной сложной личностной проблемы. Предлагаются также некоторые конкретные операциональные индикаторы, наличие которых в рассуждениях позволяет определить успешного решателя. Так, для фактического знания это максимальное уточнение и анализ фактических обстоятельств, приведение примеров возможных ситуаций; для процедурного знания это выработка стратегии поиска информации, принятия решения и совета, чёткие временные графики, включённые в ситуацию, выбор точного времени, когда давать тот или иной совет, обследование, анализ различных сценариев с точки зрения соотношения затрат и результатов, целей и средств [9].

Решение сложных личностных проблем рассматривается в теории И. Гроссмманна. Он и его коллеги разработали гибридный метод оценки аспектов мышления, связываемых обычно с мудростью («мудрые рассуждения»), в котором сочетается опросная часть с интервью [28]. Испытуемые размышляют о сценариях межличностных или межгрупповых конфликтов, отвечая на ряд опросов экспериментатора («Что, по вашему мнению, произойдет дальше? Почему это произойдет таким образом? Что, по вашему мнению, должно быть сделано в ситуации?») и др.

Для оценки ответов используются процедуры экспертных оценок, при этом учитываются следующие аспекты:

I. Признание ограниченности знания. Параметр оценивает то, насколько испытуемый уверен в достаточности / недостаточности информации и своих знаниях для ее решения;

II. Признание множественности путей развития ситуации / признание возможности ее изменения. Этот параметр включает в себя оценку того, применяет ли испытуемый при рассуждении единое правило или мировоззренческую позицию или же рассматрива-

ет проблему с нескольких точек зрения. Этот параметр оценивает, анализирует ли испытуемый предложенную проблему с позиции ее участников, ставит ли себя на их место, а также принимает ли он во внимание какие-либо иные взгляды и мнения, не указанные непосредственно в тексте ситуации.

III. Рассмотрение / признание (различных) точек зрения в повествовании. Параметр оценивает, осуществляет ли испытуемый прогноз развития событий и насколько этот прогноз подробный.

IV. Объединение различных точек зрения / компромисс. Этот параметр включает в себя оценку того, насколько испытуемый считает возможным разрешение конфликта при помощи компромисса.

V. Поиск решения ситуации [29].

Несмотря на то что у П. Балтеса и И. Гроссмманна представлены схожие процедуры исследования решения сложной личностной проблемы, оценка решения происходит по разным критериям. Если у П. Балтеса в большей мере сделан акцент на том, какую именно информацию в своём ответе испытуемый указывает как важную для решения, то у И. Гроссмманна оценивается сам характер решения – гибкость, компромиссность и признание ограниченности своих знаний против обширного перечисления возможных факторов (в случае парадигмы П. Балтеса). При этом в обоих случаях исследователи анализируют то, насколько решатель ставит себя на место разных участников ситуации, рассматривает проблему с разных позиций и то, рассматривает ли он данную проблему как разрешаемую, предлагает ли варианты ее разрешения. Описанные критерии П. Балтеса и И. Гроссмманна представляются нам отвечающими принципам оптимальности, адекватности, реальности и могут использоваться для оценки решения сложных личностных проблем.

Заключение

По нашему мнению, сложные личностные проблемы можно рассматривать в русле теории complex problem solving (решение комплексных проблем) по ряду признаков. В них содержится ряд взаимосвязанных элементов, изменение поведения или характеристик которых приводит к ряду изменений в проблеме целиком. Такая проблема требует разрешения

в определённый период времени, а многие важные для решения элементы могут быть не указаны. Кроме этого, в таких проблемах хорошо проявляется наличие противоречивых целей, особенно в ситуациях конфликтного взаимодействия. Признаки комплексных проблем, разработанные Д. Дёрнером, конкретизируются в рассмотренных выше критериях П. Балтеса и И. Гроссмана. Так, на комплексный характер проблем, использующихся у П. Балтеса, указывает в частности аспект фактических знаний о мире: решатель должен учитывать ряд важных для проблемы аспектов и их взаимосвязи. Сетевидный характер личностных проблем П. Балтеса также отражен в аспекте фактических знаний, но, кроме этого, он отражается и в аспекте контекстуализации: решатель должен производить решение с учетом контекста. Динамика отражена в аспектах решения сложных личностных проблем: в аспекте учета неопределённости жизни указывается, что решения должны быть приняты, несмотря на неполноту исходных данных. Непрозрачность неотделима от сложных личностных проблем, так как решатель не обладает полной информацией, некоторые аспекты проблемы ему нужно предположить самому и приходится опираться на неполную картину проблемы. Также личностным проблемам

свойственна полнота, так как часто достижение одной расплывчатой цели подразумевает еще и наличие ряда более-менее определённых, часто противоречивых целей.

Однако данные задачи имеют существенные отличия от классических примеров проблем-микромиров, используемых при исследовании процесса решения комплексных проблем в парадигме, разработанной Д. Дёрнером. Среди отличий можно выделить отсутствие у сложных личностных проблем возможности прямо воздействовать на переменные и управлять ими для получения того или иного результата, выдвигать гипотезы и проверять их. Также отличием предложенных исследовательских личностных проблем является отсутствие у них реального временного прессинга; при решении текстовой задачи испытуемый рассуждает вслух над имеющейся проблемой, к которой не добавляются в реальном времени новые обстоятельства и условия. В то же время, если рассматривать личностные проблемы, решаемые человеком в реальной жизни, то особенности, выделенные Д. Дёрнером, становятся их неотъемлемыми характеристиками. Таким образом, сложные личностные проблемы можно выделить как особый вид комплексных проблем.

Ссылки

1. Funke J. Complex problem solving: A case for complex cognition? // *Cognitive processing*. 2010. V. 11, № 2. P. 133–142.
2. Субъект и объект практического мышления: коллективная монография / под ред. А. В. Карпова, Ю. К. Корнилова. Ярославль: Ремдер, 2004. 320 с.
3. Frensch P. A., Funke J. Definitions, traditions, and a general framework for understanding complex problem solving // *Complex Problem Solving: The European Perspective* / eds P. A. Frensch and J. Funke. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1995. P. 3–25.
4. Sternberg R. J., Frensch P. A. *Complex problem solving: Principles and mechanisms*. NJ: Psychology Press, 2014. 358 p.
5. A multitrait–multimethod study of assessment instruments for complex problem solving / S. Greiff [et al.] // *Intelligence*. 2013. V. 41, № 5. P. 579–596.
6. Willis S. L. Everyday problem solving // *Handbook of the psychology of aging*. 1996. V. 4. P. 287–307.
7. Chang E. C., D’Zurilla T. J., Sanna L. J. *Social problem solving: Theory, research, and training*. NJ: American Psychological Association, 2004. 276 p.
8. Heppner P. P. Expanding the conceptualization and measurement of applied problem solving and coping: From stages to dimensions to the almost forgotten cultural context // *American Psychologist*. 2008. V. 63, № 8. P. 805.

9. Staudinger U. M., Smith J., Baltes P. B. Manual for the assessment of wisdom-related knowledge. Berlin: Max-Planck-Institut für Bildungsforschung, 1994. 92 p.
10. Корнилов Ю. К. Психология практического мышления: монография. Ярославль, 2000. 205 с.
11. McCarthy J. The inversion of functions defined by Turing machines // Automata studies. Princeton University Press, 1956. P. 177–181.
12. Rittel H. W. J., Webber M. M. Dilemmas in a general theory of planning // Policy sciences. 1973. V. 4, №. 2. P. 155–169.
13. Акофф Р. Искусство решения проблем. М.: Мир, 1982. 224 с.
14. Дёрнер Д. Логика неудачи. М.: Смысл, 1997. 243 с.
15. Wood C. The development of creative problem solving in chemistry // Chemistry Education Research and Practice. 2006. V. 7, №. 2. P. 96 –113.
16. Fischer A. Assessment of problem solving skills by means of multiple complex systems–Heidelberg: Validity of Finite Automata and Linear Dynamic Systems. 2015. 95 p.
17. Спиридонов В. Ф. Психология мышления: Решение задач и проблем: учебное пособие. М.: Генезис, 2006. 319 с.
18. Funke J. Solving complex problems: Exploration and control of complex systems // Complex problem solving: Principles and mechanisms. 1991. V. 4. P. 185–222.
19. Поддьяков А. Н. Исследовательское поведение: стратегии познания. Помощь, противодействие, конфликт. М, 2000. 266 с.
20. Complex problem solving and intelligence: A meta-analysis / M. Stadler [et al.]. // Intelligence. 2015. V. 53. P. 92–101.
21. Comparing business experts and novices in complex problem solving / C. D. Güss [et al.]. // Journal of Intelligence. 2017. V. 5, №. 2. P. 20.
22. Güss C. D., Tuason M. T., Orduña L. V. Strategies, tactics, and errors in dynamic decision making in an Asian sample // Journal of Dynamic Decision Making. 2015. V. 1. P. 3–3.
23. Fischer H., Holt D. V. When high working memory capacity is and is not beneficial for predicting nonlinear processes // Memory & cognition. 2017. V. 45, №. 3. P. 404–412.
24. Barth C. M., Funke J. Negative affective environments improve complex solving performance // Cognition and Emotion. 2010. V. 24, №. 7. P. 1259–1268.
25. Güss C. D., Dörner D. The importance of motivation and emotion for explaining human cognition // Behav Brain Sci. 2017. V. 40. P. 38–39.
26. Güss C. D., Donovan S. J., Naslund D. Improving dynamic decision making through training and self-reflection. N.Y, 2015. 295 p.
27. Jansson A. Pathologies in dynamic decision making: Consequences or precursors of failure? // Sprache & Kognition. 1994. V. 13. P. 160–173.
28. Grossmann I. Wisdom in context // Perspectives on Psychological Science. 2017. V. 12, №. 2. P. 233–257.
28. Wisdom, bias, and balance: Toward a process-sensitive measurement of wisdom-related cognition / J. P. Brienza [et al.]. // Journal of Personality and Social Psychology. 2018. V. 115(6). P. 1093–1126.

Strategies and psychotechnologies of the psychologist's work in the framework of a body-oriented approach

A. O. Gritsay¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

This article reveals the basic concepts, goals and capabilities of a body-oriented psychotherapy. Also, strategies are proposed for building the work of a consultant with a client as part of a body-oriented approach. Each strategy is associated with methods and psychotechnologies.

Keywords: body-oriented psychotherapy; therapeutic strategy; psychotechnology; holistic approach

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Gritsay Artem O. | E-mail: artemg78@gmail.com
Senior lecturer

Стратегии и психотехнологии работы психолога в рамках телесно-ориентированного подхода

А. О. Грицай¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 159.99

Научная статья

В данной статье раскрываются основные понятия, цели и возможности телесно-ориентированной психотерапии. Предложены стратегии выстраивания работы консультанта с клиентом в рамках телесно-ориентированного подхода. С каждой стратегией соотнесены методы и психотехнологии.

Ключевые слова: телесно-ориентированная психотерапия; терапевтическая стратегия; психотехнология; целостный подход

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Грицай Артем Олегович | E-mail: artemg78@gmail.com
Старший преподаватель

Психосоматика – это телесное отражение душевной жизни человека, включая как проявление эмоций (следствием дисбаланса которых и становятся психосоматические болезни), так и «зеркало» иных подсознательных процессов, телесный канал сознательно-подсознательной коммуникации. В этом контексте тело представляется как своего рода экран, на который проецируются символические послания подсознания и на котором психологические проблемы человека, его внутренние, сознательно-подсознательные конфликты находят отражение в облигатном, безусловно-обязательном порядке [1].

Иначе говоря, взаимосвязь тела и психики всегда двусторонняя. Как все соматические расстройства имеют свои психологические «корни», так и любые психологические проблемы всегда приносят психосоматические «плоды». Разница только в том, какая именно сторона внутри-психического конфликта – душевная или соматическая – выходит на первый план, какая из них имеет более выраженные внешние проявления. И точно так же, как исцеление от телесных недугов может быть достигнуто путем проработки породивших их психологических причин, в равной степени справедливо и обратное. В этом и состоит суть телесно-ори-

ентированной психотерапии: разрешить клубок проблем наиболее естественным, надежным и простым способом, помогая пациенту вступить в сознательный диалог с собственным подсознанием на его «родном» языке – языке тела. Поэтому популярность телесно-ориентированной психологии и психотерапии в последнее десятилетие, несомненно, растет.

Телесно-ориентированная психотерапия возникла на основе практического опыта и многолетних наблюдений взаимосвязи духовного и телесного в функционировании организма. Она в большей степени, чем другие направления психотерапии, придерживается холистического подхода, необходимость в развитии которого постоянно возрастает. Так, холистическая медицина утверждает: 1) человека нужно лечить как интегрированную живую единицу, а не набор разрозненных частей организма; 2) в каждом из нас заключена способность к самоисцелению. Преодоление дуализма тела и разума и возвращение к целостной личности ведет к глубоким изменениям понимания поведения человека [1, 2].

Более короткого названия данной области на русском языке пока не придумано. Английский исходный термин «body work» может быть переведен на русский язык двояко – и как «ра-

бота с телом», и как «работа телом». В первом случае тело отделено, отчуждено от нас (сравнимо, например, «работа с телом» и «работа с отверткой»). Поэтому одна из сверхзадач этой области психологической практики — возврат к собственному телу, его обретение [3–5].

В нашей культуре реальность человеческого тела — область сильнейших табу. Вместе с тем имеет смысл говорить о культуре тела, культуре телесности. Отношения между сознанием и телом непросты — практически все эзотерические системы уже на первых этапах обучения используют телесные практики именно с целью дискредитации сознания и привычной картины мира. И все же возможно развивать культуру осознания, культуру психической деятельности, если в качестве их опоры использовать «проработанное», окультуренное тело [2, 6].

Общую цель и задачи различных направлений групповых и индивидуальных методов психокоррекции, подчеркивающих важность привычек как ключей к диагностике, можно назвать несколько иначе — *«телесно-ориентированные психотехнологии»*. По мнению сторонников метода, даже если вы намеренно и сознательно не боретесь со стрессовой ситуацией, на нее тем не менее автоматически реагирует ваше тело. Переживания отражаются в том, как люди двигаются, как дышат, управляют своими мышцами, а также в болезнях, которыми они страдают [7].

Большинство психологических методов в основном рассудочны. Они выделяют в человеке как физическом существе разум, символизирующий общее начало, и тело, воплощающее человеческую основу, животную природу. В полном соответствии с известным выражением «горе от ума» избыточная интеллектуализация препятствует человеку замечать простые радости жизни и размывает сам жизненный смысл, создавая духовную пустоту, экзистенциальный вакуум. Тем самым исправление подобного стереотипа может служить универсальным рецептом психокоррекции, применимым в различных жизненных ситуациях [1, 8].

Чрезмерно большая ориентация на знаемую, рациональную норму, являющаяся результатом дистанцирования от телесного опыта (какими должны быть мужчина, женщина, ребенок определенного возраста) характерна для современного общества. Следствием является неумение почувствовать индивидуальную неповторимость Другого, его состояние здесь

и теперь, что приводит к непониманию и отчужденности. В основе многих психологических проблем ребенка лежит неспособность родителей любить его таким, какой он есть и искренне выражать свою любовь [9].

Телесно-ориентированные психотехнологии преодолевают барьер психического и физического с целью интеграции тела и разума [7]. Поэтому мы придерживаемся именно этого понятия — телесно-ориентированная психотехнология — и используем его в нашей работе.

В психокоррекционную работу вовлекаются не только поверхностные телесные ощущения — кожные и мышечно-суставные, но и глубокие, висцеральные. Их проработка имеет основополагающее значение для коррекции психосоматических расстройств. В последнее время подобные представления получают признание не только в психокоррекции, но и в сугубо медицинских областях [10, 11]. В частности, это находит отражение в так называемой мануальной терапии, где принято говорить о мануальном воздействии не только на позвоночник, мышцы и суставы (в котором имеется очевидный психокоррекционный компонент), но и на психику в целом [12, 13].

Понятие энергии имеет решающее значение для телесной психотехнологии. Тело может изучаться через энергетические процессы химического и электрического обмена. Для любого человека оптимальное отношение к телу означает развитие спонтанного течения энергии, охватывающего весь организм от кожной периферии до всех процессов обмена. Все, что нарушает течение энергии в любой части тела, воздействует на человеческое чувство удовольствия и целостности. Свободно текущая естественная жизненная энергия является основой функционирования здоровой личности. Эта энергия, накапливаемая из пищи, жидкости и воздуха, непрерывно течет по телу здорового человека. Избыток энергии создает напряжение, когда личность не готова ее использовать для собственного роста, и энергия направляется на подавление спонтанности.

Телесно-ориентированные подходы имеют целью облегчение самовыражения посредством мобилизации энергии тела. Естественная природа человека — это состояние искреннего удовольствия, которое возникает, например, при детском любопытстве и изумлении. Поэтому данные психотехнологии поощряют выражение естественных чувств, тем са-

мым помогая человеку пробудить собственную энергию. Удовольствие — это свобода телодвижения и свобода от мышечного напряжения. Раскрепощение тела, включение его в жизнь приближает нас к первичной природе человека и помогает ослабить отчужденность, испытываемую большинством людей. Межличностная отчужденность обусловлена именно отчуждением от собственного тела, так как человек может ощущать жизнь только через свое физическое существование [9, 14, 15, 16, 17].

Телесно-ориентированные психотехнологии (ТОП) используют свои специфические средства, которые дают возможность участникам терапии осознавать мышечное напряжение, энергетические блокировки и ограничения в дыхательном цикле, помогают им ослабить мышечное напряжение. Так как психические и телесные явления считаются равнозначными, ригидность на одном уровне предполагает ригидность и на другом. ТОП позволяют преодолеть эту ригидность, вызывающую тревогу и негативные эмоциональные переживания [7, 15, 16, 18].

Важно отметить, что существующие в настоящее время методы ТОП отвечают всем требованиям целостного подхода: *человек — единое функционирующее целое, сплав тела и психики, в котором изменения в одной области сопровождаются изменениями в другой*. Их объединяет стремление вернуть человеку ощущение целостности, научить его не только осознанию вытесненной информации, но и переживанию в настоящий момент единства тела и психики, целостности всего организма. Все методы телесно-ориентированной терапии направлены в той или иной степени на обеспечение условий, в которых пациент сможет пережить свой опыт как взаимосвязь психического и телесного, принять себя в этом качестве, тем самым получив возможность для улучшения своего функционирования [7, 14, 19, 20].

В концепции телесно-ориентированной терапии организм человека описывается как единое функционирующее целое, как система взаимосвязанных и взаимозависимых элементов (одним из которых является психика). Изменения в системе происходят закономерно. Воздействие на одну часть организма вызывает реакцию в какой-либо другой его части определённым закономерным природным образом. И такое изменение может происходить в направлении тело-психика. По этому прин-

ципу и работает телесно-ориентированная терапия: *целостное воздействие на организм целостно изменяет психику*.

М. Сандомирский [1] отмечает, что работа телесно-ориентированного терапевта должна проводиться на четырех уровнях:

- мышечная релаксация,
- дыхательная саморегуляция,
- управление вниманием и сенсорное осознание,
- осознание схемы тела.

Приведем цели телесно-ориентированной терапии, выделенные В. В. Козловым в его книге «Истоки осознания» [7]:

1. Расширение сферы осознания собственного тела и использования его возможностей. Это улучшает физическое и эмоциональное здоровье;

2. Повышение самооценки путем развития более положительного образа тела, который прямо связан с более положительным и привлекательным образом «Я»;

3. Совершенствование посредством группового опыта социальных умений тех, кто нуждается в тренинге элементарных социальных навыков. ТОП дают возможность человеку установить творческую связь с другими, преодолеть барьеры условности слов;

4. Приведение человека в контакт с его чувствами путем установления связи чувств с движениями. Направленные или спонтанные движения позволяют освободить подавленные чувства и исследовать скрытые конфликты, которые могут быть источником психического напряжения;

5. Обретение глубокого группового опыта, действующего на бессознательном уровне.

Таким образом, можно выделить сферы личности, на которые может воздействовать телесно-ориентированная терапия:

- физическое здоровье;
- эмоциональное здоровье;
- самооценка;
- социальные навыки.

Далее мы рассмотрим, какие концептуальные модели или терапевтические стратегии могут быть использованы при проведении телесно-ориентированной психотерапии.

Первая стратегия основывается на биосинтетическом подходе Д. Боаделлы. Подход биосинтеза опирается на опыт:

• эмбриологии – в связи с этим о биосинтезе говорят, что благодаря ему психоанализ получил свою органическую основу;

- райхианской терапии;
- теории объектных отношений.

Термин «биосинтез» означает «интеграция жизни», интеграция трех жизненных энергетических потоков. Первоначально эти три зародышевых листка и соответственно три потока энергии интегрированы и свободно корреспондируют друг с другом. Но в результате внутриутробного или родового стресса, травмы младенческого возраста или более позднего периода эта первоначальная интеграция нарушается. В результате либо действие «отрезается» от мышления и чувств, либо эмоции – от движения и восприятия, либо понимание – от движения и чувств. В теле человека эти нарушения взаимодействия мыслей, действий и чувств наиболее сфокусированы:

- между головой и позвоночником (между экто- и мезодермами), между мыслями и действиями — в задней части шеи. Это наиболее ранний блок, формируемый еще во внутриутробной жизни, в родах и в первые дни и недели жизни младенца;

- между головой и туловищем (между экто- и эндодермами), между мыслями и эмоциями — в горле. Этот блок формируется, когда «оральные проблемы сдавливают горло»;

- между позвоночником и внутренними органами (между мезо- и эндодермами), между чувствами и действиями, между действиями и дыханием — в области диафрагмы. Это более поздний блок, он соответствует анальному и генитальному подавлению.

Внутреннюю канву биосинтеза составляет работа по достижению соматического, психического и духовного здоровья; внешнюю – работа по восстановлению интеграции действия, мысли и чувства, утраченной на ранних этапах развития (реинтеграция).

Три основных процессами реинтеграции являются:

- заземление,
- центрирование,
- видение.

Заземление — это работа с мезодермальным (мышечным) панцирем. Заземление связано с ритмом нашего движения и состоянием нашего мышечного тонуса. Хорошо заземленным является человек, чей мышечный тонус соответствует его движению и поведению.

Если тонус мышц снижен, человек не заземлен, чувствует отсутствие опоры под ногами. Быть заземленным — значит быть в контакте с реальностью, со своими собственными импульсами. Заземление включает в себя оживление потока энергии вниз по спине и оттуда в «5 конечностей» – ноги, руки, голову.

Основной задачей терапевтической работы с мышечным панцирем является возвращение мышцам способности произвольно сокращаться и расслабляться.

Центрирование. Терапевтическая работа по центрированию затрагивает уровень эндодермы, т. е. внутренних органов, в первую очередь системы дыхания. Она помогает человеку войти в контакт с волнообразным ритмом его дыхания и с соответствующими ему эмоциональными изменениями. Таким образом, это движение к гармоничному дыханию и эмоциональному равновесию.

Нарушения центрирования проявляются в дисбалансах вдоха и выдоха, брюшного и грудного дыхания. Эти дисбалансы приводят к ригидности, обедненности дыхания, его спазмированности.

Задачей терапевтической работы с центрированием является восстановления балансов вдоха-выдоха и грудного-брюшного дыхания.

Для работы с центрированием могут быть использованы любые техники и технологии, расширяющие дыхание, разрывающие шаблонность и стереотипность дыхательного процесса.

Видение и Звучание (Sounding). Терапевтическая работа с контактом глаз, взглядом, голосом — третий путь реинтеграции в биосинтезе. Терапевтическая работа заключается в распознавании способа использования глаз, а также в помощи клиенту увидеть то, от чего он защищается.

Задачей терапии на этом уровне является восстановление контактного взгляда и звучания. В работе могут быть использованы техники голосового тренинга, пропевание гласных звуков. Для восстановления фейсинга можно, например, попросить клиента установить контакт «глаза – в глаза» с терапевтом и поддерживать его. При этом отслеживать свои эмоции и ощущения. Если глаза клиента реагируют на контакт с глазами терапевта, это полезно для работы: терапевт может «прочитать» в них злость, тревогу, удовольствие и т. д., что помогает осознанию паттерна. Если клиент избегает контакта глаз или его взгляд тяжелый и при-

стальной, лучше работать с закрытыми глазами, чтобы войти в более глубокий контакт с внутренней экспрессией пациента.

Терапевт в биосинтезе старается «заземлить» язык в теле и развить связь между вербальной и невербальной экспрессией. Часто, если телесные сигналы становятся неясными или спутанными, терапевт идет на словесное прояснение чувств и внутренних переживаний клиента или на их выражение с помощью голоса. И наоборот, если речь спутана, он может прийти к пониманию происходящего путем чтения невербального языка тела [21].

Вторая стратегия опирается на классификацию проблем, с которыми ведется работа в рамках телесно-ориентированной психотерапии. Эта классификация предложена В. Ю. Баскаковым [4] и известна под названием «четырёх базовых проблем» телесно-ориентированной психотерапии. Основана она на описании наиболее типичных психологических проблем и соотношении их с определенными частями человеческого тела, где они, по мнению автора классификации, «проживают»: контроль/сверхконтроль со стороны сознания (голова), чувства/контакты (руки, грудная клетка), сильные чувства/сексуальные отношения (паховая область), опоры (ноги).

Сверхконтроль. Эта проблема воплощает в себе избыточный самоконтроль. Самоконтроль в социальной жизни человека, в сущности, вообще единственный механизм, способный обеспечить адаптацию в обществе. Жизнь в социуме предполагает сильный контроль своих чувств, телесных импульсов. Проблема проявляет себя в случаях необходимости отпустить контроль, потерять его, например отпустить себя в сексе или отпустить тело во время естественного процесса родов, прислушаться к собственной интуиции и т. п. Сверхконтроль же – он потому и «сверх», – что отключить его не удастся даже в случае крайней необходимости.

Задачей работы в рамках ТОП является восстановление подавленной спонтанности. Клиенту предоставляется возможность управлять самоконтролем. Для работы со сверхконтролем эффективны техники танцевально-двигательной терапии, техники телесной педагогики М. Фенделькрайза.

Проблема контактов. Эта проблема соотносится с плечами, грудью и в первую очередь – с руками человека. Понятно, что сам по себе контакт – никакая не проблема, а исключительно

приятное и даже необходимое в полноценной жизни событие. Но часто происходит что-то, из-за чего контакт становится проблемой. В классификации Баскакова просматривается ответ: любое действие становится проблемой, когда совершается не так, как человек того хочет. Это обозначает, что человеку не удастся вступать в те контакты, которые были бы для него желательны; те же контакты, которые у него имеются, устроены совсем не так, как он хотел бы.

Поскольку «руки растут из грудной клетки», в коммуникации задействовано дыхание и затрагиваются сильные чувства. Обычно при переживании сильных эмоций дыхание либо замирает, либо учащается и начинается гипервентиляция. Соответственно, для работы с этой «проблемой» можно использовать как техники работы с дыханием (см. центрирование), так и техники на активизацию рук и грудной клетки: удары руками по кушетке или полу, работа с грудной клеткой с помощью табурета Райха, работа с руками через толкания.

Тазовая область – сексуальные проблемы. Человек, имеющий в сексуальной сфере те или иные проблемы, просто не способен иметь свободный, раскованный таз. И причина тому проста: в той области тела, потребности которой по тем или иным причинам оказываются неудовлетворенными, естественным образом скапливается большое количество не потраченной на их удовлетворение энергии. Таз в такой ситуации просто не может быть напряженным. Понятно, что за счет избыточного напряжения мышц в этой области в организме вполне могут возникнуть чисто медицинские проблемы той или иной степени серьезности и выраженности. Это не дает возможности адекватно отреагировать на скопившиеся сильные чувства, что вызывает усиление напряжений.

Основная задача терапии – мобилизация и активизация тазовой области.

Проблема опор. Понятие опор в классификации базовых проблем соотносено с ногами. Ноги – это опора, которая дает возможность почувствовать, на что можно опереться в этой жизни, это уверенность в себе и окружающем мире. А когда опоры и уверенности нет, появляется чувство незащищенности и, соответственно, страх. Но человеческое тело изо всех сил старается помочь своему обладателю во всем, что бы он ни делал. И недостаточность чувства уверенности ноги по мере возможности пытаются компенсировать: пример с классическим

«морским» раскачиванием при ходьбе. Для того чтобы в любой, самой сложной ситуации сохранять равновесие, человеку необходимо быть достаточно расслабленным. Иначе успеть перенести вес на оптимальную в данном случае опору скорее всего просто не удастся. В телесно-ориентированной психотерапии чувствительность, способность тонко ощущать поверхность того, на что мы опираемся, называется заземленностью. Речь идет не только о физической опоре, но и о любой другой.

Для работы с проблемой опор подходят все техники работы с мышечным панцирем. Существует также множество техник на активизацию чувствительности стоп.

Классификация базовых проблем В. Баскакова довольно удобна в практической психотерапии, потому что она дает достаточное количество возможностей работы с телом как на языке тела, так и на языке сознания.

В процессе работы в рамках любого направления ТОП также важно учитывать контактные сигналы и элементы касания, которые исходят от клиента [3, 4]. В каждом терапевтическом взаимодействии они будут основным способом индикации происходящего — возрастает ли сво-

бодная пульсация энергии или усиливаются защитные системы и сопротивление.

Основными контактными сигналами являются:

- вербальное выражение облегчения или дискомфорта;
- изменение дыхания;
- изменение мышечного тонуса в ответ на прикосновение;
- изменение цвета лица, контакта глаз и т. д.

Отдельно необходимо сказать, что важнейшим инструментом работы в телесно-ориентированной психотерапии является тело терапевта, в котором резонируют едва различимые напряжения и эмоциональные состояния. В Райх называл этот феномен «вегетативной идентификацией», что означает: чувствовать в своем теле ощущения борьбы клиента, его ритм и особенности пульсации. Чем лучше проработано тело психотерапевта, тем шире диапазон адекватности и чувствительности специалиста.

В нашей стране телесная психотерапия стала развиваться только в последнее время. И теория, которая объединила бы ее различные направления, сделала бы ее стройной и гармоничной системой, пока еще не создана [18].

Ссылки

1. Сандомирский М. Е. Психосоматика и телесная психотерапия: практическое руководство. М., 2005. 592 с.
2. Баскаков В. Ю. Терапия танатоса. Психология телесности между душой и телом. М., 2005. 176 с.
3. Баскаков В. Ю. Хрестоматия по телесно-ориентированной психотерапии и психотехнике. М., 1997. 158 с.
4. Головин С. Ю. Словарь психолога-практика. Минск, 2001. 976 с.
5. Карвасарский Б. Д. Психотерапевтическая энциклопедия. СПб., 1998. 672 с.
6. Баскаков В. Ю. Танатотерапия – искусство жизни. М., 1996. 148 с.
7. Козлов В. В. Истоки осознания. Теория и практика интегративных психотехнологий. М., 1997. 289 с.
8. Райх В. Анализ личности. М., 1999. 333 с.
9. Леви Т. С. Культурно-историческая обусловленность возникновения предметного поля «телесность» / Т. С. Леви. URL: http://telesnost.ru/omega/psihologiya/kulturnoistoricheskaya_obuslovlennost_vozniknoveniya_predmetnogo_polya_telesnost.htm (дата обращения: 5.01.2015).
10. Никитин В. Н. Психология телесного сознания. М., 1999. 484 с.
11. Никитин В. Н. Энциклопедия тела: психология, психотерапия, педагогика, театр, танец, спорт, менеджмент. М., 2000. 622 с.
12. Быховская И. М. Аксиология телесности и здоровье: сопряженность в культурологическом измерении // Психология телесности: между душой и телом / ред.-сост. В. П. Зинченко. М.: АСТ, 2007. С. 53–62.
13. Иваничев Г. Л. Миофасциальный гипертоonus – генератор периферической детерминантной структуры // Журнал неврологии и психиатрии. 1989. Т. 89, № 4. С. 58–60.
14. Лоуэн А. Психология тела: телесно-ориентированный биоэнергетический психоанализ. М., 1997. 256 с.
15. Райх В. Анализ характера. М., 2000. 40 с.
16. Райх В. Функция оргазма. СПб., 1997. 302 с.
17. Урванцев Л. П. Психология соматического больного: учебное пособие. Ярославль, 2000. 159 с.
18. Сергеева Л. С. Психика и тело (исторический аспект). – СПб., 2000. 290 с.
19. Подорога В. А. Феноменология тела. М., 1995. 341 с.
20. Тхостов А. Ш. Психология телесности. М., 2002. 287 с.
21. Баскаков В. Ю. Свободное тело. М., 2004.